

**Національна академія наук України
Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського**

**Міжнародний Соломонів університет
Східноукраїнська філія
Міжнародний центр хозарознавства
Фонд взаємодії цивілізацій**

Хазарський альманах

Том 12

Київ – Харків

2014

Civilizations Interaction Foundation

Щиро дякуємо доктору історичних наук, професору
В. Я. Петрухину за організаційну підтримку видання

Редакційна колегія:

О. Б. Бубенок (головний редактор), доктор іст. наук, професор.
В. С. Аксьонов, канд. іст. наук
К. В. Бондар (відп. секретар), канд. філол. наук
О. Б. Головка, доктор іст. наук, ст. наук. співр.
Ю. М. Кочубей, канд. філол. наук, ст. наук. співр.
В. В. Майко, доктор. іст. наук, ст. наук. співр.
В. Я. Петрухін, доктор іст. наук, професор
А. В. Скоробогатов, доктор іст. наук, доцент
С. Б. Сорочан, доктор іст. наук, професор
О. О. Тортіка (заступник головного редактора), доктор іст. наук, професор
О. І. Уткін, доктор іст. наук, професор
В. С. Фльоров, канд. іст. наук, ст. наук. співр.
О. О. Хамрай, докт. філол. наук, ст. наук. співр.

Склад редколегії затверджено на засіданні Вченої ради Інституту сходознавства ім. А. Кримського НАН України 26 жовтня 2010 р. (протокол № 4), 27 січня 2011 р. (протокол №1) та Вченої ради Міжнародного Соломонового університету 27 вересня 2011 р. (протокол № 8).

Затверджено до друку Вченою радою Інституту сходознавства ім. А. Кримського НАН України 24.12.2013 р. (протокол № 7), та Вченою радою Міжнародного Соломонового університету 23.01.2014 р. (протокол № 1).

Хазарский альманах / Ред. кол.: О. Б. Бубенок (гол. ред), В. С. Аксьонов та інш. — Харків, 2014. — Т. 12. — 200 с.

(Свідоцтво про державну реєстрацію: серія KB, № 14552-3523р від 02.10.2008)

ISBN 978-617-7188-48-2

© Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАНУ, 2014
© Міжнародний центр хозарознавства
Східноукраїнської філії МСУ, 2014

Статьи и публикации

В.С. Аксёнов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ХАЗАРИИ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Создателями и носителями салтово-маяцкой культуры, как показывают работы археологов, были различные народы, входившие во второй половине VIII – первой половине X вв. в состав Хазарского каганата. Однако, несмотря на десятилетия полевых и кабинетных исследований, далеко не все вопросы современного салтововедения разрешены убедительно и однозначно. Так, например, недостаточно разработана проблема освоения лесостепного Подонцовья народами, входившими в состав Хазарского каганата.

В геополитическом отношении бассейн верхнего течения Северского Донца представлял собой отдельный самостоятельный регион - Северо-Западную Хазарию [Афанасьев, 1993, с. 6; Тортика, 2006, с. 8–9]. Археологические памятники именно этого региона (Верхне-Салтовский и Маяцкий комплексы) послужили отправной точкой при выделении в начале XX века салтово-маяцкой

археологической культуры [Бабенко, 1905, с. 434–464]. К середине XX века, в результате накопления данных о распространении тех или иных памятников, была сформулирована гипотеза о наличии в салтово-маяцкой культуре нескольких локальных вариантов. В числе первых были выделены лесостепной и степной варианты. Необходимость именно такого деления была вызвана различным этническим составом населения выделенных вариантов, что проявлялось в наличии различных погребальных обрядов [Ляпушкин, 1958, с. 145–148]. Упрощенная схема деления культуры на варианты подразумевала, что лесостепь была населена аланами, носителями катакомбной погребальной обрядности, а степь – праболгарами, с которыми исследователи долгое время связывали погребения по обряду трупоположения в простых грунтовых ямах, иначе называемые «зливкинским» типом погребений [Плетнева, 1967, с. 186].

Выделенный лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры первоначально считался заселенным исключительно аланским населением, так как на могильниках региона преобладали ингумационные погребения, совершенные в катакомбах [Бабенко, 1905а, с. 547–577; Покровский, 1905, с. 465–491]. Эти погребения совершенно справедливо были соотнесены с аналогичными захоронениями VIII–IX вв., исследованными на Северном Кавказе [Спицын, 1909, с. 70–71, 73; Готье, 1930, с. 86].

В середине XX в. в стройную схему деления («лесостепной аланский» – «степной болгарский» варианты СМК) потребовалось вносить некоторые изменения, так как в лесостепной зоне в непосредственной близости от аланских катакомбных некрополей региона были выявлены могильники с ямным обрядом погребения. Так, в 1959 г. был открыт и исследовался в течение 3 лет Нетайловский могильник [Березовец, 1962, с. 22], а в 1973 г. – Волоконовский [Плетнева, Николаенко, 1976, с. 279–298]. Позднее – в результате активных археологических работ на территории Харьковской и Белгородской областей – было открыто значительное количество ингумационных некрополей, погребальными сооружениями в которых являлись простые грунтовые ямы. На сегодняшний день в границах лесостепного варианта СМК таких могильников известно 13 (что, кстати, превышает количество собственно катакомбных могильников). Указанные ингумационные могильники изучены неодинаково. На некоторых из них раскопано

по несколько погребальных комплексов, на других – более полутысячи захоронений (например, на Нетайловском некрополе на сегодня исследовано 525 погребений). При этом наиболее полно исследованными считаются Волоконовский и Мандровский могильники, часть которых погибла в результате антропогенной деятельности, а сохранившиеся части были раскопаны до конца [Плетнева, Николаенко, 1976; Винников, Сарапулкин, 2008]. В то же время, наиболее крупные из известных на сегодняшний день некрополей – Нетайловский и Ржевский – исследованы только частично [Аксёнов, 2009, с. 231–258; Аксёнов, 2010, с. 14–15; Аксёнов, Хоружая, 2005, с. 199–215; Сарапулкин, 2006, с. 195–203].

Специфические черты ямного ингумационного погребального обряда, представленные на могильниках региона, указывают на неоднородность его носителей. По внутримогильным конструкциям и традициям использования посуды в погребениях исследователи склонны выделять две группы памятников. К первой из них относят Волоконовский, Ржевский, Нетайловский, Красногорский некрополи, в погребениях которых использовались деревянные гробы разной конструкции, а посуда была представлена преимущественно столовыми сосудами, которые располагались как в головах, так и в ногах погребенных людей [Плетнева, Николаенко, 1976, рис. 4, 5; Сарапулкин, 2006, с. 202, рис. 2, 3; Михеев, 1990, с. 48–49; Аксёнов, 2002, с. 6–17; Аксёнов, Хоружая, 2005, рис. 1: 7, 8, 11; 2: 1, 5, 7; 8; 9]. Для этой группы могильников также характерно было сопровождение погребений людей целой тушей коня, его шкурой (черепом и костями ног) или предметами конского снаряжения [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 116–129; Аксёнов, 2012, с. 207–242; Сарапулкин, 2006, с. 196, рис. 2]. Ко второй группе памятников исследователи относят Мандровский, Утиновский, Тишанский могильники. В погребениях этой группы деревянных гробов нет, а в захоронениях преобладают кухонные сосуды «степного» облика, всегда ставившиеся за головами покойников [Сарапулкин, 2009, с. 293]. Генезис второй группы некрополей исследователи склонны связывать со степным населением Среднего Подонковья, т.е. с праболгарами. В то же время, особенности погребального обряда памятников первой группы (а именно, присутствие в ногах погребенных людей целых туш коней или их частей) позволяют сделать вывод о поволжских (тюрко-угорских) корнях данного населения [Сарапулкин, 2006, с. 203–204; Аксёнов, 2012, с. 221–

223]. Подобные наблюдения позволяют говорить о полиэтничности болгарского компонента салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья [Аксенов, Тортика, 2001, с. 191–218].

Еще одним народом, входившим в состав Хазарского каганата и представленным в Верхнем Подонцовье, являлись носители кремационного погребального обряда. Погребения по обряду трупосожжения представлены как отдельными погребениями и поминальными комплексами [Кухаренко, 1952, с. 33–50; Дегтярь, 1984, с. 239–243], так и могильниками [Кухаренко, 1951, с. 99–108; Шрамко, 1983, с. 48–50; Аксенов, Воловик, 1999, с. 34–40; Аксёнов, Михеев, 2006; Лаптев, Аксьонов, 2012, с. 95–109; Свистун, 2012, с. 79–84; Свистун, Квитковский, 2013, с. 118–121]. Наиболее полно изученным и опубликованным памятником является могильник у с. Сухая Гомольша, содержащий 312 кремационных захоронений и 17 поминальных комплексов [Аксенов, Михеев, 2006, с. 8–71].

Комплексы начального этапа становления салтовской культуры в настоящее время выделяются исследователями в хронологический горизонт Столбище–Старокорсунская (740–780 гг.) [Комар, 1999, с. 123–129; Комар, 2000, с. 42–66].

Первые поселения и могильники аланского населения, переселенного с Кавказа в восточноевропейскую лесостепь, по мнению С.А. Плетневой и ряда других исследователей, возникают в бассейне Северского Донца в 50-х–60-х гг. VIII в. [Плетнева, 1989, с. 168–169]. Однако в аланских погребальных памятниках удалось выявить немногочисленные комплексы раннесалтовского хронологического горизонта Столбище–Старокорсунская. Так, они были выделены А.В. Комаром на Дмитриевском катакомбном могильнике (кат. 3, 5, 26, 33, 52, 79, 143, 155) [Комар, 1999, с. 123–129]. Присутствуют они на катакомбных могильниках у с. Старый Салтов (кат. 7, 14, 15, 21, 22) и Рубежное (кат. 1, 4, 13, 15) [Аксенов, 1999, с. 141; Аксенов, 2001, с. 76; Комар, 1999, с. 123–129]. Элементы поясной гарнитуры, характерные для данного хронологического горизонта, были зафиксированы в катакомбе № 13 Верхне-Салтовского III-го катакомбного могильника (раскопки 1990 г. В.Г. Бородулина) [Аксенов, 2012а, с. 408–409]. Еще в двух катакомбах: № 54 ВСМ-I и № 19 ВСМ-III (раскопки В.Г. Бородулина) – были обнаружены бронзовые Т-образные фибулы с тремя шаровидными выступами на конце ножки [Аксенов, 2012а, с. 409]. В салтовских древностях подобные Т-образные фибулы были встречены только

на Старокорсунском некрополе [Каминский, 1987, рис. 10: 54], что позволяет видеть в них изделия, характерные именно для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 20].

Одновременно с аланами, в середине VIII века, в бассейн Северского Донца попадает население, кремировавшее своих покойников. В целом ряде памятников: Тополи, Кицевка, Сухая Гомольша, Красная Горка – были найдены элементы поясной гарнитуры, характерные для горизонта Столбище-Старокорсунская [Белік, 2002, рис. 1; Кухаренко 1952, рис. 31: 2, 3, 9; Аксенов, Михеев, 2006, с. 130, рис. 30: 40; Лаптев, Аксьонов, 2012, рис. 8: 1, 4-7, 17; Колода, 2012, илл. 10: 3-6], а также такой хронологический репер раннесалтовских комплексов, как железные фибулы с завитком на конце [Кухаренко, 1951, рис. 31: 1; Дегтярь, 1984; рис. 1: 16; Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 27].

В освоении бассейна Северского Донца вместе с аланами и носителями кремационного обряда приняли участие племена, практиковавшие ингумационный погребальный обряд с восточной ориентировкой покойников (Нетайловский грунтовой могильник) [Комар 2005, с. 213]. Так, материалы раскопок показывают, что комплексы раннесалтовского горизонта Столбище-Старокорсунская в наибольшем количестве представлены в нетайловских погребениях с восточной ориентировкой покойников (Рис. 1). Элементы поясной гарнитуры, характерные для этого времени, обнаружены в погр. № 132, 134, 164 «Б», 215, 250, 267, 380, 413, 491, 498 [Белік, 2002, рис. 1; Комар, 1999, табл. 3: 125, 126, 141; Аксенов, 2010а, рис. 2: 11–14; 3: 14]. Аналогичные найденным в погребениях Нетайловского могильника элементы поясной гарнитуры в основном происходят из т. наз. «подкурганных захоронений с ровиками» VII – первой половины VIII вв. [Иванов, 2001, с. 118–131], отождествляемых с собственно хазарами [Плетнева, 1990, с. 82]. Из захоронений этого же могильника (погр. № 164 «Б», погр. № 249) происходят два византийских солида Константина V (751–757 гг.) [Белік, 2002, с. 16; Аксьонов, 2011, с. 95]. Учитывая незначительный период запаздывания подобных монет [Семенов, 1993, с. 94–95], данные солиды можно рассматривать как свидетельство интенсивных контактов хазар с Византией.

Рис. 1. Маркеры горизонта Столбище-Старокорсунская из погребений Нетайловского могильника.

1 – погр. № 139; 2 – погр. № 134; 3, 5, 6 – погр. № 164 «Б»; 4 – погр. № 250; 7 – погр. № 132; 8, 11, 12 – погр. № 215; 9, 10 – погр. № 267; 13 – погр. № 380; 14 – 16 – погр. № 413; 17 – 20 – погр. № 491; 21 – погр. № 498

Материалы исследования Нетайловского могильника в 2013 г. совместной экспедицией Харьковского исторического музея и Харьковской государственной академии культуры дали новые данные о начальном этапе освоения бассейна Северского Донца представителями Хазарского каганата. Особый интерес представляют погребения воинов-всадников № 522 и № 525.

Погребение № 525 было совершено в грунтовой яме, которая на уровне фиксации (-1,0 м от уровня современной поверхности почвы) имела форму овала, ориентированного длинной осью вдоль линии восток – запад (азимут 90°). Размеры могильной ямы на уровне её обнаружения составляли 2,0 x 1,45 м. Верхние слои заполнения могильной ямы имели светло-серый цвет и состояли из материкового светло-желтого песка перемешанного с большим количеством супеси серого цвета. По мере приближения ко дну ямы, её заполнение изменяло свой цвет и становилось более светлым, что связано с уменьшением количества серой супеси в слоях заполнения. В слоях заполнения могильной ямы (до отметки -1,2-1,4 м от уровня современной поверхности) были обнаружены маловыразительные фрагменты салтовских сосудов: 11 фрагментов от столовых кувшинов с черной и светло-серой внешней поверхностью, 2 фрагмента стенок кухонного горшка.

Стенки могильной ямы имели наклон в сторону дна погребального сооружения. На глубине -1,5 м вдоль южной стенки ямы была зафиксирована ступенька шириной 0,2 м. На отметке -1,6 м от современной поверхности почвы стенки ямы переходили в горизонтальную площадку, которая в плане имела форму прямоугольника с закругленными углами. Размеры этой площадки – 2,75 x 1,0 м. Вдоль центральной оси этой площадки располагалось углубление под захоронение человека. Это углубление в плане имело форму прямоугольника с закругленными углами, ориентированного своими длинными сторонами вдоль линии восток – запад (азимут 90°). Размеры углубления под погребение человека составляли 2,64 x 0,7 м. при глубине 1,1 м. Стенки углубления вертикальные. Дно ямы находилось на отметке -2,63 м от современной поверхности почвы (Рис. 2).

На дне могильной ямы были зафиксированы останки человека в виде плохо сохранившегося черепа, лежащего в восточной части могильной ямы на удалении 0,06 м от торцевой и в 0,16 м от южной боковой стенок (Рис. 2: 1). Остальные кости скелета отсутствовали,

что, по нашему мнению, обусловлено особенностями грунта и той гидрологической ситуацией, которая сложилась в границах Нетайловского некрополя после создания здесь в 1961 г. Печенежского водохранилища [Аксенов, 2006, с. 59]. Вдоль южной боковой стенки ямы была зафиксирована полоска темно-коричневого цвета – остатки деревянного гроба-рамы, с толщиной стенок 2-3 см и высотой около 0,25 м. Погребальный инвентарь располагался на дне могильной ямы, так как если бы он лежал на теле человека. На расстоянии 0,95 м от восточной и в 0,15 м от южной стенок ямы лежала бронзовая поясная пряжка (Рис. 3: 2), развернутая щитком на юг. В 1,05 м от восточной стенки, вдоль южной стенки, в 0,08 м от неё, лежал железный наконечник копья бронзобойного типа длиной 30,5 см с остатками деревянного древка внутри втулки (Рис. 3: 5). Наконечник копья был направлен острием в восточном направлении. С запада к втулке копья примыкал железный черешковый нож в деревянных ножнах (Рис. 3: 6), обращенный кончиком лезвия к западной стенке ямы, и железный стержень длиной 13,4 см с остатками дерева по всей своей длине (Рис. 3: 4). Под втулкой наконечника копья был обнаружен железный трехлопастный

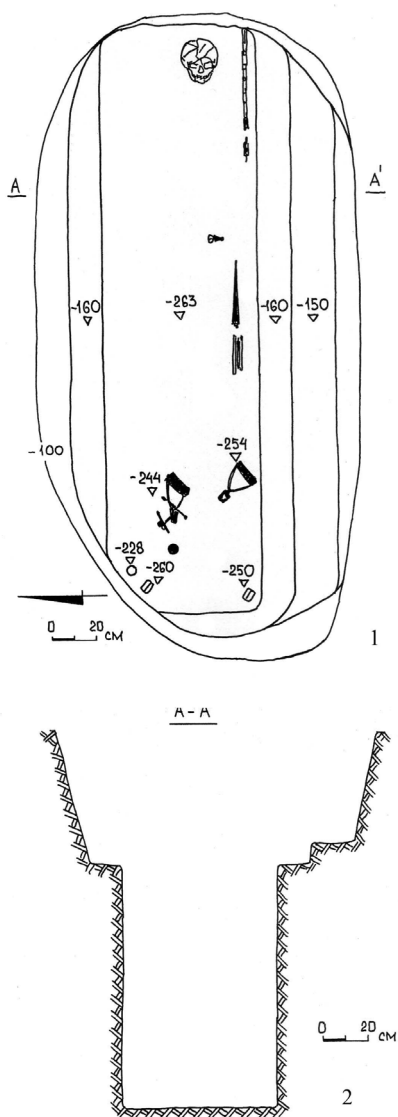

Рис. 2. План погребения № 525 Нетайловского могильника

наконечник стрелы (Рис. 3: 7), а под ножом – точильный брусок с отверстием для подвешивания (Рис. 3: 8).

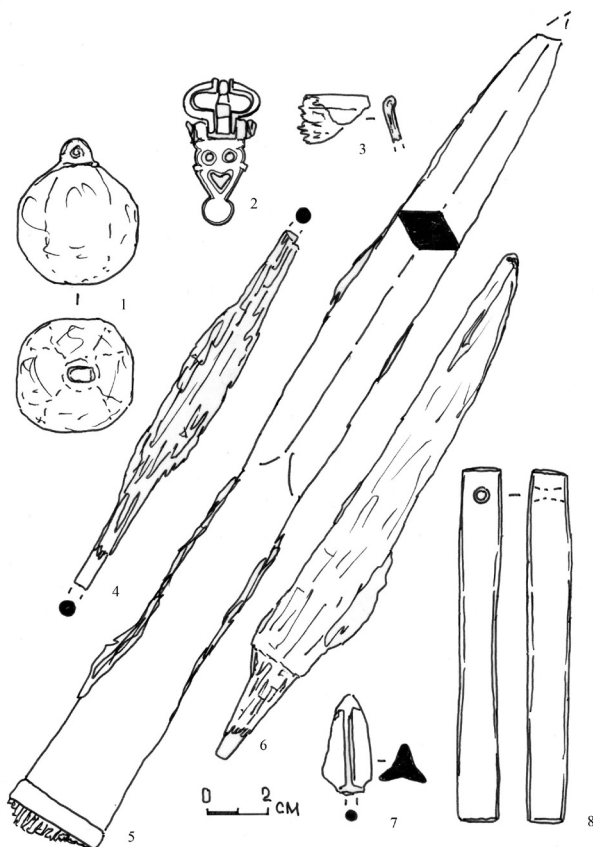

Рис. 3. Инвентарь погребения № 525.

1 – кистень; 2 – поясная пряжка; 4 – фрагмент венчика сосуда; 4 – стержень; 5 – наконечник копья;
6 – нож; 7 – наконечник стрелы; 8 – точильный брусок. 1, 4-7 – железо; 2 – бронза; 3 – дерево; 8 – камень

В западной части могильной ямы находились предметы конской сбруи. Часть из них располагалась на дне могильной ямы, часть – в её заполнении на высоте +0,09 – 0,2 м от дна. Так, тут были обнаружены: две стремяни (Рис. 4: 7), удила с прямыми псалиями

(Рис. 4: 1), четыре сбруйные пряжки (Рис. 4: 3-6), сбруйное кольцо (Рис. 4: 2). На дне ямы, на расстоянии 0,29 м от северной и в 0,26 м от западной стенок, лежал железный кистень (Рис. 4: 1) и фрагмент венчика деревянного сосуда (Рис. 4: 3).

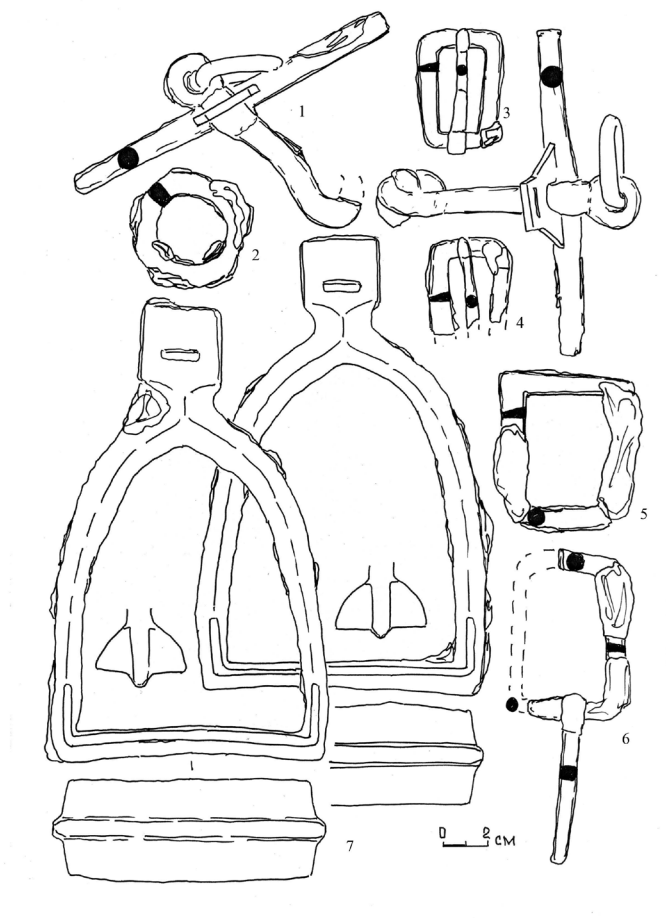

Рис. 4. Снаряжение коня из погребения № 525

В раскопанном захоронении погребальный инвентарь представлен вещами, находящими самые широкие аналогии в салтово-маяцких древностях. Так, аналогичные найденным предметы конского снаряжения хорошо представлены в памятниках аланского [Криганов, 1993, с. 57, рис. 1: 17, 18, 20; 2: 24, 26, 27]

и болгарского [Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, рис. 4: 1 -7, 13-16, 19-22; Красильников, 2009, рис. 8: 23–26; Сарапулкин, 2006, рис. 4: 13, 14, 18] населения Подонья, в степных погребальных комплексах, связываемых исследователями собственно с хазарами [Иванов, 2000, с. 8-9; Копылов, Иванов, 2007, рис. 5; 6: 1]. Подобные изделия являются неотъемлемой частью конского снаряжения в захоронениях воинов-всадников, которым принадлежат кремационные захоронения хазарского времени как в бассейне Северского Донца [Крыганов, 1989, рис. 1: 38-40, 45; 4: 1-3, 5, 7, 8, 10; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 10: 8; 18: 4, 5, 7; 20: 3, 4], так и в Кубано-Черноморском регионе [Дмитриев, 2003, табл. 89: 52, 54, 57, 58; 91: 1, 5, 11, 30; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 73: 5, 6 10].

Конское снаряжение в исследованном захоронении сопровождалось достаточно показательным набором предметов вооружения – наконечником копья, наконечником стрелы, ножом, кистенем.

Найденный наконечник копья имеют длинную втулку и узкое ромбическое в сечении перо (Рис. 3: 5), что позволяет отнести его к пикам. Пики, подобные найденной, являются типичными для памятников салтово-маяцкой культуры [Михеев, Степанська, Фомін, 1967, рис. 1: 5 – 12]. При этом они более характерны для комплексов праболгарского населения хазарского времени [Сарапулкин, 2006, рис. 4: 7, 8; Пархоменко, 1983, с. 80, рис. 4: 1–3; Аксенов, Михеев, 2003, с. 184, рис. 3: 33; 5: 11, 30; 6: 6; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 113 – 115, рис. 24: 1–5], тогда как в аланских погребальных комплексах пики представлены пока единственным экземпляром [Крыганов, 1993, рис. 1: 6]. Достаточно часто встречаются подобные наконечники пик в салтовских кремационных погребениях Подонцовья [Крыганов, 1989, с. 102, рис. 3: 1, 2; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 19: 3; 41: 6; Аксенов, Воловик, 1999, рис. 1: 10; 2: 8; Свистун, 2012, илл. 5; 3; 8: 1, 2] и в кремациях хазарского времени с территории Северо-Западного Предкавказья [Дмитриев, 2003, с. 204, табл. 89: 42-50]. В захоронениях типа «Соколовская балка», которые связываются с хазарами, подобные наконечники копий не известны [Иванов, 2000, с. 10-11].

Железный черешковый наконечник стрелы из захоронения № 525 по поперечному сечению относится к отделу трехлопастных, а по форме пера – к типу треугольных (Рис. 3: 7). Время существования подобных наконечников определяется достаточно широко – VIII–IX

вв. [Крыганов, 1989, с. 98]. Такие наконечники стрел встречаются на широкой территории от Южной Сибири до Болгарии [Худяков, 1986, рис. 96; Йотов, 2007, с. 29, табл. XXIII: 331–336]. У аланского населения салтово-маяцкой культуры подобные изделия составляют подавляющее большинство из всех найденных наконечников стрел [Крыганов, 1993, с. 53, рис. 2: 1]. Доминируют они и в составе наборов наконечников стрел у носителей салтовского ямного и кремационного погребальных обрядов бассейна Северского Донца [Крыганов, 1989, рис. 1: 1, 2; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 3: 35; 4: 10, 39, 41; 5: 7, 8, 35; Аксенов, Михеев, 2009, рис. 2: 4; 3: 6, 7, 11 – 13; 6: 7; 7: 11, 14]. Встречаются они и в памятниках степного Подонья, Среднего Поволжья хазарского времени [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 26: 1–6; Власкин, Ильюков, 1990, рис. 5: 6; Круглов, 1992, рис. 4: 12; Савченко, 1986, рис. 7: 11; Матвеева, 1997, рис. 115: 1], в кремациях Кубано-Черноморского региона [Дмитриев, 2003, с. 203, табл. 89: 1–4]. В целом же этот тип наконечников стрел был наиболее распространенным у населения салтово-маяцкой культуры.

Нож из рассматриваемого захоронения относится к достаточно распространенному в раннем средневековье типу черешковых ножей с прямой спинкой и криволинейным лезвием, которое в сечении имеет клиновидную форму (Рис. 3: 6). Разные по размеру ножи, подобные найденным, были широко распространены в VIII–X вв. на значительной территории – от Урала до Центральной Европы [Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 91]. Ножи этого типа достаточно часто встречаются на памятниках разных народов, входивших в состав Хазарского каганата [Дмитриев, 2003, с. 204, табл. 90: 15–24; Плетнева, 1989, рис. 45]. Такие ножи могли использоваться и как обычные хозяйственные, и как боевые. Общая длина ножа из погребения № 525 – 19,0 см позволяет считать его боевым.

Кистень из погр. № 525 имеет шаровидную форму и слабо обозначенные ребра (Рис. 3: 1). В верхней части кистеня находится плоская петелька округлой формы. Общая высота кистеня составляет 4,9 см, диаметр его – 3,8 см. Железные кистени этого типа в салтовских древностях Подонцовья немногочисленны. А.В. Крыганов указал только лишь на одну находку кистеня этого типа – в катакомбном погребении Верхне-Салтовского могильника [Крыганов, 1987, с. 64, рис. 1: 12]. Более распространенными на всей территории существования салтово-маяцкой культуры Подонья

были железные кистени с долевым каналом [Крыганов, 1987, с. 63], которые встречаются в памятниках хазарского времени Кубано-Черноморского региона, Среднего Поволжья [Дмитриев 2003, с. 204, табл. 90: 26; Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, с. 115, рис. 24: 8]. А.В. Крыганов датировал железные кистени с петелькой IX–X вв. [Крыганов, 1987, с. 64], тогда как другие исследователи считают, что к середине VIII в. у хазар уже существовали все салтовские виды кистеней [Комар, Сухобоков, 2000]. По мнению А.В. Комара и О.В. Сухобокова железные обушки с долевым каналом могли использоваться как конными, так и пешими воинами, тогда как железные кистени с петелькой были оружием только воинов-всадников [Комар, Сухобоков, 2000]. Присутствие такого кистеня в погр. № 525 вместе с конским снаряжением может служить подтверждением данного тезиса. Позже (в XIX веке) на смену кистеням у кочевых народов, вероятно, пришли кожаные нагайки с железной оковкой на конце плети, которые были основным оружием при охоте, при похищении скота (быримты) и при военных столкновениях во время феодальных междоусобиц, когда главной целью было не убийство противника, а необходимость выбить противника из седла [Курылев, 1978, с. 10].

Состав вооружения в захоронении № 525, в совокупности с предметами конского снаряжения, указывает, что погребенный мужчина относился к разряду легковооруженных всадников. Отряды легковооруженных всадников были основой хазарского войска до начала VIII века. Позже главное место в войске хазар заняли тяжело вооруженные конные воины, в арсенале которых присутствовало защитное снаряжение, сабля, лук со стрелами, боевой топор, наконечник копья [Комар, Сухобоков, 2000].

Для определения времени совершения данного захоронения главную роль играет найденная в нем поясная пряжка. Поясная пряжка из погр. № 525 изготовлена из бронзы. Она шарнирная, имеет овальную профилированную рамку с обозначенными губами, язычок с выступом в задней части и щиток треугольной формы, заканчивающийся плоским выступом круглой в плане формы. Поле щитка украшено прорезным орнаментом в виде трех отверстий, два из которых имеют круглые очертания, одно – сердцевидное (Рис. 3: 2). Данная пряжка относится к византийским пряжкам типа «Коринф» варианта 2 [Айбабин, 1982, рис. 172, рис. 16, 17, 19]. Пряжки этого типа за пределами Крыма в памятниках хазарского

времени неизвестны. В памятниках Северо-Западного Крыма такие пряжки найдены в погребениях местного населения на могильниках Суук-Су, Бал-Гота, в склепах Узень-Баш, Эски-Кермена, «Сахарной Головки», Скалистинского некрополя Баклы [Айбабин, 1982, с. 172], на Керченском полуострове – в плитовой могиле на горе Митридат [Айбабин, 1999, с. 189]. Крымские погребальные комплексы, содержавшие поясные пряжки это типа, датируются второй половиной VIII в. [Айбабин, 1993, с. 126; Айбабин, 2003, с. 60, 61, табл. 37: 32, 33]. Именно этим временем и следует датировать погр. № 525 Нетайловского могильника.

Факт обнаружения византийской пряжки на могильнике салтовско-маяцкой культуры, расположенном в лесостепи Донецко-Донского междуречья, является достаточно показательным, ибо она могла попасть к представителю кочевого населения лишь в местах, близких к местам её бытования. Пряжки типа «Коринф» варианта 2 во второй половине VIII века были распространены на территории Византии и прилегающих к ней областях [Айбабин, 1982, с. 172]. Именно поэтому пряжки этого типа находят на памятниках местного населения Северо-Западного Крыма и Боспора, которое находилось под властью и культурным влиянием Византии. Степные же районы Центрального и Восточного Крыма с конца VII века были заняты праболгарами, вытесненными сюда с территории Великой Болгарии в Приазовье хазарами [Айбабин, 1999, с. 190]. Именно в этих районах и мог представитель хазарской державы получить византийскую поясную пряжку, чтобы уже с ней спустя какое-то время оказаться далеко на севере – в бассейне Северского Донца. Политический разрыв между Византией и Хазарским каганатом, произошедший после заключения брака арабского наместника Восточного Закавказья Йазида ас-Сулами с дочкой хазарского кагана Хатун в 759/760 гг., сопровождавшийся и разрывом в области материальной культуры, указывает на граничную дату, когда византийская поясная пряжка могла попасть к представителю Хазарского каганата. По наблюдениям А.В. Комара, уже в 80-х годах VIII века на землях подвластных каганату появляются погребения с поясными наборами переходного салтовского горизонта I/II, а в 90-х годах VIII века – первые погребения «классического» салтовского хронологического горизонта, для поясных наборов которого характерен полный отход от византийской традиции и освоение салтовскими мастерами растительного лотосовидного

орнамента [Комар, 2001, с. 112]. Исходя из этого погребение № 525 Нетайловского могильника, содержавшее византийскую пряжку типа «Коринф» варианта 2, следует датировать не позднее 780 г. н.э. – этапом 2 хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская.

Захоронение № 525 по таким чертам погребального обряда: восточная ориентировка покойника; могильная яма с заплечиками; присутствие в могильной яме деревянного гроба-рамы и предметов конского снаряжения; отсутствие в могильной яме глиняной посуды, замененной деревянным сосудом – сближается с погребальными комплексами рядового населения «перещепинской» культуры второй половины VII – начала VIII вв. (погребения «сивашовского» типа) [Круглов, 2006, с. 77; Комар, 2001, с. 365], которые фиксируются в Северном Причерноморье и Прикубанье, т.е. в тех районах, где контакты кочевого населения с носителями византийской материальной культуры были достаточно тесными. Сходство погребения № 525 с комплексами «сивашовского» типа и присутствие в могиле византийской поясной пряжки подтверждают гипотезу А.В. Комара, что часть потомков «сивашовцев» основала поселение напротив Верхнего Салтова и оставило после себя Нетайловский грунтовой могильник второй половины VIII – начала IX вв. [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 370; Комар, 2001, с. 32].

Развитие погребальной традиции «сивашовцев» в салтовское время можно наблюдать на примере второго исследованного в 2013 г. погребения конного воина - № 522.

Погребение № 522 было зафиксировано по пятну могильной ямы на глубине -0,8 м от уровня современной поверхности. На уровне зачистки пятно могильной ямы имело в плане форму прямоугольника с сильно закругленными углами, ориентированного своими длинными сторонами вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 82°). Размеры могильного пятна на уровне зачистки составляли 3,75 x 1,82 м. В восточной части могильной ямы хорошо прослеживался преднамеренный вкоп в захоронение, совершенный еще в древности. Заполнение этого вкопа было темно-серым, местами черным по цвету и отличалось от светло-серого первоначального заполнения могильной ямы, фиксируемого в западном конце могильного пятна. Размеры преднамеренного вкопа в могилу на уровне зачистки составляли 3,05 x 1,82. Но уровне обнаружения могильного пятна в границах преднамеренного вкопа обнаружен крупный фрагмент салтовского

кухонного кувшина (Рис. 6: 11), выброшенный из захоронения. В заполнении вкопа до отметки -1,5 м от уровня современной поверхности почвы были встречены: 5 фрагмент от столового сосуда черного цвета; 3 фрагмент от столового сосуда темно-серого цвета; 2 фрагмента от столового сосуда светло-серого цвета; фрагмент венчика кухонного горшка (Рис. 6: 10); мелкие древесные угольки. Заполнение этого вкопа в могильную яму до самого её дна оставалось темно-серым по цвету, тогда как в западной части ямы фиксировался останец первоначального заполнения, цвет которого менялся от светло-серого, в верхней части ямы, до светло-светло-серого, почти не отличимого от окружающего светло-желтого материкового песка, у дна.

Стенки могильной ямы имели заметный наклон в сторону её дна. На глубине -1,8 м от уровня современной поверхности почвы они переходили в горизонтальную площадку, которая в плане имела форму прямоугольника с сильно закругленными углами. Размеры этой площадки – 3,2 x 1,15 м. В восточной части этой площадки находилось углубление под захоронение человека, прямоугольной в плане формы и ориентированное своими длинными сторонами вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 82°). Длина углубления составляла 2,62 м, ширина 0,53 м, глубина 0,2 м. Таким образом, дно могильной ямы фиксировалось на глубине -2,0 м от уровня современной поверхности. Южная стенка этого углубления на длину 1,6 м, от восточного края к ногам человека, была разрушена позднейшим вкопом. На дне углубления были зафиксированы останки мужчины в виде плохо сохранившегося черепа и двух фрагментов длинных трубчатых костей (Рис. 5). Череп лежал в 0,45 м от восточной и в 0,14 м от северной стенок ямы. В 0,2 – 0,25 м к западу от него, параллельно друг другу, располагались две трубчатые кости человеческого скелета. В границах углубления под захоронение тела человека были найдены следующие предметы:

- на глубине -1,9 м от современной поверхности – в 0,96 м от восточной и в 0,4-0,43 м от северной стенок ямы под углом к её дну лежал железный наконечник копья бронебойного типа (Рис. 6: 5), обращенный острием пера в западный конец могилы;

- на этой же глубине – в 1,4 м от восточной и в 0,05 – 0,07 м от северной стенок найден железный нож в деревянных ножнах (Рис. 6: 7), обращенный острием лезвия в западный конец могилы;

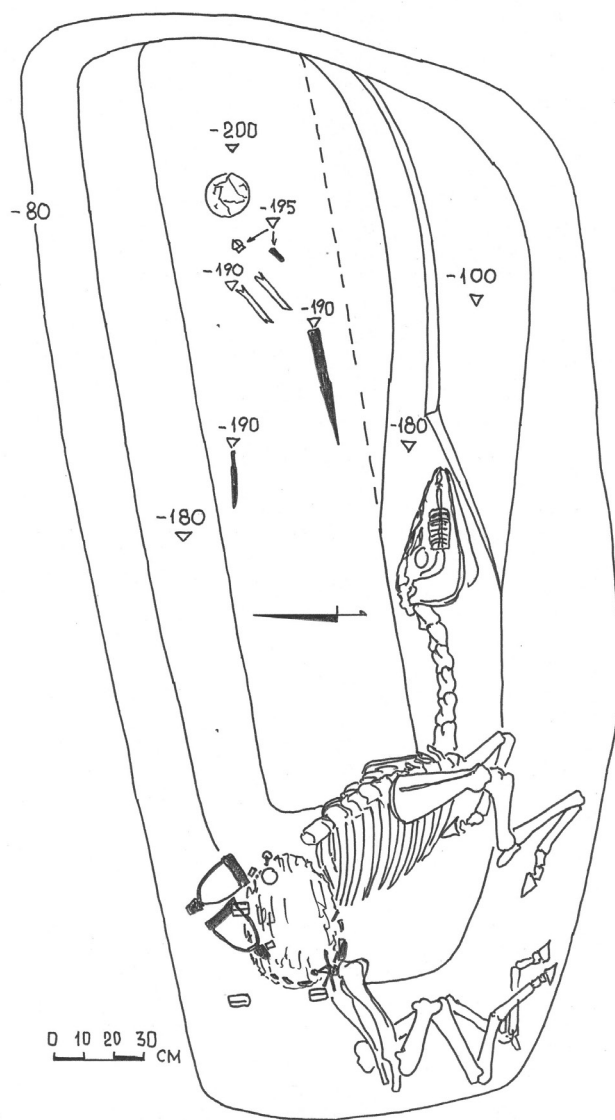

Рис. 5. План погребения № 522 Нетайловского могильника

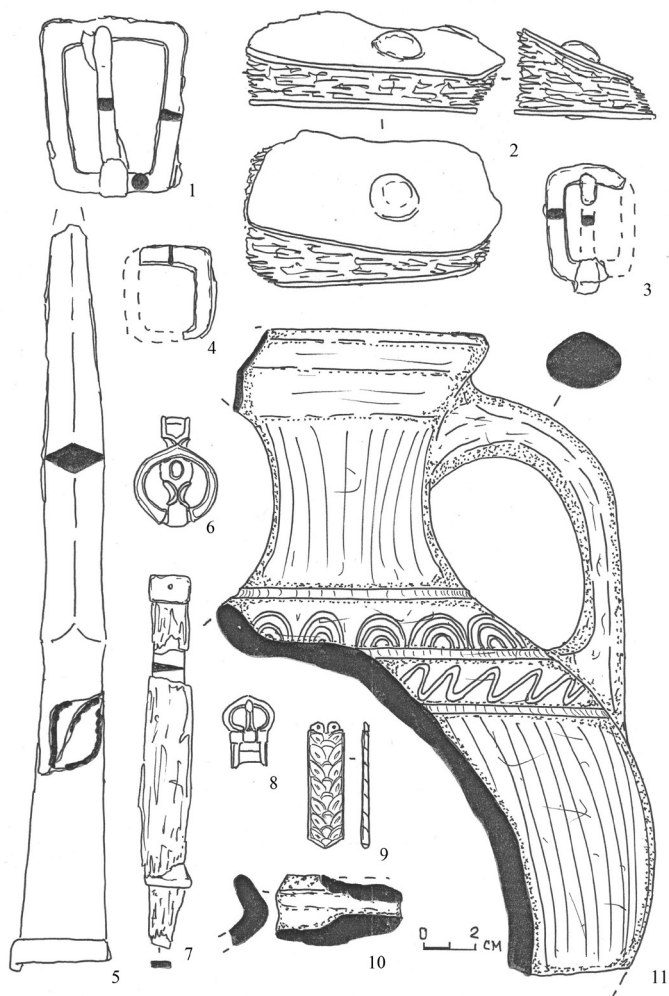

Рис. 6. Инвентарь погребения № 522.

1, 3, 4 – сбруйные пряжки; 2 – фрагмент полки седла с металлическими пластинами; 5 – наконечник копья; 6 – чумбурный блок; 7 – нож; 8 – поясная пряжка; 8 – наконечник поясного ремня; 9, 10 – керамика из заполнения могильной ямы. 1, 3-5, 7 – железо; 2 – дерево; 6, 8, 9 – бронза; 9, 10 – глина

- на глубине -1,95 м от современной поверхности – в 0,67 м от восточной и в 0,2 с от северной стенок ямы обнаружена бронзовая поясная пряжка (Рис. 6: 8);

- на этой же глубине – в 0,07 м к югу от поясной пряжки был расчищен бронзовый литой наконечник поясного ремня (Рис. 6: 9).

В западном краю горизонтальной площадки (на глубине -1,8 м от уровня современной поверхности) располагался костяк коня плохой сохранности (Рис. 5). Череп коня в районе лобной части разрушен – свидетельство нанесенного сюда удара, повлекшего за собой смерть животного. Конь покоился на левом боку с подогнутыми под себя конечностями, хребтом к ногам человека, шея вытянута. При этом шея коня располагалась параллельно боковой стенке углубления под захоронение человека, хребет коня частично перекрывает западный край углубления под захоронение человека. Череп коня, покоившийся на левой стороне, обращен храповой частью в ту же сторону, куда был ориентирован головой его умерший хозяин (на восток). Конь был захоронен не взнузданным и не оседланным. Остатки деревянного седла с железными оковками полок и луки (Рис. 6: 2; 7: 1-8) были обнаружены поверх костей поясничного отдела костяка коня. Здесь же располагались предметы конской сбруи, представленные тремя сбруйными пряжками (Рис. 6: 1, 3, 4); сбруйным кольцом (Рис. 7: 13); парой стремян (Рис. 7: 15); двумя пряжками-обоймами от ремней путалища (Рис. 7: 12); двумя маленькими пряжками от ремней путалища (Рис. 7: 10, 11); удилами с прямыми псалиями (Рис. 7: 9); бронзовым чумбурным блоком (Рис. 6: 6). Предметы конского снаряжения располагались возле северной стенки ямы, поверх костей коня на отметке +0,05 – 0,2 м от дна горизонтальной площадки.

Предметы конского снаряжения, наконечник копья и нож имеют те же аналогии, что и подлобные предметы из выше рассмотренного погребения № 525. Однако, элементы поясной гарнитуры из данного захоронения соответствуют следующему хронологическому этапу развития салтово-маякой культуры.

Пряжка из погребения № 522 литая, треугольнорамчатая с щитком в виде рамки прямоугольной формы. Ширина щитка равна по ширине рабочей части пряжки (Рис. 2: 8). Подобными пряжками (тип 2 по С.А. Плетневой) были снабжены поясные ремни, обнаруженные в катакомбах № 5, 54, 83, 88, 98, 143 Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с. 77, рис. 86]. А.В. Комар считает,

что поясные пряжки данного типа характерны для погребальных комплексов салтовского переходного хронологического горизонта I/II, датируемого исследователем концом VIII в. – 780–800 гг. н.э. [Комар, 1999, табл. 4: 9, 10; с. 129, 132]. Этим же временем датируется и происходящий из погребения № 522 литой наконечник поясного ремня, поле которого украшено орнаментом в виде мирового дерева, состоящего из цветов лотоса (Рис. 2: 9) [Комар, 1999, табл. 4: 23, с. 129, 132]. Таким образом, погребение № 522 по присутствующим в нем элементам поясной гарнитуры может быть датировано 780–800 гг. н. э.

В погребении № 522 мы наблюдаем развитие обычая помещать целую тушу коня головой в ту же сторону, что и человек, на перекрытие могильной ямы, характерного для «сивашовцев». Так, если в п. 2 к. 3 Сивашовки (третья четверть VII в.) конь, лежащий на левом боку, полностью покоится на перекрытии могильной ямы человека [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, рис. 3], то в погр. № 3 Рябовки (вторая половина VII в.) тело коня смещается к ногам погребенного человека, и над человеческими останками располагается только передняя часть коня [Обломский, Терпиловский, 2001, рис. 9: 6–8]. В погребении № 522 целая туша коня уже покоится в ногах человека на специальной площадке, и конь при этом лишь частично перекрывает самый край захоронения человека, как это имеет место в погребении № 522 (Рис. 5). Во всех представленных случаях конь покоится на левом боку с подогнутыми под себя ногами, а его голова лежит на левом виске и обращена храпом в сторону человека. Смещение конских останков к ногам человека, за пределы захоронения человека, вероятно, следует рассматривать как факт проявления заботы о покойнике, которая со временем в захоронениях Нетайловского могильника выразилось в обычай помещать целый костяк коня в ногах человека перпендикулярно телу хозяина на особой площадке овальной в плане формы, из-за чего могильная яма приобретала грушевидную или Т-образную в плане форму, или же в специальных нишах-подбоях, сделанных в короткой стенке могильной ямы с захоронением человека [Аксёнов, 2012, с. 209, рис. 1, 2]. При этом конь мог покоиться и на левом, и на правом боку, но храпом во всех случаях он был обращен, как и предполагал первоначальный обряд, к телу хозяина, т.е. в ту сторону, куда был ориентирован головой умерший хозяин.

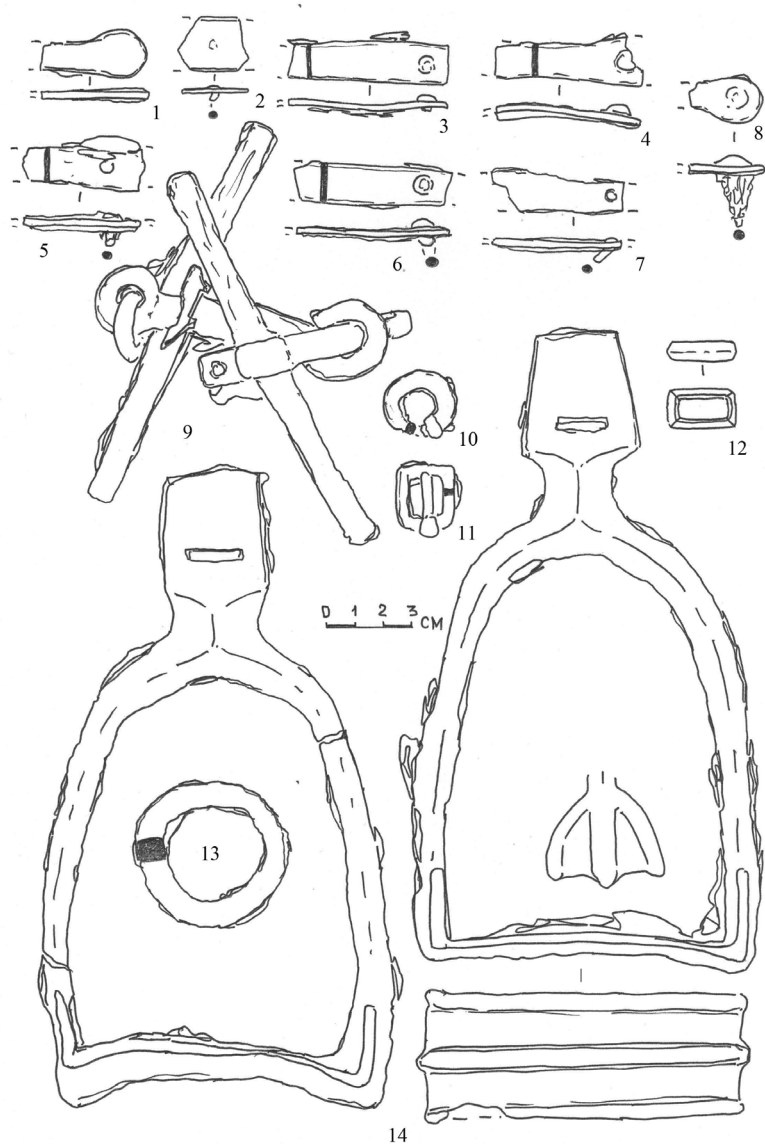

Рис. 7. Инвентарь погребения № 522.

1–8 – оковки седла; 9 – удила; 10, 11 – пряжки; 12 – пряжка-обойма; 13 – сбруйное кольцо; 14 – стремяна. 1-11, 13, 14 – железо; 12 – бронза

Таким образом, открытое в 2013 г. погребение № 525 пополняет число погребальных комплексов Нетайловского могильника (№ 132, 134, 139, 164 «Б», 215, 250, 267, 380, 413, 491, 498), которые датируются раннесалтовским горизонтом Столбище-Старокорсунская [Аксенов, 2010, с. 174], а погребение № 522 показывает трансформацию некоторых черт погребального обряда «сивашовцев» у их потомков в условиях формирования новой этнической общности на этапе становления в бассейне Северского Донца салтово-маяцкой археологической культуры.

Литература

Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов. М, 1982.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.

Айбабин А.И. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство // Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2.

Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. 2001. № 1–2.

Аксенов В.С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // *Хазарский альманах*. Т. 1. Харьков, 2002.

Аксенов В.С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.) // *РА*. 2006. № 2.

Аксёнов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // *Степи Европы в эпоху средневековья* Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.

Аксёнов В.С. Исследования Нетайловского могильника салтовской культуры // *Археологічні дослідження в Україні*. К. – Полтава, 2010.

Аксенов В.С. Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // *Древности* 2010. Харьков.

2010a.

Аксёнов В.С. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 9. Хазарское время. Донецк, 2012.

Аксенов В.С. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья // *Хазарский альманах*. Т. 10. К.–Харьков, 2012a.

Аксёнов В.С. Поховання 472 Нетайлівського могильника салтівської культури // *Археологія*. 2011. № 1.

Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // *Донская археология*. 1999. № 3–4.

Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // *Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. К., 1996.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5–6.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // *Хазарский альманах*. Т. 5. К. –Харьков, 2006.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.

Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: проблема этноисторической интерпретации и поливариантности обряда // *Степи Европы в эпоху раннего средневековья*. Т.2. Донецк, 2001.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.) // *Хазарский альманах*. Т. 4. К. –Харьков, 2005.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М., 1993.

Бабенко В.А. Древние Салтовские придонские окраины южной России // *Труды XII АС*. Т.1. М., 1905.

Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем

Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе. Харьков, 1905а.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Белік О.О. Поясні набори горизонту Столбiще-Старокорсунська з поховань лісостепоного донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології) // Історія науки: проблеми розвитку. Матеріали Міжнародної наукової конференції 17–18 травня 2002 р. Луганськ, 2002.

Березовець Д.Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959–1960 гг. // КСИАУ. 1962. Вып. 12.

Винников А.З., Сарапулкин В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж, 2008.

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.

Гавритухин И.О., Пьянков О.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.–Л., 1930.

Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984. № 2.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000.

Иванов А.А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.

Йотов В. Въоръжението и снаряжението от Българското средновековие (VII–XI век). Варна, 2007.

Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.

Колода В.В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой

Гомольши // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. 1999. № 2.

Комар А.В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // *Finno-Ugrica*. 2000. № 1.

Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)*. Т. 2. Самара, 2001.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // *Восточноевропейский археологический журнал*. 2000. № 2(3) – март, апрель / [www. archeology.kiev.ua / journal / 020300 / komar_sukhobokov. html](http://www.archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.html)

Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // *Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона*. Вып. II. М. –Иерусалим, 2007.

Красильников К.И. Население степного Подонцовья в хазарское время // *Дивногорский сборник*. Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009.

Криганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // *Археологія*. 1993. № 2.

Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // *СА*. 1987. №2.

Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 1989.

Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // *СА*. 1992. №4.

Круглов Е.В. О «курганах с квадратными ровиками» и проблеме этнической атрибуции погребальных памятников хазарского времени // *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. Тезисы докладов. М., 2006.

Курылев В.П. Оружие казахов // *Сборник МАЭ*. 1978. Т. 34.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // *КСИИМК*. 1951. Т.XLI.

Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення //

Археологія. 1952. Т. 6.

Лаптєв О.О., Аксьонов В.С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА. 1958. № 62.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Міхєєв В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР. Вип.4. Харків, 1967.

Міхєєв В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. Вип. 9.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // АЛЛУ. 2001. № 1.

Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. 1983. № 43.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 146.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.

Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.

Савченко Е.И. Крымский могильник // АОН. Вып. 1. М., 1986.

Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.

Сарапулкин В.А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.

Семенов А.И. О датировочных способностях византийских солидов VII–VIII вв. // II-я Кубанская археологическая конференция. Тезисы. Краснодар, 1993.

Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.

Свистун Г.Е., Квитковский В.И. Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // СМАК. Вип. 3. Харків, 2013.

Спицин А.А. Историко-археологические разыскания. I–III. // ЖМНП. Новая серия. Ч. 19. Январь. 1909.

Тортика А.А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Шрамко Б.А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Список сокращений:

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України

АОН – Археологические открытия на новостройках

АС – Археологический съезд

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

КСИАУ – Краткие сообщения Института археологии АН УССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СМАК – Салтово-маяцька археологічна культура

В.С. Аксьонов

Нові матеріали до питання освоєння населенням Хозарії басейну Сіверського Дінця

Резюме

У 2013 р. на Нетайлівському ґрунтовому могильнику були досліджені два поховання, що належали кінним воїнам. В обох похованнях були представлені предмети озброєння: наконечники

списів бронебійного типу; наконечник стріли (№ 525); обушок (№ 525); ножі. У похованні № 522 чоловіка супроводжував цілий кінь, котрий лежав у ногах господаря на лівому боці з підігнутими під себе ногами та повернутий головою у ту ж саму сторону, куди був орієнтований головою його хазяїн. На кістках поясу коня були зафіксовані залишки дерев'яного сидла з металевими окуттями та покладені зверху предмети кінського спорядження (вудила, стремена, збройні пряжки, чумбурний блок тощо). Елементи поясної гарнітури з цього поховання дозволяють датувати його 780–800 рр. н.е. Чоловіка з поховання № 525 супроводжували лише предмети кінської зброї, котрі розташовувалися у ногах небіжчика. За візантійською поясною пряжкою типу «Корінф» 2 варіанту це поховання, на нашу думку, слід датувати не пізніше 780 р. н.е. Таким чином, поховання № 525 з візантійською пряжкою типу «Корінф» репрезентує комплекс останнього етапу ранньосалтівського хронологічного горизонту Столбище-Старокорсунська (740–780 рр. н.е.), а розташоване поряд з ним поховання № 522 – вже салтівський хронологічний горизонт I/II (780–800 рр. н.е.).

Ключові слова: салтово-маяцька культура, Нетайлівський могильник, поховання, поясна гарнітура, горизонт Столбище-Старокорсунська.

В. С. Аксёнов

Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца

Резюме

В 2013 г. на Нетайловском грунтовом могильнике были исследованы два захоронения, которые принадлежали конным воинам. В обоих захоронениях были представлены предметы вооружения: наконечники копий бронебойного типа; наконечник стрелы (№ 525); обушок (№ 525); ножи. В захоронении № 522 мужчину сопровождал целый конь, который лежал в ногах хозяина на левом боку с подогнутыми под себя ногами и был повернут головой в ту же сторону, куда был ориентирован головой его хозяин. На костях пояса коня были зафиксированы остатки деревянного седла с металлическими обрамлениями и положены сверху

предметы конского снаряжения (удила, стремяна, военные пряжки, чумбурный блок и т. п.). Элементы поясной гарнитуры из этого захоронения позволяют датировать его 780–800 гг. н. э. Мужчину из захоронения № 525 сопровождали лишь предметы конской сбруи, которые располагались в ногах покойника. По византийской поясной пряжке типа «Коринф» 2-го варианта это захоронение, по нашему мнению, следует датировать не позже 780 г. н. э. Таким образом, захоронение № 525 с византийской пряжкой типа «Коринф» представляет комплекс последнего этапа раннесалтовского хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (740–780 гг. н.э.), а расположенное рядом с ним захоронение № 522 – уже салтовский хронологический горизонт I/II (780–800 гг. н. э.).

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Нетайловский могильник, захоронение, поясная гарнитура, горизонт Столбище-Старокорсунская

V.S. Aksyonov

**New Material on the Issue of Settling of Population in
Seversky Donets Basin from Khazaria**

Summary

In 2013, at Netaylovskii ground burial were investigated two graves belonging to the warriors – riders (No. 522 and 525). In both graves have been found items of arms: spears, arrowheads (No. 525); bludgeon (No. 525); knives. In the burial No. 522 the warrior was buried together with a male horse, laid at the feet of the master on the left side with doubled up legs and its head facing the same direction in which the man's head also was directed. At the coupling of the horse there were remains of a wooden seat with metal ferrules, and here were put the items of horse equipment (bits, stirrups, buckles of harness, etc.). Elements of this coupling accessories from this burial allow us to date it 780-800 AD. A man from the burial No. 525 was together with the objects of harness only, put in at man's feet. According to the Byzantine belt buckle of the "Corinth" type, variant 2, this burial, we believe is possible to date no later than 780 AD. Thus, burial No. 525 with the Byzantine buckle of the "Corinth" type represents the last phase of the early Saltovskiy chronological horizon Stolbische-Starokorsunskaya (740-780 AD), and

next to it the burial No. 522 - Saltovskiy chronological horizon of the I/ II (780-800 AD).

Key words: the Saltovo-Mayatshaya culture, Netailovsk sepulcher, burials, waist suite, the Stolbiche-Starohorsynshaya horizon.

О.Б. Бубенок

КАСОГИ НА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

В современной хазароведческой литературе можно отметить немало работ, посвященных хазарам, аланам, болгарам и другим народам Хазарского каганата. При этом собственно о хазарах написано очень много работ, но так и не дана их культурная атрибуция. Что касается аланов и болгар, то в этом отношении им повезло гораздо больше, ибо с ними связывают несколько локальных вариантов салтовской культуры. Однако такими же проблематичными, как и хазары, остаются касоги, которых традиционно локализуют на Северо-Западном Кавказе, т. е. там, где проходила юго-западная граница Хазарского каганата. Однако до сих пор в решении данной проблемы существует немало белых пятен.

Так, исследователи уже давно пришли к выводу, что в X в. одним из обозначений адыгских племен, проживавших на территории Хазарского каганата, стал новый этноним **касоги**. Уже сам этот факт требует объяснения. Но этот вопрос до сих пор остается нерешенным. Кроме того, требует отдельного рассмотрения также вопрос расселения адыгских племен на территории Хазарского государства, а также их культурная атрибуция. Не ясна также степень интеграции касогов в военно-политическую структуру Каганата. Следует отметить, что последним вопросам за последние десятилетия не уделялось должного внимания. Однако не исключено, что все отмеченные вопросы между собой взаимосвязаны. Логично начать рассмотрение проблемы с происхождения самого этнонима **касоги**.

Известно, что во времена раннего Средневековья византийские авторы использовали для обозначения всех адыгов этническое название **зихи**, происхождение которого представляет отдельную проблему. Иногда исследователи обращали внимание на то, что в ольвийских надписях II в. н. э. встречался антропоним **Касаг**. Однако нет никаких оснований связывать его с этнонимом, который начал распространяться в письменных источниках лишь в первой

половине X в. [Волкова, 1973, с. 19–20].

В свое время Н. Г. Волкова высказала предположение, что термин **касог** мог фигурировать в письменных источниках уже в конце VIII в., как новый обобщающий этноним для всех адыгов [Волкова, 1973, с. 19–20]. Основанием для этого стал фрагмент одного из вариантов христианского агиографического сочинения „Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”, переписанного в конце VIII – начале IX вв. монахом Епифанием, который ссылается на святого Епифания Кипрского, жившего в V в. Монах Епифаний сообщает следующее: „По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, *Косогдиан* и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 226]. Однако термин **Косогдианы** не встречается в других редакциях этого агиографического произведения. Так, в варианте этого сочинения, связываемого с Софронием, этот отрывок имеет вид: „Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, – проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христа Скифам и *Согдианам* и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис...” [Василевский, 1909, с. 225–226]. Таким образом, видим, что здесь вместо „Косогдианов” упомянуты „Согдианы”. Такую же ситуацию наблюдаем и в некоторых других ранних вариантах этого агиографического сочинения [Василевский, 1909, с. 225–226]. По мнению В. Г. Васильевского, „Саки и Согдиани ... могли быть переводом на ученый язык более популярных и более сказочных терминов наподобие песих голов или чего-то похожего на то” [Василевский, 1909, с. 262]. А. В. Пьянков прокомментировал данную ситуацию следующим образом: «На ошибку переписчиков, принявших союз **и** (греч. **кай**) за часть имени народа согдиан, обратил внимание В. Г. Васильевский, поместивший в скобках исправление в греческом тексте и в русском переводе. Из чего следует, что у монаха Епифания нет сообщения о касогах. Заметим, что в русской редакции Четвы Минеи включен отрывок из труда монаха Епифания, в котором упоминаются “касози” [Василевский, 1909, с. 275]. Но и этот отрывок не является доказательством раннего упоминания касогов. Русский перевод не мог быть выполнен ранее XI века, когда на Руси отсутствовали необходимые для этого условия. Скорее всего, он был сделан много позднее XI века. “Касози” в русской редакции текста монаха Епифания появились

под влиянием русской летописной традиции, которой этот этноним был хорошо знаком» [Пьянков, 2001, с. 199]. Однако могут быть и другие объяснения этого.

Обратим внимание, прежде всего, на древнерусский текст, совпадающий буквально в деталях с греческим текстом монаха Епифания, где сказано: “И многа чюдеса творивша, и многы научивша идоста в Авазгию. И влезша в Севаст град и участва слову Божию, и мнози приаша Касози. Андреа же, оставив Симона с ученики, сам иде в Зикхию” [Василевский, 1909, с. 275]. Если действительно мы имеем в древнерусском варианте жития Андрея термин “Казози”, то это можно объяснить двумя факторами. Во-первых, термин “Косогдианы” уже присутствовал в искомом тексте Епифания, жившего на рубеже VIII–IX вв. Во-вторых, в первоначальном тексте Епифания был термин “Согдианы”, который древнерусский переводчик посчитал ошибкой или анахронизмом и заменил на вполне знакомый ему народ Северо-Западного Кавказа, носящий тогда название “касоги”. Что же тогда мешает считать, что последнее не могло произойти в начале IX в. и с монахом Епифанием, который пользовался более ранними редакциями этого агиографического сочинения, где присутствовал лишь термин “Согдианы”? Получается, что термин *Косогдианы* впервые мог быть упомянут уже на рубеже VIII–IX вв.

Лишь в X в. это новое этническое название получило распространение в исторических и географических произведениях. Так, в первой половине X ст. арабский географ Мас‘уди в своем географическом трактате “Мурудж ад-Дзахаб” упоминал на Северо-Западном Кавказе народ *кашак*: “За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем. Этот народ исповедует религию магов. Среди этих мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин.... В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется *тала* (?) ‘золото’ и который более тонок и носок, чем сорт *дабики*; один отрез его стоит 10 динаров, и он вывозится в соседние страны ислама. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими [кашаками]. Аланы более мощны, чем кашаки, которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье...” [Минорский, 1963, с. 206].

В данном фрагменте необычно то, что кашаки – это народ, который “исповедует религию магов”. Этот пассаж В. Ф. Минорский прокомментировал следующим образом: «Мусульманские авторы применяют название *маджус* к древним русам и норманнам, по-видимому, из-за их обычая сжигать мертвых, описанного у Ибн Фадлана.... Это “сжигания на корабле” ... могло быть неправильно понято как “огнепоклонство”, что явствуется из Марвази...: “саклабы сожигают мертвых, ибо они огнепоклонники”.... Я не смог выяснить, существовали ли подобные обычаи у черкесов, среди которых ко времени Мас’уди были и христиане» [Минорский, 1963, с. 206, прим. 81]. Можно полностью согласиться с мнением В. Ф. Минорского, что отождествление кремации с огнепоклонством весьма ошибочно. Как известно, зороастрийцы или огнепоклонники никогда не могли бы осквернить одну из священных стихий – огонь мертвым телом. Однако такая ошибка средневековых авторов могла быть вполне возможной. Но к этому следует вернуться несколько позже.

Интересны также сведения Мас’уди о локализации земель кашаков. Как уже удалось убедиться, кашаки проживали на запад от аланов, чья страна находилась в Центральном Предкавказье. С запада земли кашаков были ограничены морем, о котором Мас’уди сообщает: “По поводу моря, у которого они живут, мнения людей расходятся: одни полагают, что это Румское море, а другие – что это Нитас (Понт). Во всяком случае по морю от них недалеко до земель Трапезонда, откуда товары идут к нам на кораблях и с их стороны также отправляются [корабли]” [Минорский, 1963, с. 206]. Вполне понятно, что в данном случае речь идет о Черном море. Что же касается запутанности терминологии у Мас’уди, то В. Ф. Минорский данный пассаж объясняет следующим образом: “Это показывает, что Мас’уди использовал различные сообщения. Его описание черкесов, видимо, основано на рассказах черноморских купцов. Даже в своем позднейшем *ат-Танбих* Мас’уди не обнаруживает ясного знания географии черноморского бассейна” [Минорский, 1963, с. 206, прим. 83].

Не менее интересны сведения Мас’уди о северо-западных соседях кашаков: “За этой прибрежной нацией следует нация, чья страна называется Семь земель... Это большое и хорошо защищенное племя. Его земли простираются далеко, но я не знаю, к какой из наций оно принадлежит и какова его религия...

К ним примыкает другое большое племя, отделенное от кашаков рекой, которая по величине подобна Евфрату и впадает в Нитас (Понт), на котором стоит Трапезонд...” [Минорский, 1963, с. 207]. В. Ф. Минорский в комментариях к этому фрагменту отметил сложность этнической идентификации упомянутых народов, но высказал предположение, что это могли быть проживавшие в конце IX в. в степях Приазовья булгары или мадьяры [Минорский, 1963, с. 207, прим. 86–87].

Близкое по форме к термину **касог** название страны **Касахия** фигурирует в середине X в. в сочинении Константина Багрянородного “Об управлении империей”: “Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания ” [Константин, 1991, с. 173–174]. Как видим, Константин Багрянородный для обозначения этнических групп на землях адыгов использовал в середине X в. три этнотопонима, одним из которых являлось название **Касахия**. А. В. Пьянков прокомментировал данное сообщение следующим образом: “Указание Константина Багрянородного, что места с нефтяными источниками отстоят от моря на расстоянии дня пути без смены коня, и данные топонимики позволяют локализовать Папагию на территории современного Крымского и, возможно, предгорной и горной части Абинского района. В таком случае, Касахия в первой половине X века должна была занимать Закубанские земли на восток от Папагии, вплоть до реки Псекупс” [Пьянков, 2001, с. 201]. Что касается территории Зихии, то исследователь локализовал ее следующим образом: “Западные земли касогов были заняты племенами зихов, которые, судя по сообщениям более ранних письменных источников и археологическим данным, населяли территорию черноморского побережья к юго-востоку от Цемесской бухты... Зихи расширили ареал своего расселения на северо-запад вплоть до старого русла Кубани и заняли отстоящую далеко от берегов Папагию. Эта новая этно-политическая ситуация нашла отражение в сообщении Константина Багрянородного” [Пьянков, 2001, с. 205].

Впервые касоги были упомянуты в древнерусских летописях там, где речь идет о походе Святослава против хазар в 965 г. [Ипатьевская, 1843, стб. 246; Воскресенская, 1856, с. 287]. Кроме того, древнерусские летописи сообщают о походе на касогов тмутараканского князя Мстислава в 1022 г. и о взятии дани с касогов

тмутараканским князем Ростиславом. Учитывая это, следует считать, что в XII в. касоги проживали близ русского Тмутараканского княжества. Возможно, что в последний раз древнерусские летописи сообщали о касогах под 1223 г., где речь идет о первом походе монгольских полководцев на Северный Кавказ [Воскресенская, 1856, с. 129; Лаврентьевская, 1846, с. 189]. Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия – **касoги** или **кoсoги**, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

В конце X в. неизвестный фарсоязычный автор трактата „Худуд ал-‘Алам” локализовал близ страны аланов на берегу Черного моря город **Касек**: „Слово об области аланов и городах ее. Это область в ущельях и горах; богатое место; царь их – христианин. У них тысяча больших деревень; между жителями есть христиане и идолопоклонники, горцы и степняки. Касек – город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы...” [Худуд ал-‘Алем, 1930, с. 31, табл.. 38а]. Как видим, в X в. этнопоним **Касек** уже находился в стране аланов, что вполне согласуется с более ранней информацией Мас’уди о набегах аланов на земли кашаков [Минорский, 1963, с. 206]. Это в конечном итоге должно было привести к покорению касогов аланами.

Известно, что осетины, потомки кавказских аланов, еще до сих пор называют кабардинцев **каесаег**, **каесгон** [Волкова, 1973, с. 20-21]. Именно осетинское окончание данного этнонима –**аег** дало основания Г. Ф. Турчанинову говорить об аланах, как о посредниках в распространении данного этнического термина среди восточных славян [Турчанинов, 1971, с. 75]. Следовательно, восточные славяне, византийцы, арабы, персы и другие народы могли заимствовать этноним **касoг** благодаря посредничеству аланов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид **кас-**могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, составленной значительно позже середины X в., в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута „страна Каса”: „Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-, Ал-бус-р, Ухус-р, Кварус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кала, все живущие

в стране *Каса* и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань...” [Коковцов 1932, 100–102]. Комментируя пассаж с упоминанием “страны Касса”, П. К. Коковцов указал: «По весьма вероятному предположению Вестберга..., с которым полностью согласен Маркварт..., под этим именем следует разуместь соседний с аланами народ “Кашак” арабских географов, или Касогов русских летописей..., имя которых у более поздних араб. писателей имеет вид также “Каса”... Это совпадение поздней араб. формы имени с написанием его в нашем хазарском документе не говорит, по мнению Маркварта, в пользу древности последнего» [Коковцов, 1932, с. 105, прим. 14]. В последний раз Плано Карпини в своей “Истории монгалов”, составленной в 40-е гг. XIII в., упомянул среди народов Кавказа этническую группу *Касы* [Карпини, 1957, с. 72].

Следует отметить, что происхождение этнонима *касоги* до сих пор остается предметом острых научных споров. По этому поводу существует несколько гипотез, хотя ни одна из них не получила широкой поддержки среди исследователей.

Следует отметить, что уже Мас’уди заинтересовался происхождением этнонима *кашак* и дал этому свое объяснение: «Их название обозначает по-персидски “гордость”, “хвастовство”, поскольку персы называют высокомерного гордого человека *кашак*» [Минорский, 1963, с. 207]. В своих комментариях В. Ф. Минорский подтвердил это: «По-персидски каш ‘гордый’» [Минорский, 1963, с. 207, прим. 85]. Однако в исторических документах не зафиксировано пребывание персов на Северо-Западном Кавказе и поэтому данное созвучие слов не принимается в расчет современными исследователями. На сегодня иных объяснений на этот счет существует много.

Наиболее смелой из них является гипотеза И. М. Дьяконова, который склонен связывать название древнего народа Северо-Восточной Анатолии *каска* касогами. Относительно этого аргументы исследователя следующие: «Сходство этнического названия *каска* с одним из древних названий адыгско-черкесских племен (др.-груз. *кашаки*, *кашаг*, др.-арм. *гашк*, визант.-греч. *Касахия*, араб. *кашак*, др.-рус. *косог*) может быть и случайным, но оно в известной мере подкрепляется названием одного, по-видимому, самого восточного из каских племен – апешлайцев, совпадающим, как мы уже говорили, с древним названием абхазов (греч. *апсили*, др.-

груз. *ап'шил*, др.-арм. *апишлк*, срав. нынешнее название абхазцев *а-п'с-уа*, или *а-ап'ш-уа*). Известно, что как черкесы, так и абхазцы принадлежат по языку к одной абхазско-адыгской языковой семье, и не было бы ничего удивительного, если бы к ней принадлежали и каска» [Дьяконов, 1988, с. 118–119]. Однако этническое название **каска** исчезает со страниц письменных источников уже в первой половине I тыс. до н. э., а первое упоминание о касогах относится к концу I тыс. н. э. Таким образом, значительный хронологический разрыв не позволяет поддержать предложенную гипотезу.

Довольно интересно, что до недавнего времени гипотезы об автохтонном кавказском корне этнонима **касого** придерживался В. А. Бушаков, который считал, что в упомянутая в X в. Константином Багрянородным **Касахия** "могла быть самой восточной группой адыгских племен". По его мнению, "первоначальными кашагами был тот давний народ, следы языка которого сохранились во многих топонимах Дигории (названия, которые заканчиваются на -ск-) и Балкарии (названия на -шк-)". Исследователь предполагал, что "после ассимиляции кашагов осетинами, кабардинцами и кипчаками, их имя перешло на адыгов". Таким образом, этническую принадлежность первоначальных кашаков (касогов) В. А. Бушаков так и не смог определить [Бушаков, 2007, с. 44–45]. В этом случае исследователь так и не объяснил, почему это давнее, по его мнению, этническое название Северного Кавказа начало фиксироваться письменными источниками лишь в конце I тыс. н. э.

К. Г. Менгес происхождения этнонима **касого** объясняет следующим образом: «Это имя попало в древнерусский язык или прямым путем, либо через посредство аланов-аорсов. В языке их потомков осетин слово сохранилось в форме *kasag*, обозначая адыгейца (черкеса) или кабардинца... Невозможно установить, является ли это слово в осетинском активным причастием настоящего времени *kas-aeg* 'глядеющий' от *kas-yn* 'глядеть' или народноэтимологическим образованием от имени адыгейцев на осетинской почве». При этом К. Г. Менгес ссылаясь на работы В. И. Абаева [Менгес, 1979, с. 195–196]. Сам же В. И. Абаев относительно осетинского названия для кабардинцев **kaesaeg** отметил, что "происхождение термина не установлено" [Абаев, 1958, с. 588–589].

К аналогичным выводам пришла также Н. Г. Волкова, которая относительно распространения давних этнических названий адыгов **зихи** и **касого** среди современных народов Кавказа указала: "Тем

не менее, такая генетическая связь терминов на протяжении нескольких десятков столетий еще не может и не означает, что давние этнонимы **зихи** и **касаги**, как и в наши дни, соотносились с адыгским этносом. Известны случаи, когда этническое содержание термина изменялось и в более короткие исторические периоды...” [Волкова, 1973, с. 19–21].

М. Фасмер объясняет происхождение этнонима **касог** следующим образом: “этот этноним объясняют из осетинского *kaesaeg*. “черкес” – сокращенная форма из осетинского *saerkasaeg* (вот *saeraes* “опел” из *iaarkas*)” [Фасмер, 1986, с. 206–207; Фасмер, 1987, с. 344]. В данном случае складывается впечатление, что эти этнические названия имеют отношение к тотемному животному, что можем наблюдать с этнонимами в среде многих народов. Тем не менее, письменные источники отмечают совсем противоположную ситуацию: сначала употребляли термин **касог** и лишь в середине XIII в. адыгов начали обозначать термином **черкас**.

Следует отметить, что относительно происхождения этнонима **касог** существуют и другие гипотезы, на чем следует остановиться в дальнейшем. Как видим, вопрос на сегодня остается нерешенным, хотя среди исследователей получила распространение идея, что этот этнический термин представляет собой не самоназвание адыгов, а экзотноним.

Касаясь вопроса о происхождении этнического названия **кас-ог**, можно отметить, что в состав данного этнонима входит термин **кас-**, что заставляет вспомнить этнические и социальные названия – **хазар**, **казак**, **казах**, тюркское происхождение которых уже было давно доказано, ибо они, по мнению многих исследователей, происходят от общетюркского **кас (коса)** – “кочевать”. Необходимо также напомнить, что раннесредневековые источники дают нам один из вариантов первоначального названия хазар – **коса** [Артамонов, 1962, с. 114]. В свое время Д. Данлоп в своей монографии, посвященной хазарам, пытался связать центральноазиатский народ **коса** как с ранними хазарами, та и уйгурами: [Dunlop, 1954, chapter 2]. Однако данная гипотеза не получила дальнейшего развития ввиду того, что название **коса**, которое обозначало кочевой образ жизни, могло возникнуть у многих народов тюркского происхождения вполне самостоятельно [Артамонов, 1962, с. 114]. В. В. Радлов по этому поводу приводит такие данные: “кос = коч: переселяться, кочевать” [Радлов 1899, 1233]. Несомненно,

что изначально термин **кас-** (**кос-**) являлся самоназванием у многих народов тюркского происхождения. Вопрос в том, есть ли археологическое подтверждение внедрения носителя этнонима **кас-** в среду адыгских племен на Северо-Западном Кавказе?

А. В. Гадло при характеристике археологических памятников Северного Кавказа в VIII–X вв., относительно его западной части, отметил: "Археологические памятники юго-западного района представляют адыгские племена, ту зихско-касожскую общность, которая фиксируется письменными источниками. Особенностью материальной культуры этого района, отражающей особенности территориального положения адыгских племен, является ее многовариантность. Здесь сталкиваются элементы культуры, присущие причерноморско-византийским памятникам Крыма (Побережье), салтово-маяцким памятникам Тамани и Приазовья (Закубанье), аланским памятникам Центральной части Предкавказья (междуречье Лабы и Зеленчука). Как и в других районах средневекового Северного Кавказа, здесь одновременно сосуществуют несколько различных форм погребальной обрядности, что ярко отражает незавершенность этнической и идеологической консолидации адыгов" [Гадло, 1979, с. 199–200].

По наблюдениям И. О. Гавритухина и А. В. Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в предхазарский период ситуация выглядела следующим образом: на могильнике Бжид, как и на могильнике Сопино, "в VI–VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног"; на могильнике Агойский аул "нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка поргребенных"; аналогичная ситуация зафиксирована и на Борисовском могильнике [Гавритухин, Пьянков, 2003 с. 193–195]. По данным И. О. Гавритухина и А. В. Пьянкова, в VIII–IX вв. в Северо-Западном Причерноморье кроме ингумационных захоронений в каменных ящиках и простых грунтовых ямах появился новый обряд захоронений по обряду кремации [Гавритухин, Пьянков, 2003а, с. 195–200].

Особо следует выделить эти трупосожжения. Поэтому имеет резон обратить внимание на идею А. В. Пьянкова о "касожском" происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, ибо данные средневековых авторов свидетельствуют о проживании в упомянутом районе в первой

половине X в. именно касогов [Пьянков, 2001, с. 204–205]. Отметим, что в связи с этим А. В. Пьянков обратил внимание на отмеченный нами фрагмент из сочинения Мас'уди, согласно которому кашаки – это народ, который “исповедует религию магов” [Минорский, 1963, с. 206]. По этому поводу А. В. Пьянков отметил: “... часть сведений, сообщенных Масуди, относилась не к касогам, а зихам. Но поскольку последним не было свойственно сжигать умерших, то приведенная цитата из Масуди могла относиться только к самим касогам” [Пьянков, 2001, с. 205].

Как видим, этноним **касого** и кремационные захоронения на Северо-Западном Кавказе появились практически одновременно, на рубеже VIII–IX вв. Не исключено, что изначально термин **касого** являлся обобщающим названием для смешанного тюрко-адыгского населения Прикубанья в конце VIII – первой половине X вв. О возможности такого симбиоза могут свидетельствовать раскопки Борисовского могильника, где на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям [Саханов, 1914, с. 75–219].

Этот могильник, находящийся близ Геленджика, был исследован В.В. Сахановым более ста лет назад и им же был датирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в. [Саханов, 1914, с. 75–219]. Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В. В. Саханов выделил на могильнике три группы захоронений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI–VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или, в некоторых случаях, в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенные на стороне, но помещенные в 6 случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму [Саханов, 1914, с. 75–219].

Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных

ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В. В. Саханов соотносит в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений, принадлежащих к третьей группе, исследователь не решился дать им этническую атрибуцию [Саханов, 1914, с. 75–219].

К сожалению, до сих пор для исследователей является загадкой происхождение "10 грунтовых ям с сожженными костями (№№ 80, 94, 97, 105, 109–111, 131–133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)". Инвентарь, обнаруженный в этой третьей группе погребений, резко отличает их от других групп захоронений Борисовского могильника. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремяна (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134), железные серпы (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. На основании этих находок В. В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и соответственно датировал третью часть захоронений Борисовского могильника IX веком [Саханов, 1914, с. 75–219].

Однако картина была бы неполной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние трупоположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173, и они располагались двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника. Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины. Особо интересен инвентарь могильника, представленный металлическими серьгами, браслетами, оружием (наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли,

кинжал, кистень, ножи), снаряжением коня, орудиями труда (складные серпы, рабочие топоры, пилы и напильники, пряслица) и т. п. Исследователь могильника А. В. Дмитриев на основе анализа инвентаря датировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв., т. е. хазарским периодом [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

Как отметил А. В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо – не единственный на Северо-Западном Кавказе [Дмитриев, 2003, с. 205]. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А. В. Пьянков пришел к следующим выводам: “В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-геленджикском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII – IX веков. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс. Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей” [Пьянков, 2001, с. 204].

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их. Ибо своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А. В. Дмитриев отметил: “Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... Причем часто их сходство можно считать абсолютным” [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

А. В. Пьянков также отметил, что “сожжения типа Дюрсо по

материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)" [Пьянков, 2001, с. 205]. Еще в 1996 г. А. В. Пьянков и А. В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли "общностью происхождения" населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили это "проживанием племен – носителей кремационного обряда, после расселения, в различном этнокультурном окружении" [Пьянков, Тарабанов, 1996, с. 64].

Относительно же этнической атрибуции обитателей Дюрсо в хазарское время среди исследователей были высказаны различные мнения. Так, Е. П. Алексеева считала, что все погребения III–XIII вв. Северо-Западного Кавказа, совершенные по кремационному обряду, были оставлены протоабазинскими племенами. Исследователь объясняла появление кубано-черноморских кремаций переселением отдельных групп носителей цебельдинской культуры, существовавшей на территории Абхазии во II–VII вв. н. э. По мнению исследователя, ее оставили предки абазин [Алексеева, 1980, с. 36]. Если следовать этой концепции, то получается, что обряд трупосожжения возник на Северо-Западном Кавказе самостоятельно и имел местные корни. Может быть, это и дало основания Г. Е. Афанасьеву связать появление кремационных захоронений в бассейне Северского Донца в хазарское время с переселением сюда с Кавказа абхазо-адыгского населения [Афанасьев, 2001, с. 53].

А. В. Пьянков же считал, что "кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом" [Пьянков, 2001, с. 204–205]. А. В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и Сухой Гомольше [Дмитриев, 2009].

Как уже отмечалось, очень близкими кремационным захоронениям Северо-Западного Кавказа являются кремационные могильники хазарского времени в бассейне Северского Донца. Наиболее знаменитым из них является могильник, входящий

в состав комплекса вблизи с. Сухая Гомольша, открытый и исследованный В. К. Михеевым [Аксенов, Михеев, 2006, с. 72–92; Михеев, 1986, с. 158–173]. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника В. К. Михеев и В. С. Аксенов датировали локальные группы могильника следующим образом: I – середина VIII – середина IX вв.; II – вторая половина VIII в.; III – VIII – начало IX вв.; IV – вторая половина VIII в.; V – конец VIII – середина IX вв.; VI – середина – третья четверть IX в. [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. Исследователи уже давно обратили внимание, что в бассейне Северского Донца и на сопредельных территориях были выявлены кремационные могильники хазарского времени, аналогичные Сухогомольшанскому [Кухаренко, 1952; Кухаренко, 1951, с. 105; Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978, с. 34; Шрамко, 1983; Михеев, 1991; Плетнева, 1972; Плетнева, 1989, с. 259]. Получается, что кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и Сухая Гомольша на Северском Донце оставили близкие по культурным традициям группы населения. Однако в Сухой Гомольше и на некоторых могильниках в бассейне Северского Донца встречались кремационные захоронения с использованием керамики, которая находит аналогии в посуде из Пастырского городища, которое функционировало на правом берегу Среднего Поднепровья в более раннее время. Это и является основным отличием Сухогомольшанского могильника от кремационных могильников Северо-Западного Кавказа хазарского периода [Бубенок, Аксенов, 2009, с. 109, 138–139].

На Северо-Западном Кавказе инвентарь, обнаруженный в третьей группе погребений Борисовского могильника, был отличен от находок предшествующего времени. Здесь были найдены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремяна (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134) и т.п. (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. [Саханов, 1914, с. 75–219]. Аналогичную ситуацию наблюдаем и на могильнике Дюрсо. Там также, кроме ремесленных орудий и украшений, были обнаружены подобные находкам из Борисовского могильника наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи, а также стремяна, украшения ремней конской сбруи и т. п. [Дмитриев 2003, с. 200–205]. Аналогичные вещи были обнаружены и в бассейне Северского Донца в Сухой

Гомольше [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. В результате создается впечатление, что население как на Северо-Западном Кавказе (Борисово, Дюрсо), так и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше было связано с военной службой в кавалерии, т. е. имело непосредственное отношение к степной жизни.

Именно поэтому понятно стремление исследователей связать происхождение кремационных могильников хазарского времени с кочевыми народами степи. Если посмотреть на карту, то можно заметить, что в хазарское время кремации салтовского типа появились на Северо-Западном Кавказе, как раз возле юго-западных границ Хазарского каганата, т. е. на землях адыгов. Аналогичную ситуацию с салтовскими кремациями можно отметить и на Северо-Западе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца. В свое время А. В. Гадло относительно состава населения, которое проживало вблизи крепостей на западной границе Хазарского каганата, включая С-м-к-р-ц на Таманском полуострове, высказался следующим образом: "...можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство держало гарнизоны иноплеменных наемников" [Гадло, 1994, с. 28]. Вполне возможно, что к числу этих "наемников" и относились обитатели Дюрсо и Борисово. В данной ситуации следует отметить, что И. О. Гавритухин и А. В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно "салтово-маяцкого времени" полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на "зихской" границе каганат проводил "стабилизационные" мероприятия» [Гавритухин, Пьянков, 2001, с. 198–199]. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из подразделений хазарской орды на юго-западные границы Каганата для контроля над весьма ненадежными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы

близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крыло одного племени.

Поэтому имеет смысл поддержать предположение А. В. Пьянкова, согласно которому появление на Северо-Западном Кавказе кремационных захоронений салтовского типа и возникновение нового этнонима **касоги** – взаимосвязаны. При этом исследователь считал касогов, которые практиковали обряд трупосожжения, тюркоязычными пришельцами на землях адыгов-зихов, не знавших обряд кремации. Если следовать логике исследователя, то получается, что во второй половине VIII в. на земли адыгов, находившихся на юго-западной границе Хазарского каганата в бассейне Кубани и на северо-восточном побережье Черного моря, хазарской администрацией были поселены племена кочевников, очевидно тюркского происхождения, самоназванием которых был термин **кас**, который со временем распространился на часть местного адыгского населения. По мнению исследователя, название пришельцев-завоевателей – **касог** начало распространяться на адыгов лишь в X в. [Пьянков, 2001, с. 204–206]. Столь поздняя дата распространения нового этнонима **касог** в адыгской среде может быть объяснима тем, что А. В. Пьянков не верил в то, что в сочинении монаха Епифания, жившего на рубеже VIII–IX вв., были упомянуты касоги [Пьянков, 2001, с. 199]. Если же сообщение Епифания упоминало именно касогов, как тюркоязычных пришельцев, то вполне вероятно, что в начале X в. термин **касоги** уже обозначал смешанное тюрко-адыгское население.

Обычно с пребыванием касогов в X в. связывают, в первую очередь, территорию Северо-Западного Кавказа. Однако возможен вариант, при котором хазарская администрация могла выселить часть беспокойных адыгов за пределы их искомым территорий на Северо-Западном Кавказе, а на их место поселить пришельцев, выполнявших функции представителей хазарской администрации. Для такого предположения имеются основания.

Как уже отмечалось, в первой половине X в. Мас'уди [Минорский, 1963, с. 207] и Константин Багрянородный [Константин, 1991, с. 173–174] локализовали касогов в районе Северо-Западного Кавказа. Аналогичную картину в X в. дают и другие восточные и европейские источники.

Однако первое же упоминание касогов в “Повести временных лет”

позволяет дать иную локализацию данной этнической группы. Речь идет об известии древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков "Повести временных лет" нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: "В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша противу с князем своим Коганом, и соступишоя обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победы и Касоги" [Воскресенская..., 1856, с. 287; Ипатьевская..., 1843, с. 246; Приселков, 1950, с. 84]. Анализ упомянутых фрагментов позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела – Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар – аланов-ясов и касогов. Однако в Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения: "Иде С[вя]тослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша противу съ князем своим Каганом и сътупиша бить. и бивши брани. Одоле С[вя]тослав Козаромъ и град ихъ и Белу Вежу взя [и] Ясы победы и Косоги" [Лаврентьевская, 1926, стб. 65]. Именно эта информация Лаврентьевской летописи и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарский город Семендер и после чего отправились "в Рум и Андалус" [Караулов, 1908, с. 44, 128; Бартольд, 1940, с. 35], позволили В. А. Кузнецову [Кузнецов, 1971, с. 25–26; Кузнецов, 1984, с. 117–118], В. В. Бартольду [Бартольд, 1940, с. 35], М. И. Артамонову [Артамонов, 1962, с. 427–428], А. Н. Сахарову [Сахаров, 1982, с. 97] и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошел на Среднюю Волгу в страну болгар и бургасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришел в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М. И. Артамонов [Артамонов, 1962, с. 427–428], А. Ю. Якубовский [Якубовский, 1946, с. 470], В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1971, с. 25–25; Кузнецов, 1984, с. 117–118] и некоторые исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье.

Со своей стороны А. Ю. Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел – Белую Вежу и после этого пошел

на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане [Якубовский, 1946, с. 470–471].

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: "...и град ихъ и Белу Вежю взя" [Лаврентьевская, 1926, стб. 65], тогда как в остальных списках она имеет вид – "и град их Белую Вежю взя" [Воскресенская, 1856, с. 287; Ипатьевская, 1843, с. 246]. Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода в Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. Поэтому имеет смысл напомнить мнение А. П. Новосельцева, который считал, что русы совершили против хазар два похода: первый – в 965 г., а второй – в 968 г. Исследователь считал, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором – в сообщении Ибн Хаукаля. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что "Повесть временных лет" не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье [Новосельцев, 1990, с. 220]. По мнению М. Грушевского [Грушевский, 1994, с. 462], Т. М. Минаевой [Минаева, 1971, с. 199], А. П. Новосельцева [Новосельцев, 1990, с. 220] и других исследователей, войско Святослава двигалось по суше с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье.

Кроме того, Г. Ф. Турчанинов относительно маршрута похода Святослава выдвинул достаточно интересное предположение: «...нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и косогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорей всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название **косог** (ср. осет. **каесаег** „кабардинец-черкес“) вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели косоги...»

[Турчанинов, 1971, с. 75]. Свои предположения Г. Ф. Турчанинов подтверждает не только данными древнерусских летописей, но и надписями на раннесредневековых фляжках изпод Новочеркасска, которые он прочитал на касожском (адыгском) языке [Турчанинов, 1971, с. 75; Турчанинов, 1964, с. 74–75]. Исследователь на основе своей гипотезы о существовании особой письменности у народов Хазарского каганата сделал довольно оригинальное предположение относительно происхождения надписей, найденных возле Новочеркасска: "Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и касожского письмен. ... некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них незначительно.... В основу раннего восточнославянского..., и в основу касожского (средневекового кабардино-черкесского)... письма легло средневековое осетинское (аланское) письмо..., уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта" [Турчанинов, 1971, с. 78].

Несмотря на то, что попытки Г. Ф. Турчанинова прочитать надписи на новочеркасских фляжках на адыгском (касожском) языке выглядят довольно спорными, имеется определенное археологическое подтверждение этой гипотезы. Прежде всего, большой интерес представляют некоторые могильники салтовской культуры в степном Подонье, где широко использовались каменные обкладки могил. Так, на могильнике в окрестностях г. Камянск-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища, на правом берегу Северского Донца, в нижнем его течении, могильные ямы или были облицованы каменными плитами по периметру, или перекрыты ими сверху. Кроме того, здесь покойники лежали головами на юг, иногда в скорченном положении и на угольной подсыпке. Довольно часто встречались коллективные захоронения. На могильнике были зафиксированы и особые погребальные сооружения: погребенные перекрывались наклонными плитами, один конец которых стоял на дне могилы, а другой упирался в противоположную стену; умершие обычно были ориентированы головой на юг, а плиты наклонены к западу, т. е. стоят с правой стороны погребенного; две из таких могил были коллективными. Инвентарь в большинстве погребений Рыгинского могильника был представлен желтыми кувшинами

с шаровидным туловом без лощения и лепными горшками, которые отличаются от керамики типично зливкинских форм. Это позволило исследователям датировать могильник более ранним временем – VI–VII вв. Рыгинский могильник так и не стал объектом исследования антропологов [Тимощенко, 1905, с. 272–275; Генинг, Халиков, 1964, с. 121; Плетнева, 1967, с. 95–96; Плетнева, 1981, с. 11–12].

Обратим внимание еще на один подобный случай, зафиксированный К. И. Красильниковым на территории Луганской обл. в нижнем течении Северского Донца: «Аланские черты погребальной обрядности замечены, в частности, на могильнике у с. Желтое, где обнаружено 30 захоронений, из них – 27 праболгарских с обрядом “зливкинского” типа. Одно – в каменном ящике из мергелевых плит – крымского типа, еще два захоронения выполнены в ямах с катакомбами, входы в которые были закрыты мергелевыми плитами. Одно из них (№ 28) особенно напоминает аланские катакомбные захоронения Маяцкого могильника на р. Тихая Сосна...» [Красильников, 2001, с. 316–317]. Для нас интерес могут представлять не только катакомбные захоронения, но и погребение в могильной яме, облицованное по периметру каменными плитами, которое К. И. Красильников отнес к захоронениям “крымского типа”. К сожалению, в цитируемой статье не указана ориентация погребенного. К этому следует добавить, что захоронения в каменных ящиках с различной ориентацией имели распространение также на Кавказе. Быть может, не случайно рядом с катакомбами, связываемыми с северокавказскими аланами, и было обнаружено такое захоронение. Однако данный вопрос следует считать открытым.

Очевидно, что к хазарскому времени следует также отнести функционирование аналогичного Рыгинскому Артугановского могильника, который был обнаружен на левом берегу Дона, в нижнем его течении, в урочище Артугановском вблизи станицы Багаевской. Весьма характерно, что Артугановский могильник был расположен по прямой линии от Рыгинского на расстоянии 100 км. Погребения там совершались также в могильных ямах, облицованных каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на северо-восток [Артамонов, 1935, с. 114; Плетнева, 1967, с. 95–96; Плетнева, 1981, с. 11–12].

Относительно происхождения таких могильников С. А. Плетнева

выдвинула предположение, что истоки традиции обкладывать могильные ямы каменными плитами следует искать в Крыму [Плетнева, 1981, с. 12]. Однако, по данным И. А. Баранова, начало широкого распространения плитовых могильников в Крыму следует относить лишь к VIII–IX вв., что было связано с укреплением позиций христианства на полуострове. На них преобладала западная, а не северо-восточная ориентация покойников [Баранов, 1974, с. 154]. Поэтому имеет смысл искать аналогии на других соседних территориях, среди которых ближайшими являются Северный и Западный Кавказ. Так, по ряду признаков – каменные обкладки, групповые захоронения, скорченные погребения на боку, угольная подсыпка, и т.п. – Рыгинский могильник очень напоминает могильник вблизи дер. Харх в Северной Осетии. Тем не менее, последний памятник датируется более поздним временем – XI–XII вв. Однако необходимо отметить, что на северокавказских могильниках вблизи дер. Кобань, Лац, Задалиск, Камбулта, Даргвас, датированных III–VIII ст., кроме каменных обкладок и угольной подсыпки была зафиксирована разнообразная ориентация покойников, в том числе и южная [Кузнецов, 1962, с. 80–81, 89–103].

Что же касается Артугановского могильника, то ближайшие к нему аналогии содержат те погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, которые были продатированы на основе нумизматического материала V–VII вв. Для данного некрополя, как уже отмечалось, была характерна биритуальность погребального обряда, что проявилось в наличии разновременных трупоположений и трупосожжений, которые встречаются как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Большинство одиночных погребений по обряду ингумации находились там в грунтовых ямах с каменными обкладками. На Борисовском могильнике, как и на Артугановском, преобладала северо-восточная ориентация покойников в каменных ящиках. Известно, что в более позднее время, в IX–XV вв., на Северо-Западном Кавказе на смену грунтовым погребением в ямах с каменными обкладками пришли аналогичные им захоронения, но под курганными насыпями [Саханов, 1914, с. 75–219].

В.Ф.Генинг и А.Х.Халиков высказали одно интересное наблюдение: "Захоронения с каменными внутримогильными конструкциями типологически можно сопоставить с больше-тарханскими могилами с заплечиками. Основное, что их сближает, это отсутствие деревянного

гроба и устройство могильной камеры-склепа. Различается лишь материал, употребляемый для устройства камеры. Действительно, могилы с односторонними заплечиками перекрывались наклонно поставленными короткими бревнами, и точно так же производились захоронения с наклонно поставленными плитами. В погребениях с двусторонними заплечиками в качестве опоры для горизонтального перекрытия использовались уступы – заплечики, оставленные при рытье могильной ямы, а в погребениях с каменными ящиками такие опоры выкладывались специально из каменных плит” [Генинг, Халиков, 1964, с. 122]. Исходя из этого, имеются основания считать Рыгинский могильник близким не только к раннесредневековым некрополям Центрального Кавказа, но и к Больше-Тарханскому могильнику на Средней Волге. Что же касается Артугановского могильника на Нижнем Дону и Борисовского на Северо-Западном Кавказе, то имеются основания говорить о генетической близости населения, оставившего эти памятники.

Вопрос в том, кто оставил раннесредневековые погребения в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и Нижнем Дону? Как уже отмечалось, автор раскопок Борисовского могильника В. В. Саханов считал, что на Северо-Западном Кавказе, во времена раннего средневековья проживали племена адыгов, известные в византийских источниках как **зихи**, и поэтому имеет смысл связывать Борисовский могильник именно с пребыванием зихов [Саханов, 1914, с. 75–219]. На Руси же адыгов называли касогами. Следовательно, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в 965 г. князь Святослав встретил ясов (аланов) и касогов (адыгов) не на Кавказе, а на Нижнем Дону. В этом нас убеждают отмеченные параллели между нижнедонскими и северокавказскими могильниками. Может быть, и прав Г. Ф. Турчанинов в том мнении, что надписи на флягах Новочеркасского музея были написаны не на тюркском или иранском языках, а именно на касожском (адыгском).

Таким образом, данные раскопок Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе и Артугановского могильника на Нижнем Дону, а также сведения “Повести временных лет” о событиях 965 г. позволяют сделать предположение, что в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племен зихов-касогов, которые являлись подданными хазарского кагана. Нахождение

адыгов в устье Дона как нельзя лучше отвечало стратегическим интересам хазар. Прежде всего, там должна была находиться мелководная переправа. В одной из своих статей А. А. Тортика на примере легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский, показал, что гунны переправились через брод именно в устье Дона, потому что готские историки, по недоразумению, перепутали Керченский пролив с устьем Дона, ибо "устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые термины" [Тортика, 2003, с. 70]. Кроме того, с конца IX в., по данным мусульманских авторов, через дельту Дона к волоку от Дона к Волге начали плавать русы в намерении достичь Каспийского моря. Как свидетельствуют письменные источники того времени, такие плаванья с течением времени становились все более нежелательными для хазар. Так, Мас'уди в своем сочинении "Мурудж ад-Дзахаб" считает, что Волга и Дон были соединены протоком, а не сухопутным волоком, и при этом отмечает, что Волга "вытекает из верхних частей тюркских земель... от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)" [Минорский, 1963. С. 192–193]. Это же находит подтверждение и в другом сообщении Мас'уди: "В верхней части хазарской реки (Волги – О. Б.) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) – море русов" [Минорский, 1963. С. 196–197]. Именно этим путем, по данным мусульманского автора, и воспользовались русы во время похода на Каспий после 300 г. х. (912 г.): "500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем...." [Минорский 1963. С. 198]. Естественно, кто-то должен был контролировать нижнее течение Дона. Поэтому сохранение касожской колонии вблизи устья Дона в X в. было продиктовано новыми политическими обстоятельствами. И это поселение касогов должно было сохраниться вплоть до похода Святослава против хазар в 965 г., что и нашло отражение в "Повести временных лет".

Получается, что не лишено оснований сообщение Новгородской первой летописи, согласно которому после победы над хазарами возле Белой Вежи в 965 г. Святослав "Ясы победи и Касоги и приведе Киеву" [Новгородская первая..., 1950, с. 117]. Патриаршая летопись относительно судьбы этих ясов и касогов уточняет: "... и приведе к Киеву" [Патриаршая..., 1862, с. 31]. Данный пассаж Д. С. Лихачев предложил трактовать как свидетельство того, что

ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева [Повесть..., 1950, с. 311]. Однако это можно рассматривать и как указание на то, что бывших хазарских вассалов – ясов и касогов Святослав мог целенаправленно переселить из Нижнего Подонья в Киев. Это вполне согласуется с целью похода 965 г. – создать плацдарм от устья Дона до переволоки к Волге для последующего похода русов на кораблях, целью которого был расположенный на берегах Волги хазарский центр Итиль.

* * *

Ситуация, при которой одна часть беспокойных подданных переселялась на новые территории, а на их место принудительно селили других вассалов, вообще была типична для Хазарского каганата. Вот как видит В. А. Кузнецов причины и последствия миграций части аланов из западной части Центрального Предкавказья в лесостепное Подонье. По его мнению, "...исходным районом аланского переселения на север был район г. Кисловодска, где аланы были вытеснены болгарами..." [Кузнецов, 1984, с. 110]. В другом случае по этому поводу он высказался более осторожно: "Почти с передвижением салтовских алан с юга на север произошло встречное перемещение значительной массы тюркоязычного болгарского населения с севера на юг, в бассейн верхней Кубани" [Кузнецов, 1984, с. 112].

Почему же тогда нельзя считать, что аналогичные процессы не проходили на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII в.? Вполне возможно, что после арабо-хазарских войн хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на юго-западных границах Каганата, где проживали адыгские племена, которых было весьма сложно контролировать. В результате, часть беспокойных адыгов была переселена в устье Дона, а на их место была переселена часть верного кагану кочевого племени. Необходимо отметить, что через земли адыгов, южнее Таманского полуострова, проходила граница Хазарского каганата и этот участок, находившийся вблизи Керченского пролива, имел особое значение для хазар.

Осуществляя политику переселений народов, хазары решали важные для себя задачи: 1) ослабляли сепаратизм своих подданных; 2) укрепляли новые границы Хазарского каганата за счет переселенцев. При этом переселенцы оказывались в среде иноэтничного населения, что еще больше ставило их в зависимость

от центральной власти.

Однако следует задаться вопросом: почему именно в среде адыгов при хазарах сложилась именно такая система управления? Обратим внимание на отрывок из сочинения Мас'уди "Мурудж ад-Дзахаб", где описана ситуация, существовавшая на рубеже IX–X вв.: "Причина их [кашаков. – О. Б.] слабости по сравнению с аланами в том, что они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова (объединял их вместе)" [Минорский, 1963, с. 206]. Не приходится сомневаться в том, что раздробленность адыгов на отдельные племена существовала и в VIII в., когда хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на границах Каганата. Такая ситуация в корне противоречила социально-политической системе хазар, унаследованной ими от творцов каганатов древних тюрок.

Известно, что Хазарский каганат делился на земли собственно Хазарии, охватывавшей коренные земли хазар в Дагестане и на Нижней Волге, а также на земли вассальных хазарскому кагану правителей покоренных народов, носящих титул **эльтебер**. В функции эльтеберов входила как выплата дани, так и предоставление войска на случай войны. Для контроля над эльтеберами хазарская власть присылала чиновников, носящих титулы **тудун** или **булшцы** [Новосельцев, 1990, с. 118–119, 143]. Понятно, что было нереально заставить не имевших своего единого правителя адыгов выполнять повинности в пользу хазар. Поэтому внедрение чужеродного, верного кагану этноса на земли адыгов было единственным выходом из создавшейся ситуации.

О том, что касоги, представленные этим смешанным населением, исправно выполняли возложенные на них повинности, свидетельствуют данные некоторых письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа отмечено : "... все живущие в стране Каса и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань..." [Коковцов 1932, 100–102]. Конечно, могут возникнуть сомнения относительно достоверности представленной информации, ибо Пространная редакция была составлена неизвестным переписчиком значительно позже событий IX–X вв. Однако существует вероятность того, что при ее составлении были использованы другие тексты хазарского времени, что отличает этот документ от Краткой редакции.

В создавшейся ситуации неясно, какой титул носил правитель этого смешанного политического альянса: тудун, булшцы или эльтебер? В связи с этим обратим внимание на одно очень любопытное наблюдение, сделанное А. В. Гадло: «У адыгских народов Северного Кавказа сохранилось генеалогическое предание, повествующее о предке наиболее крупных княжеских династий и аристократических родов. Их родоначальником предание называет “князя” Инала, которому приписывается объединение адыгских племен, ряд внутренних административно-судебных реформ и удачные войны с опсами (осами-аланами) и абхазами. Предание говорит о том, что деятельность Инала не получила продолжения и все его начинания были утрачены при его сыновьях, против которых адыгами было поднято восстание. В русских родословных XVII в. Инал был известен под другим именем – Акабгу, которое может быть принято за тюрко-хазарский титул ак-ябгу, имевший широкое распространение во второй половине I тыс. Имя Инал также представляет социальный термин, распространенный как в тюркском, так и в Хазарском каганате. Эти обстоятельства наряду с рядом других реалий, сохраненных адыгским фольклором, дали нам основание высказать предположение о том, что в предании об Инале сохранилось воспоминание о периоде временной консолидации адыгов, которая совпала с деятельностью на территории юго-западного Предкавказья представителя Хазарского каганата» [Гадло, 1979, с. 195].

Обратим внимание на титул **ак-ябгу**, который может означать – “белый (западный) ябгу”. Армянские авторы, например Мовсес Калакандуаци, свидетельствуют о нахождении на Восточном Кавказе носителей титулов *шад* и *джабгу* в первой половине VII в. [Golden, 1980, p. 187–188; 206–207], т. е. тогда, когда земли хазар были еще составной частью Западного Тюркского каганата. По мнению А. П. Новосельцева, в начале VII в., т. е. во время вхождения Хазарии в состав Западнотюркского каганата, титулы *шад* и *ябгу* носили два крупнейших сановника Хазарии, и они являлись родственниками кагана. Исследователь отметил, что подобная ситуация встречалась и у других кочевников [Новосельцев, 1990, с. 139]. У орхоно-енисейских тюрков, по данным А. Бернштама, ябгу и шады назначались из каганского рода, являлись наместниками над определенными племенами и на случай войны соответственно командовали левым и правым крылом [Бернштам, 1946, с. 111].

Таким образом, вопреки распространенному мнению, приходится признать, что этноним **касоги** или **кас-** в хазарское время использовался не только для обозначения адыгоязычного населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедренного хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII–IX вв. Вполне вероятно, что это было самоназванием пришельцев, очевидно тюркского происхождения, распространивших данное наименование на подвластных им адыгов. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа Дюрсо, Борисово, а с местным адыгским населением – ингумационные захоронения в каменных ящиках. Данные археологии свидетельствуют о том, что близкородственное носителям кремационного обряда население в хазарское время проживало на северо-западной границе Хазарского каганата, а одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено в устье Дона. В результате видим, что в хазарское время под термином **касоги** могло быть известно полиэтническое (тюрко-адыгское) население Хазарского каганата.

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Ленинград, 1958.

Аксенов, В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогольшанский могильник VIII–X вв." // Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.

Алексеева Е.П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь, 1970.

Алексеева Е.П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону //

ИГАИМК. Вып. 131. М., 1935.

Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.

Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // РА. 2001. № 2.

Баранов И. А. О восстании Иоана Готского // Феодальная Таврия. К., 1974.

Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. 1940.

Бернштам А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М., 1946.

Бубенок О. Б., Аксенов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.

Бушаков В. А. Етніонім Черкес (до семантичної типології етніонімів) // Сходознавство. Вип. 37. Київ, 2007.

Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А. Работы на новостройках Харьковской обл. // АО. 1977. Москва, 1978.

Васильевский В. Г. Хожделение Апостола в стране Мирмидонян // Васильевский В. Г. Труды. Т. II. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1909.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Могильники VI–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003а.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, 1979.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. Москва, 1964.

Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII–IX века в районе Новороссийска –

Геленджика // VIII «Крупновские чтения». Нальчик, 1978.

Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.

Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска-Геленджика. 2009 // <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>

Дьяконов И. М. История Древнего Востока. Ч. 2. Москва, 1988.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.

Караулов Н. А. Сведения арабских географов о Кавказе // СМОМПК. Т. XXXII. Тифлис, 1901.

Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград, 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.

Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. №106. М., 1962.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI. Москва, 1951.

Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник і поселення // Археологія. Т. 6. Київ, 1952.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Санкт-Петербург, 1846.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Л., 1926.

Менгенс К. Г. Восточные элементы в „Слове о полку Игореве”. Ленинград, 1979.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва, 1963.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михеев В. К. Сухогольшанский могильник // СА. 1986. № 3.

Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтовомаяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII–X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока. Материалы межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991.

Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. Москва–Ленинград, 1962.

Новгородская Первая летопись. Москва–Ленинград, 1950.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая. // ПСРЛ. Т. IX. Санкт-Петербург, 1862.

Патраршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Т. X. Санкт-Петербург, 1885.

Плетнева С. А. От кочевий к городам // Материалы и исследования по археологии СССР. №142. М., 1967.

Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва, 1972.

Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска–Преслав. Прабългарската култура. Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.

Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. 1. Москва–Ленинград, 1950.

Приселков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста) Москва–Ленинград, 1950.

Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.

Пьянков А. В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1899.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1905.

Саханов В. Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. Москва, 1914.

Софиевская летопись // ПСРЛ. Т. VI. Санкт-Петербург, 1853.

Тарабанов А.В. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.

Тимощенков И. Отчет об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды XII АС. Т. II. Москва, 1905.

Тортика А. А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о преправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.

Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. №1.

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Москва, 1971.

Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.

Шрамко Б. А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Москва, 1986.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. Москва, 1987.

Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. III. №5.

Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. New-York, 1954.

Список сокращений:

АО – Археологические открытия

АС – Археологический сборник

ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

О. Б. Бубенок
**Косоги на південно-західному кордоні
Хозарського каганату**

Резюме

Автор статті підтримує тих дослідників, які пов'язують етнонім **косоги** зі змішаним тюрко-адизьким населенням Північно-Західного Кавказу. Цілком можливо, що даний термін спочатку був самоназвою кочового населення, ймовірно тюркського походження, яке було переселене хозарською адміністрацією в адизьке середовище в межах стабілізаційних заходів на південно-західному кордоні Хозарського каганату в VIII–IX ст. На Північно-Західному Кавказі з цими прибульцями варто пов'язувати кремаційні поховання типу Дюрсо, Борисово, а з місцевим адизьким населенням – інгумаційні поховання в кам'яних шухлядах. Як вдалося встановити, споріднене до носіїв кремаційного обряду населення в хозарський час проживало на північно-західному кордоні Хозарського каганату, а одне з аборигенних племен Північно-Західного Кавказу було переселене до гирла Дону. У результаті бачимо, що в хозарський час етнічну назву **касоги (кас-)** прибульці-тюрки могли поширити на підконтрольні щодо них адизькі племена.

Ключові слова: косоги, адиги, Хозарський каганат, кремації, міграції.

О. Б. Бубенок
**Касоги на юго-западной границе
Хазарского каганата**

Резюме

Автор статьи поддерживает тех исследователей, которые связывают этноним **касoги** со смешанным тюрко-адыгским населением Северо-Западного Кавказа. Вполне возможно, что данный термин первоначально являлся самоназванием кочевого населения, вероятно тюркского происхождения, которое было внедрено хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII–IX вв. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа Дюрсо, Борисово, а с местным адыгским населением – ингумационные захоронения в каменных ящиках. Как удалось установить, близкородственное носителям кремационного обряда население в хазарское время проживало на северо-западной границе Хазарского каганата, а одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено в устье Дона. В результате видим, что в хазарское время этническое название **касoги** (**кас-**) пришельцы-тюрки могли распространить на подконтрольные им адыгские племена.

Ключевые слова: касоги, адыги, Хазарский каганат, кремации, миграции.

О. B. Bubenok
**The Kasogs on the South-Western Border
of the Khazar Kaganate**

Summary

The author of this article supports those researchers who connect the ethnic name **Kasogs** with the mixed Turk-Adyg population of North-Western Caucasus. Quite possible, that this term originally was an inner ethnic name of nomadic population, probably turkic origin, which was

inculcated by Khazar administration into a Adyg environment within the framework of stabilizing measures on the south-western border of the Khazar kaganate in VIII-IX centuries AD. In North-Western Caucasus it is necessary to link with these new-comers the cremation burial places like Durso, Borisovo and with a local Adyg population – the ingumations into stone boxes. As succeeded to set, closely-related to the carriers of cremation ceremony a population in Khazar time lived on the north-western border of Khazar kaganate and one of tribes of aborigines of North-Western Caucasus was transmigrated to the mouth of Don. As a result, We can see, that at the Khazar times the Turks-newcomers could spread the ethnic name **Kasogs (Kas-)** on the dependent to them Adyg tribes.

Keywords: Kasogs, Adygs, Khazar kaganate, cremations, migrations.

М.М. Иевлев, А.А. Козловский, Н.И. Минаева

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА
В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ
(К ВОПРОСУ СУЩЕСТВОВАНИЯ «ЖИДОВСКОГО
ГОРОДА» НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО КИЕВА)**

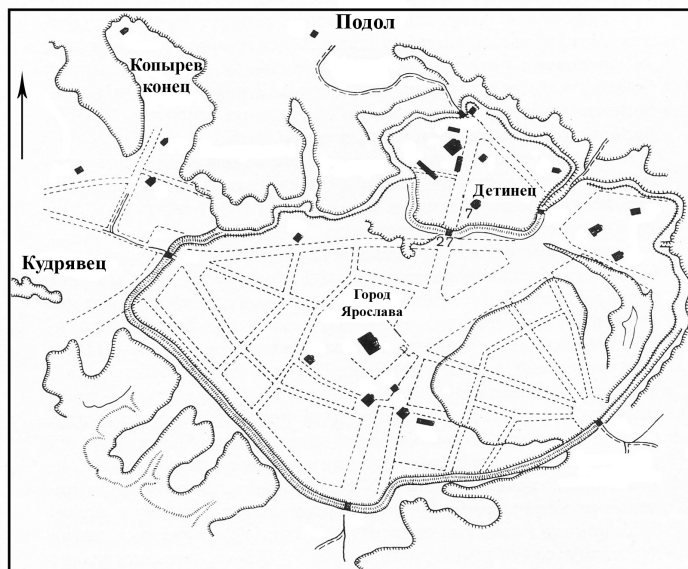
Вопрос существования «Жидовского города» в пределах Древнего Киева и границы влияния Хазарского каганата на территории Среднего Поднепровья всегда вызывали оживленную дискуссию среди исследователей, которые занимались изучением истории Киевской Руси и ее столицы – города Киева. Необходимо отметить то, что термин «Жидовский город» не встречается в летописных сообщениях древнерусского времени. Впервые он появился в научной литературе во второй половине XIX в. Этим термином историки обозначили район Древнего Киева, на территории которого проживало еврейское население, о чем свидетельствуют летописи. Одним из наиболее ранних упоминаний «Жидовского города» в описаниях Киева, относящихся к началу XVII в., является сообщение епископа Вершинского [Петров, 1897, с. 10]. Большинство исследователей располагают «Жидовский город» в северо-западной части Древнего Киева у городских ворот «города Ярослава», которые получили свое название, по их мнению, от расположенного рядом еврейского квартала (рис.1). Эти ворота дважды упоминаются в летописях 1146 и 1151 гг. В первом свидетельстве рассказывается о том, что во время битвы Изяслава Мстиславовича с Игорем Ольговичем полки под руководством воевод Улиба и Ивана изменяют Игорю и бросают поле битвы: «И когда приехал вот Улиб в свой полк (и) так же Иван, то покинули они стяги и побежали к Жидовским воротам». Во втором – описывается размещение полков Изяслава Мстиславовича и его союзников во время обороны Киева против Юрия Долгорукова: «Изяслав Давидович стал между Золотыми воротами и между Жидовскими, а Ростислав с сыном своим Романом стал перед Жидовскими воротами» [Махновец, 1989, с. 200, 243]. Большинство исследователей исторической топографии Древнего Киева располагают «Жидовские ворота» в районе современной Львовской площади [Вортман, 1996, с. 33–37; Сагайдак, 1982,

с.49]. Территориально «Жидовский город» входил в состав одного из районов Древнего Киева, известного под названием Копырев конец. Упоминание об этом районе древнего Киева встречаются в летописных источниках с XI в. В Летописи русской (Ипатьевская летопись) Копырев конец упоминается в связи с разными историческими событиями восемь раз: 1122, 1139, 1147, 1150, 1151, 1162, 1198 и 1201 гг. [Махновец, 1989]. Необходимо отметить, что названия «конец» и «кончанская структура» не характерны для городов Южной Руси. Киев - единственный из городов этого региона, где упоминается такая городская структура, как Копырев конец [Толочко, 1985, с. 9].

Вероятно, решение вопроса о существовании так называемого «Жидовского города» связано с контролем над торговыми путями, которые проходили по территории Восточной Европы. Именно хазарские купцы были посредниками в торговле арабского Востока с Западной Европой [Иванцов, 2003, с. 66]. Надо отметить, что в экономике Хазарского государства торговля играла очень важное, если не определяющее место. С самого начала своего существования Хазария стремилась установить свой контроль над главными торговыми путями между Европой, Средней Азией и Причерноморским регионом. Международная торговля Хазарского государства находилась под контролем транснационального еврейского капитала [Толочко, 1999, с. 35]. Вдоль этих международных торговых путей существовали многочисленные отдельные еврейские колонии [Прицак, 2003, с. 858, 859]. На территории самого Хазарского государства была сформирована целая сеть поселений и крепостей, которые осуществляли контроль над торговыми путями [Петрухин, 2009, с. 211]. Возможно, одна из таких крепостей могла находиться на территории Киева.

С рубежа VIII и IX вв. восточно-европейские речные торговые пути становятся трансконтинентальными, восточное серебро по ним достигает Скандинавии. Необходимо отметить, что экспансия Хазарского каганата на территории Восточной Европы усилилась с VIII в., после его поражения в войне с Арабским халифатом [Сухобоков, 1992, с. 62–63].

Река Днепр с его притоками до настоящего времени является одним из главных водных торговых путей Восточной Европы. Киевские холмы позволяли контролировать торговые пути, которые проходили из районов верховий Днепра по рекам Десна, Припять и их притокам.

План Верхнего Киева по Ю.С.Асееву.

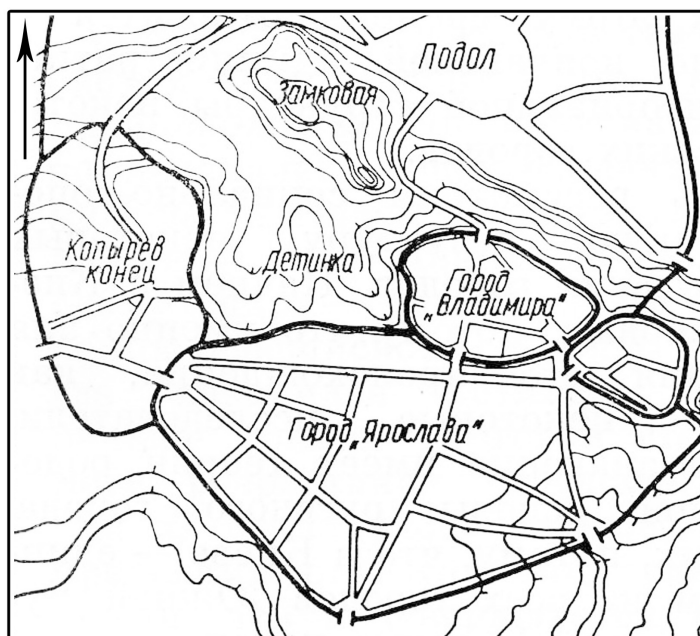

Рис. 1. План Верхнего Киева по П.П. Толочко

Предположение о существовании «Таможенного сбора» в районе расположения Киева подтверждается многочисленными археологическими находками [Рыбаков, 1982, с. 98,100]. На территории Киева было выявлено около 10–11 тыс. арабских монет VIII–X вв., которые были найдены на Подоле, Кириловских высотах, Старокиевской горе и Печерске [Толочко, 1975, с. 198]. Арабские монеты, кроме кладов, встречались и в отдельных исследованных комплексах захоронений. Все они располагаются на территории одного из самых древних районов Древнего Киева – Старокиевской горе. Время чеканки восточных дирхемов, найденных в захоронениях, охватывает период с VIII до X вв., наибольшее количество которых приходится на IX–X вв. [Толочко, 1976, с. 4; Равдина, 1988, с.72–76].

Согласно предположению ряда исследователей, в частности, О. Прицака, Ч. Балинта, западная граница Хазарского каганата проходила по рекам Днепру и Южному Бугу. Однако надо отметить, что убедительных доказательств в пользу этого предположения в настоящее время не существует. Так, П.П. Толочко считает, что лишь часть этих территорий платила Хазарскому каганату дань, установленную во второй половине VIII в. [Толочко, 1999, с. 42; Толочко, 2000, с. 246]. Согласно И.А. Иванцову, владения хазар распространялись на Поднепровье, поэтому под их власть попала часть славянских племен, среди которых были и поляне [Иванцов, 2003, с. 66]. В «Повести временных лет» указывается, что Хазарский каганат брал дань с полян, северян и вятичей. В летописи сообщается: «Хазары брали дань с полян, и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке с дыма» [ПВЛ, 1950, с. 214]. О существовании хазарской дани с полян в летописи упоминается трижды: в недатированной части «Повести временных лет», в статьях 859 и 862 гг.

По мнению ряда современных исследователей, в IX в. варяги еще не контролировали торговые пути, которые вели к Каспийскому и Черному морям. В среднем и нижнем течении рек Днепра, Волги, Дона и в Керченском проливе контроль над этими путями осуществляли хазары и волжские болгары [Лифшиц, 2007, с.24; Петрухин, 2009, с. 211]. Анализ летописи дает возможность сделать вывод о существовании двух сфер влияния на территории Восточной Европы. На севере дань с чуди, словен, кривичей и мери брали варяги, а на юге с полян, северян, радимичей в Среднем Поднепровье

и с вятичей на Оке собирали хазары [Петрухин, 2007, с. 57–58]. Летопись приписывает Рюрику, который утвердился в Новгороде в 860 г., отправление «мужей» – Аскольда и Дира на Царьград в обход Хазарии, которая пыталась осуществлять контроль над торговыми путями Восточной Европы в это время. Захватив Киев, они освободили его от хазарской дани и подготовили вокняжение в нем Олега (согласно летописи в 882 г.). Заняв Киев, Олег продолжил экспансию в восточном и южном направлениях, в результате чего он присвоил хазарскую дань с левобережных северян и радимичей и осуществил свой поход на Царьград [Петрухин, 2010, с. 522]. Г.С. Лебедев, опираясь на распространение находок скандинавского импорта, в первую очередь оружия североевропейского типа и арабского серебра в VIII–IX вв., также приходит к выводу о разделе Руси на две сферы влияния [Лебедев, 1994, с. 148–150]. Границы этих зон в определенной степени совпадают с разделением сфер влияния, которые упоминаются в летописи. Поэтому строительство крепости в пределах Древнего Киева, с которой осуществлялся контроль над торговым путем по Днепру и собиралась дань со славянского населения, была полностью целесообразна. По предположению П.П. Толочко, торговая колония хазарских купцов могла существовать на территории Киева в VIII–X вв. [Толочко, 1976, с. 6].

В.Я. Петрухин считает Киев крайним западным пунктом, который контролировался Хазарским каганатом в Среднем Поднепровье. По его предположению, именно киевская крепость в X в. упоминается Константином Багрянородным под названием Самбатас. По мнению В.Я. Петрухина, о пограничном положении Киева также свидетельствует киевская легенда, которая именует основателя города Кия перевозчиком [Петрухин, 2009, с. 210, 211]. Эту мысль в определенной степени также разделяет и Б.А. Рыбаков. Опираясь на свидетельство Константина Багрянородного, который несколько раз упоминает крепость Самбатос, он приходит к выводу, что это название относится не ко всему городу, а лишь к какой-то его определенной части, которая была связана с рекой Днепр. По его мнению, крепость Самбатос располагалась на одной из гор вблизи Подола [Константин Багрянородный, 1989, с. 44–45; Рыбаков, 1982, с. 100]. Очень интересным является описание Киева XVII в. у католического епископа Йосифа Вершинского, который сообщает: «Киев имел два стольных кремля, расположенных друг напротив

друга, принадлежавших двум братьям Кию и Щеку. Они и теперь стоят пустыми, окруженными огромными земляными валами. Один из этих двух пустых кремлей захватывает такое пространство, какое – краковские стены совсем своим замком. Что касается второго кремля, который и теперь еще стоит, то вскоре после его разрушения, еще во времена язычества, и после смерти бездетного упомянутого выше Щека, родного брата Кия, он был заселен жидами» [Вершинский, 1894, с. 406–409]. По мнению М.И. Петрова, эти сообщения о заселении этого древнего кремля не противоречат свидетельствам из летописей и другим сообщениям о городе проживания киевских „жидов” [Петров, 1897, с. 10].

О. Прицак считал, что ранняя Русь входила в состав Хазарского каганата, а Киев был хазарским городом на Днепре, построенным не раньше первой половины IX в. Такой же мысли придерживался Л.П. Якубинский, который опираясь на Лаврентьевский список отрывка «Повести временных лет», считал, что три брата основателя Киева – хазарского происхождения [Бруцкус, 1924, с. 18–20; Якубинский, 1953, с. 346–347].

Опираясь на существующие археологические материалы, П.П. Толочко делает вывод, что Киев возникает и развивается как типичный славянский город. По его мнению, если в разных источниках было зафиксировано строительство хазарского города Саркел в 833 г., то и строительство Киева также должно было быть зафиксировано в арабских или византийских источниках, тем более, если Киев был построен хазарами. Согласно арабским источникам, Киев в IX–X вв. упоминается как город славян и Руси, а не хазарский. Кроме того, присутствие хазар в Киеве почти не фиксируется археологическими находками на его территории [Толочко, 2001, с. 41, 42]. Немногочисленные находки салтовской посуды встречаются лишь в жилищах VIII–IX вв. на Старокиевской горе, на Подоле и на Копыревом конце.

Археологические исследования поселений VIII–IX вв. Среднего Поднепровья позволяют сделать предположение о связи материальной культуры полян с салтово-маяцкой. Наибольшая активность этих контактов приходится на вторую половину VIII – начало IX вв. Именно в этот период население Среднего Поднепровья платило дань Хазарскому каганату [Петрашенко, 1992, с. 56]. М.В. Берлинский считал, что Киев находился во владении хазар с VI в. до 864 г., когда город был занят варягами

[Берлинский, 1992, с.84]. По мнению М.С. Грушевского, зависимость восточнославянских племен от Хазарского каганата относилась к VII – первой половине VIII вв. [Грушевский, 1913, с. 395]. Исходя из существующих письменных источников, М.И. Петров пришел к выводу, что евреи поселились в Киеве во времена хазарского доминирования в южной части Восточной Европы во второй половине VIII в. Они проживали отдельно от христиан и имели свой молитвенный храм или синагогу. Город был окружен древними земляными валами, что и дало название «Жидовский город». Он находился над Вознесенским спуском и урочищем Кожемяки, неподалеку от Львовских или Жидовских ворот [Петров, 1897, с. 7, 11, 14, 15].

По мнению М.Ю. Брайчевского, несколько синагог могли существовать в Киеве во время правления князя Владимира в конце X в. [Брайчевский, 1988, с. 100]. М.И. Петров связывал прекращение выплаты дани с князьями Аскольдом и Диром, которые, по его мнению, «Свергли с киевлян хазарское иго и овладели Киевом» [Петров, 1897, с. 5]. Согласно Б.А. Рыбакову, восточные славяне были непродолжительное время в зависимости от хазар. По его предположению, выплата дани хазарам ограничивалась только «Проездной пошлиной» [Рыбаков, 1983, с. 120]. В.Я. Петрухин считает, что прекращение зависимости и выплаты дани Хазарии произошло в X в., когда Киев был занят русскими князьями, которые пришли с севера. В это время Киев становится центром концентрации монетных кладов, вследствие присвоения хазарской дани с северян, полян и радимичей [Петрухин, 2009, с. 212]. По мнению С.А. Плетневой, прекращение выплаты дани Хазарскому каганату случилось где-то в 80 годы IX в., и она связывала это с присоединением племен Южной Руси к своему государству князем Олегом [Плетнева, 1976, с. 67]. А.В. Гадло считал, что поход князя Святослава на Хазарию был вызван спором между Русью и Хазарией за получение дани с земли вятичей [Гадло, 1968, с. 58]. Исходя из имеющегося археологического материала, В.О. Петрашенко допускает, что дань Хазарскому каганату с населения Среднего Поднепровья существовала непродолжительное время, приблизительно около 50 лет [Петрашенко, 1992, с. 56]. Таким образом, можно сделать вывод, что зависимость населения Среднего Поднепровья и Киева от Хазарского каганата существовала в пределах VIII–X вв. и

прекратилась в конце IX – в начале X вв.

Прекращение хазарского влияния, вероятно, не обусловило окончание присутствия хазарско-еврейской общины на территории Древнего Киева. Она продолжает существовать и принимать активное участие в торговых операциях между регионами Западной и Восточной Европы, а также со странами Азиатского континента. Об этом может свидетельствовать сохранившиеся письменные источники того времени, в частности, письмо киевской хазарско-еврейской общины, которое датируется X в. [Петрухин, 2008, с. 225], и некоторыми немногочисленными находками арабских монет в погребальных комплексах этого времени [Равдина, 1989, с. 74, 135]. Очень интересным письменным источником о существовании еврейского общества на территории древнего Киева в X в. является документ, который получил название «Киевское письмо». Оно было найдено в 1962 году среди манускриптов, которые когда-то хранились в Каирской синагоге. Находка этого письма в Каире свидетельствует о связях еврейской общины Киева с еврейскими общинами мусульманского мира.

Содержание этого письма свидетельствует о том, что на территории Киева существовала еврейская община, численность которой обеспечивала миньян (коллективное богослужение), и тем самым составляла кагал – этно-конфессиональное общество (согласно современным данным, кагал мог насчитывать от 8 до 40 представителей). Из его содержания можно сделать вывод о том, что община была связана с Хазарским каганатом. К сожалению, в этом письме нет свидетельств об этническом происхождении ее членов (евреи или хазары-иудеи), но язык, которым они пользовались в быту, был тюркский или славянский [Вортман, Туров, 1996, с. 43].

В летописи хазарско-еврейская община упоминается также в эпизоде, где присутствует спор о вере, когда к князю Владимиру Святославовичу пришли «Жидове козарьстии» [ПВЛ, 1996, с. 40, под. 986 г.]. Также согласно свидетельству преподобного Нестора, преподобный Феодосий Печерский за время своего игуменства (1057–1084 гг.) посещал город из своего монастыря для религиозных прений с евреями. Опираясь на это свидетельство, М.И. Петров сделал предположение о существовании в Киеве в то время отдельной еврейской общины и отдельного молитвенного дома, или синагоги [Петров, 1897, с.11–12]. Еще одно свидетельство о существовании еврейского населения на территории Киева во

время правления Ярослава Мудрого находим в его уставе «Русской правды». В статье 19 этого устава сказано: ««Аще жидовин или бессерменин будет с рускою, на иноязычницех митрополиту 50 гривен, а рускую поняти в дом церковный». В статье 50: «Аще кто с бессерменкою или жидовкою блуд сотворить, а не лишится – церкви отлучится и христиан, а митрополиту 12 гривен» [Законодательство Древней Руси, 1984, Т.1, с. 190, 192]. Введение этих статей в свод устава «Русской Правды» свидетельствует о том, что в первой половине XI в. на территории Киева проживало значительное количество еврейского населения.

Согласно сообщению летописи, значение евреев в Киеве усилилось во время правления внука Ярослава Мудрого, Святослава Изяславича (1093–1113 гг.), который по свидетельству Татищева, «был весьма сребролюбивым ради чего жидам много вольностей против христиан дал и из-за чего христиане торгова и ремесел были лишены» [Махновец, 1989, с.171]. В год 1113, после смерти князя Святослава Изяславича, согласно Ипатьевской летописи, в Киеве произошли волнения, о которых сообщается: «Кияни тим часом разграбували двір Путяти (Вишатича), тисяцького, і пішли на жидів і разграбували їх». И послали опять киевляне (послов) к Владимиру, говоря: «Піди, княже, до Києва, бо якщо ти не підеш, то знай що багато зла підніметься, і тоді (будуть) не Путятін двір ні соцьких, але й жидів грабувати ...» [Махновец, 1989, с. 171–172]. У В.Н. Татищева в свидетельстве о восстании в 1113 г. упоминается о существовании синагоги на территории Киева: «Множество же их, собрався к их Синагоге, огорожаясь, оборонялись, елико могли» [Татищев, 1963, с. 129].

Необходимо также отметить то, что на месте расположения так называемого «Жидовского города» за все время проведения археологических исследований не было зафиксировано остатков ни одного христианского храма древнерусского времени. Это может косвенно свидетельствовать о том, что на его территории проживало население, которое не относилось к числу христиан (рис. 2).

Как уже упоминалось, находки, которые могли бы подтвердить существование «Жидовского города» на территории Древнего Киева, немногочисленны. Важную информацию о возможном месте расположения «Жидовского города» могут дать исследования фортификационных сооружений на территории Копырева конца.

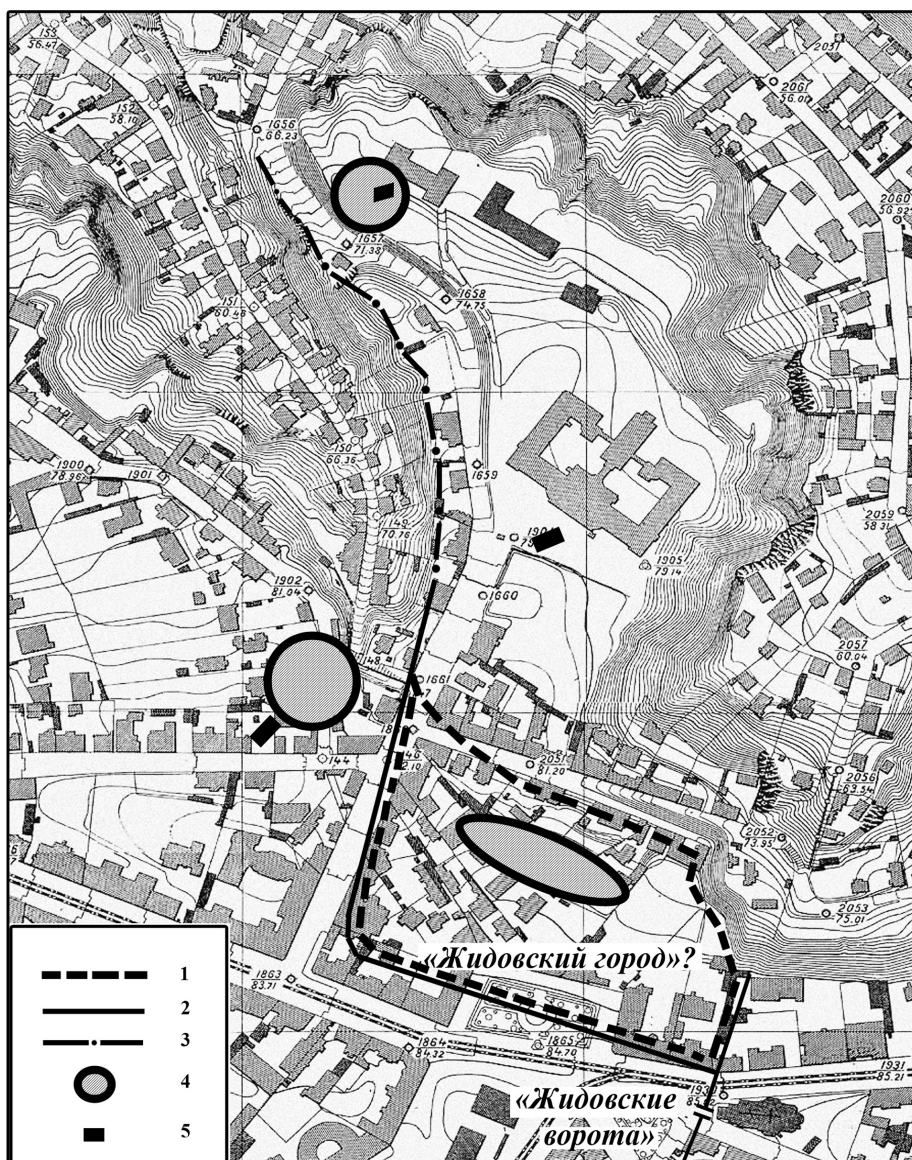

Рис. 2. Возможное местонахождение «Жидовского города».

- 1 - Фортификационные укрепления «Жидовского города»;
- 2-3 - фортификационные укрепления первой половины XI в.;
- 4 - поселения VIII-IX вв.; 5 - древнерусские храмы.

Копырев конец имел свою собственную систему оборонных сооружений. Часть из этих исследованных фортификационных сооружений могла принадлежать к укреплениям так называемого «Жидовского города» (рис. 2). К сожалению, установить точную дату начала строительства фортификационных сооружений на территории Копырева конца в настоящее время практически невозможно из-за отсутствия необходимого для этого хорошо датированного археологического материала и летописных свидетельств. Судя по имеющемуся археологическому материалу, фортификационные сооружения на территории Копырева конца строились с IX до XII вв. За этот период они пережили несколько перестроек и реконструкций. Некоторые из них продолжали использоваться на протяжении всего древнерусского времени, а другие были разобраны или заброшены, и уже не использовались по их прямому назначению. Динамика их сооружения и расположения показывает развитие застройки Древнего Киева и Копырева конца в древнерусское время, как его составной части.

Рассматривая все открытые в настоящее время оборонительные сооружения вдоль Кияновского переуллка, необходимо отметить, что они не могли относиться к укреплениям, которые защищали собственно Копырев конец. Их назначение, на первый взгляд, является непонятным. Они отрезали южную часть Копырева конца от его северной части. Согласно последним археологическим данным, мыс, на котором частично располагался Копырев конец вдоль Вознесенского спуска и урочищ Гончары и Кожумяки, являлся одной из наиболее древних заселенных частей Киева. Оборонительные сооружения для его защиты должны были быть построены с его напольной стороны, как это было принято на всех древнерусских мысовых городищах.

Строительство первых оборонительных сооружений, которые защищали Копырев конец, можно отнести к IX – началу X вв., что совпадает со временем наибольшего количества находок арабских дирхемов на территории древнего Киева [Толочко, 1976, с.4; Равдина, 1988, с.72–76]. Поэтому эти укрепления вполне могли принадлежать именно «Жидовскому городу».

При проведении археологических исследований на Кияновском переуллке в 1974 г. были открыты остатки наиболее ранних оборонительных сооружений. Они представляли собой эскарпированный склон под углом 60° к горизонту и высотой до 5

м. Общая длина исследованной части эскарпированного склона составляла 30 м и имела направление восток-запад [Боровский, 1975, с.17]. Эскарп находился на расстоянии 8–9 м от древнего склона [Боровский, 1975, с. 8–9; Сагайдак, 1982, с.53]. Подобные эскарпированные склоны известны на хазарских городищах, в частности, на Теплинском городище, находившемся на Северском Донце [Михеев, 1985, с. 20]. Они также часто встречаются на городищах роменской культуры, которая контактировала с районом распространения салтово-маяцкой культуры. Ряд исследователей, таких как Б.А. Шрамко, С.А. Плетнева, О.В. Сухобоков, предполагали определенное влияние салтовских традиций на развитие фортификации городищ роменской культуры [Сухобоков, 1992, с.139].

Необходимо отметить, что открытый эскарпированный склон в нескольких местах был перерезан хозяйственными ямами XI–XII вв. Так, в районе исследования на усадьбе № 8 в стене эскарпа была выявлена глинобитная производственная печь, которая исследователями датируется концом X – началом XI вв. Кроме того, археологические исследования зафиксировали интенсивную засыпку рва в начале XI в. [Боровский и др., 1991, с. 6, 14]. В связи с этим возникает вопрос о времени постройки этих оборонных сооружений. Если производственная печь была построена в конце X в., то это показывает, что к этому времени они уже не использовались по своему назначению. Это дает возможность сделать вывод о том, что фортификационные сооружения были построены несколько раньше общепринятой даты их постройки.

На эскарпе стояла деревянная стена каркасно-столбовой конструкции. Эта стена состояла из толстых досок или колод, отпечатки которых были зафиксированы при исследовании. Эти колоды были закреплены в деревянных столбах диаметром 0,4 м, углубляющихся в материк на глубину более 1 м. Подобного типа оборонительные сооружения были распространены на роменских, а позднее северянских городищах [Пуголов, 2011, с.116–119]. На исследованной части эскарпа были зафиксированы две столбовые ямы диаметром до 0,4 м на расстоянии 2 м одна от другой. Открытые на городище остатки крепостной стены имеют много общего с фортификационной стеной на Теплинском городище, входившем в состав Хазарского каганата. Это городище располагалось на р. Северский Донец на древнем Изюмском пути, контролируя,

таким образом, как водный, так и сухопутный торговые пути. На Теплинском городище деревянная стена состояла из вкопанных на глубину до 0,7 м столбов, толщиной 0,3–0,4 м, и лежащих поперек плах и колод [Михеев, 1972, с. 8; 1985, с.21, 112, рис. 3, 9]. Она в свою очередь состояла из двух параллельных рядов деревянных стен шириной 1,5 м, которые закреплялись в вертикальных деревянных столбах. Пространство между этими деревянными стенами было забутовано. Для группы городищ в районе Северского Донца, где проживало болгаро-аланское население, в состав которых входит Теплинское городище, был присущ именно такой тип построения крепостных стен. Стены создавали внешний и внутренний панцири, а пространство между ними забутовывалось. Нижняя часть внутреннего и внешнего панцирей засыпалась почвой. В наземной части оба панциря стягивались перегородками. Деревянные стены штукатурились и белились [Михеев, 1985, с.23].

Исследованная стена в районе Кияновского переулка имела подобную конструкцию, которая также состояла из внешнего и внутреннего панцирей. Стена располагалась на эскарпе, ее толщина равнялась 2 м (рис. 3). Рассматривая место нахождения и систему построения фортификационных сооружений, можно заметить определенную схожесть между Теплинским городищем и исследованным городищем в Киеве, расположенным между Львовской площадью и Кияновским переулком. Оба находились вблизи большой реки и могли осуществлять контроль над сухопутным торговым путем, который проходил рядом с ними.

При проведении раскопок в 1990 г. были исследованы оборонные сооружения на отрезке протяженностью 40 м, время построения которых исследователи относят к X–XI вв. [Боровский и др., 1990, с.13]. На этом участке вдоль древних склонов был прослежен ров, который повторял направление естественных склонов восток-запад. Зафиксированная ширина рва составляла 12–13 м, глубина – 4 м. В заполнении рва встречались фрагменты керамики VIII – начала XI вв. Судя по найденному археологическому материалу, этот ров просуществовал до начала XI в., после чего был засыпан. Надо рвом находился культурный слой XII в. толщиной 0,4–0,6 м [Боровский и др., 1990, с.14].

Рассматривая оборонительные сооружения, которые отделяли южную часть Копырева конца от северной, надо отметить, что, исходя из существующих археологических данных, они были построены к

X в. или, возможно, несколько раньше, приблизительно в середине или в конце IX в. Открытые оборонительные сооружения, вероятно, относились к одному городищу, которое располагалось между Львовской площадью, Кияновским переулком и Вознесенским спуском. Судя по имеющемуся археологическому материалу, оборонные сооружения этого городища использовались в середине или во второй половине X в., после чего они теряют свое назначение. В первую очередь, это относится к северным участкам. Южный и западный участки укреплений, скорее всего, были использованы при построении оборонных сооружений «города Ярослава» в первой половине или середине XI в.

Рассматривая исследованные здания и сооружения, открытые на этом городище, следует отдельно отметить три больших постройки, найденных в северной части городища в 1990–1991 гг., аналогии которым не встречались как на территории Киева, так и на территории Киевской Руси. Они имели приблизительно одинаковые размеры, глубину и похожее заполнение. К сожалению, они не были полностью исследованы, поэтому об их истинных размерах и конструктивных особенностях можно только строить предположения. Исходя из имеющихся данных, можно сделать предположение, что эти постройки имели достаточно близкие не только глубины, но и стратиграфию заполнений и размеры. Они были построены почти одновременно и имели достаточно похожие конструктивные особенности и назначения.

Два разреза первой постройки имели ширину немного больше 4 м и были углублены в материк на глубины от 1,9 до 2–2,3 м. Общая длина исследованной части этого сооружения составляла более 5 м. Постройка была ориентирована с северо-востока на юго-запад. На расстоянии 2,2–2,4 м от его юго-западного борта на дне находился ровик 0,4–0,5 м ширины, глубиной до 0,5 м. На дне постройки были зафиксированы две линии деревянных кольев от перегородки, диаметром до 10 см, которые были углублены в материк на 15–20 см. Расстояние между ними равнялось 20 см. Всего были выявлены остатки от 26 кольев. На дне этого сооружения до ровика находилась прослойка с перегнившим деревом толщиной до 20 см и небольшие камни (песчаника) в ровике. В заполнении этого сооружения было найдено значительное количество фрагментов горшков, датируемых X–XI вв., красноглиняных амфор, железных гвоздей, костей животных.

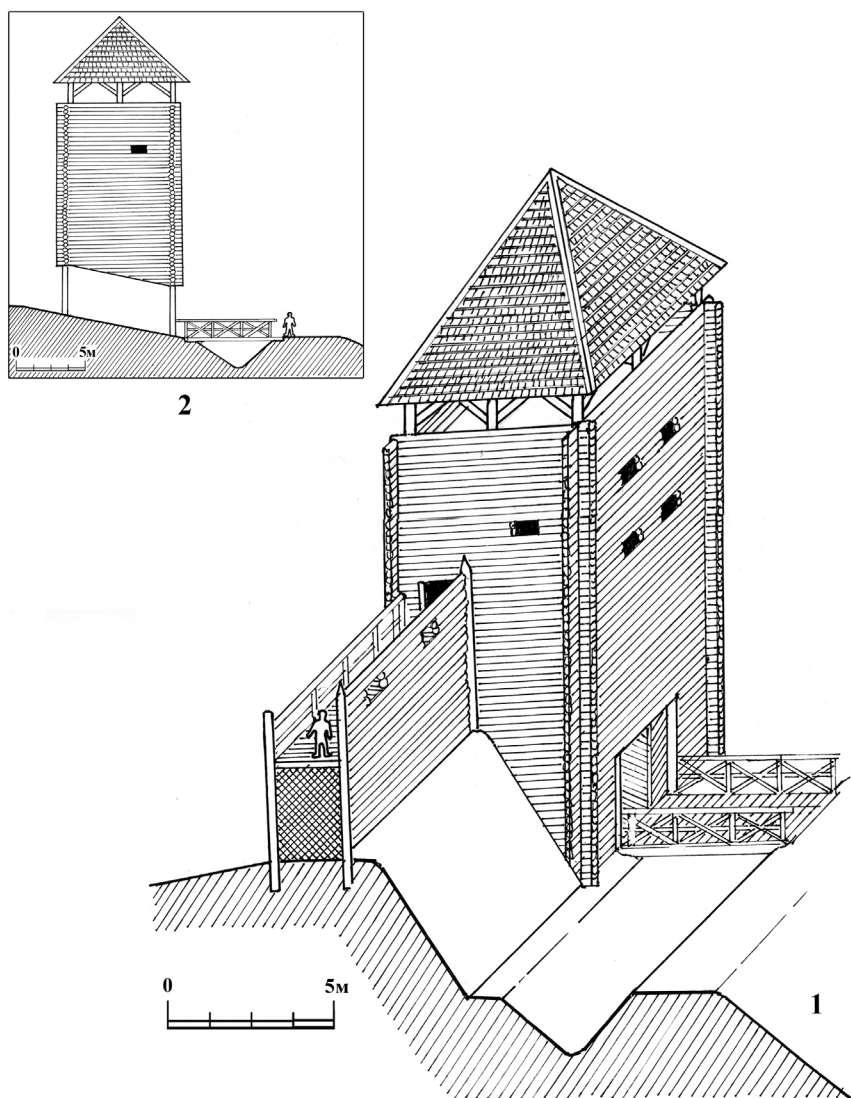

Рис. 3.
1 - вариант реконструкции эскарпа со стеной и надвратной башней; 2 - разрез надвратной башни.

Разрез второй постройки был ориентирован по оси юго-запад на северо-восток длиной около 9,5 м и глубиной до 2,3 м. Постройка располагалась на склоне террасы, в которую она была врезана. Зафиксированный перепад между юго-западной и северо-восточной частями постройки равнялся 1–1,3 м. Перед ее юго-западной частью были зафиксированы две технологические ступеньки, сделанные в материке. Первая – длиной около 1 м, вторая – 0,5 м. Стратиграфия и заполнение этой постройки были похожи на заполнение предыдущей.

Наиболее детально была исследована первая постройка, и, хотя ее длина не была полностью зафиксирована, можно сделать предположение, что она имела длину приблизительно такую, как и вторая постройка. Исходя из этого предположения, первая постройка имела ширину около 4 м, длину до 10 м и была углублена в материк на глубину 2–2,3 м. Общая площадь этой постройки могла составлять приблизительно 40 м². Исходя из расположения зафиксированных остатков древесины, стены этой постройки были обшиты деревом, а сама постройка имела деревянное перекрытие сверху. По середине постройки, вдоль ее длины, проходил ровик. Ровик имел ширину около 0,4–0,5 м и глубину до 0,5 м и был обложен камнями (песчаником). К ровику подходила перегородка длиной 2,4 м и шириной 0,2 м, шедшая поперек постройки, которая была зафиксирована на ее дне. Эта перегородка была построена из двух рядов деревянных столбиков, которые, возможно, были переплетены ивняком. Исходя из того, что было исследовано не более одной четвертой части постройки, таких перегородок могло быть несколько.

Остатки еще одной постройки такого же типа были зафиксированы вблизи от построек, частично исследованных в 1990 г. В ее заполнении встречалась керамика X–XI вв., фрагменты амфор, камни, железные гвозди, железный замок, кости животных. Постройка располагалась по оси северо-запад – юго-восток. В конце X в. она была засыпана и спланирована, после чего в XI в. на ее месте строится несколько жилищ [Боровский и др., 1991, с.7].

Подобного типа постройки наиболее досконально были исследованы на поселениях салтово-маяцкой культуры, в частности, на Карнауховском поселении, расположенном на р. Котлубанка, правом притоке нижнего течения р. Дон [Ляпушкин, 1958]. Такие же постройки были открыты на Среднем Донце [Красильников, 1981, с.

122] и Маяцком городище на Дону [Винников, 1984, с. 122].

Исследованные археологические объекты как оборонительного, так и хозяйственного назначения, имеют прямые аналогии на памятниках, относящихся к салтово-маяцкой культуре. Это может указывать на то, что население городища, располагавшегося в районе Львовской площади, имело тесные связи с Хазарским каганатом. Поэтому предположение, что оно могло быть крепостью X в., которая упоминается Константином Багрянородным под названием Самбатас, имеет право на свое существование. Таким образом, подытоживая имеющиеся данные о существовании «Жидовского города», можно прийти к следующим выводам:

1. Согласно имеющимся археологическим материалам, на киевских холмах в VI–VIII вв. происходит развитие административно-политического центра полянских племен, которые осуществляют «Таможенный сбор» [Рыбаков, 1982, с. 98,100; Толочко, 2000].

2. Хазарский каганат включает в зону своего влияния Среднее Поднепровье в VIII в. В IX в. на территории Киева возникает хазарская (еврейская) торговая фактория [Петров, 1897; Golb, Prizak, 1982; Толочко, 1976, 1999, 2000].

3. Вероятно, именно эта крепость X в. упоминается Константином Багрянородным под названием Самбатас. Это название относится не ко всему Киеву, а только к его определенной части, связанной с рекой Днепр. Крепость Самбатас располагалась на одном из холмов вблизи Подола [Рыбаков, 1982, с.100; Петрухин, 2009].

4. После прекращения уплаты дани Хазарскому каганату еврейская община продолжает существовать на территории Киева под названием «Жидовский город». Время прекращения существования этой еврейской общины в настоящее время достоверно не установлено. Можно лишь допустить, что она могла просуществовать до времени гибели Киева в 1240 году.

Литература

Берлинский М. История г.Киева. // Київська Старовина. К., 1992. №1.

Боровський Я.Є. Звіт про археологічні розкопки на Копиревому кінці (Киянівський провулок, №6) Ярославського загону відділу ІА Києва, 1975 р. // НА ІА НАНУ. Інв. 7238. К., 1975.

Боровський Я.Є., Мовчан І.І., Писаренко Ю.Г. Звіт про археологічні

розкопки на Копирівому кінці (Киянівський провулок № 4-8) в 1991 р. // НА ІА НАНУ. К., 1991.

Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. К., 1988.

Бруцкус Ю.Д. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин 1924.

Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища// Маяцкое городище. М., 1984.

Вортман Д. Де шукати Жидівські ворота //Єврейська історія та культура в Україні. Матеріали конференції. К., 1996.

Вортман Д., Туров І. Відомості про єврейську громаду Києва за документами X століття // Україна: людина, суспільство, природа. К., 1996.

Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв.// Вестник ЛГУ. Вып. 3, №14. Ленинград, 1968.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. II. XI–XIII вік. К., 1992.

Законодательство Древней Руси: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. М., 1984.

Іванцов І.О. Стародавній Київ. К., 2003.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.2. М., 1962.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонья// СА. 1981. №4.

Лебедев Г.С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі-України. К., 1994.

Лифшиц Л.И. Введение // История Русского искусства. Т. 1. М., 2007.

Ляпушкин В.И. Карнауховское поселение // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. Т. I. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.–Л., 1958.

Махновець Л.Є. Літопис руський. За Іпатським літописом. К., 1989.

Михеев В.К. Отчет об археологических разведках и раскопках средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1972 г. // НА ІА НАНУ. Ф. э. № 6263. К., 1975.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Петрашенко В.А. К проблеме взаимодействия полян и Хазарии// Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в

средневековье. Донецк, 1992.

Петров Н.И. Историко-топографические очерки древнего Киева. К., 1897.

Петрухин В.Я. Дохристианские древности: по археологическим материалам IV–X века // История Русского искусства. Т. 1. М., 2007.

Петрухин В.Я. «Еврейский след» в ранней истории Киева // «ДЬНЪСЛОВО» Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70- річчя. К., 2008.

Петрухин В.Я. Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями// Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.

Петрухин В.Я. Трансконтинентальные связи древней Руси и поход Святослава на хазар //Археологія і давня історія України. Вип. 1. К., 2010.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.

ПВЛ (Повесть временных лет). Т.1. М.–Л., 1950.

Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Пріцак О. Походження Русі. Т. 2. К., 2003.

Пуголовок Ю.О. До історії вивчення фортифікації літописних сіверян // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. К.–Полтава, 2011.

Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902.

Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Сагайдак М.А. Великий город Ярослава. К., 1982.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. К., 1992.

Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. Т. 2. М. –Л., 1963.

Толочко П.П. Копирів кінець Києва // УІЖ. 1963. № 5.

Толочко П.П. Топографія стародавнього Києва. К., 1970.

Толочко П.П. Київ //Археологія Української РСР. К., 1975.

Толочко П.П. Про торговельні зв'язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантією у VIII–X ст. //Археологічні дослідження Стародавнього Києва. К., 1976.

Толочко П.П. О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К., 1985.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999.

Толочко П.П. Русь і хозари // Давня історія України. Т. 3. К., 2000.

Толочко. П.П. Миф о хазарско-иудейском основании Киева // Российская археология. 2001. №2.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

Golb N., Pritsak O. The Khasarian Hebrew Documents of the 10-th Century. London, 1982.

Сокращения:

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СА – Советская археология

УІЖ – Український історичний журнал, Київ

М.М. Иевлев, А.А. Козловский, Н.И. Минаева

**Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем
Поднепровье
(к вопросу существования „Жидовского города” на
территории древнего Киева)**

Резюме

Исходя из данных письменных источников и имеющихся археологических материалов, авторы статьи не отрицают существование хазарской колонии в черте Древнего Киева. По их мнению, на киевских холмах в VI–VIII вв. происходит развитие административно-политического центра полянских племен, которые осуществляют «Таможенный сбор». В VIII в. Хазарский каганат включает в зону своего влияния Среднее Поднепровье. В IX в. на территории Киева возникает хазарская (еврейская) торговая фактория. Авторы статьи считают, что именно эта крепость в X в. упоминается Константином Багрянородным под названием Самбатас. По их мнению, это название относится не ко всему Киеву, а только к его определенной части, связанной с рекой Днепр, – крепость Самбатас располагалась на одном из холмов

вблизи Подола. Авторы статьи полагают, что после прекращения выплат дани Хазарскому каганату еврейская община продолжает существовать на территории Киева под названием «Жидовский город», который мог просуществовать до времени гибели Киева в 1240 году.

Ключевые слова: Древний Киев, хазары, торговля, иудеи, „Жидовский город”.

М.М. Ієвлєв, А.О. Козловський, Н.І. Мінаєва
**Поширення впливу Хозарського каганату в Середній
Наддніпрянщині
(до питання існування «Жидівського міста» на території
стародавнього Києва)**

Резюме

Виходячи з даних письмових джерел і наявних археологічних матеріалів, автори статті не заперечують існування хозарської колонії в межах Стародавнього Києва. На їхню думку, на київських пагорбах в VI–VIII ст. відбувається розвиток адміністративно-політичного центру полянських племен, які здійснюють «Митний збір». У VIII ст. Хозарський каганат включає до зони свого впливу Середню Наддніпрянщину. У IX ст. на території Києва виникає хозарська (єврейська) торгова факторія. Автори статті вважають, що саме ця фортеця в X ст. згадується Костянтином Багрянородним під назвою Самбатас. На їхню думку, ця назва відноситься не до усього Києва, а лише до його певної частини, пов'язаної з річкою Дніпро, – фортеця Самбатас розташовувалася на одному з пагорбів поблизу Подолу. Автори статті вважають, що після припинення виплат данини Хозарському каганату єврейська община продовжує існувати на території Києва під назвою «Жидівське місто», яке могло проіснувати до часу загибелі Києва в 1240 році.

Ключові слова: Стародавній Київ, хозари, торгівля, іудеї, «Жидівське місто».

M.M. Ilevlev, A.A. Kozlovskiy, N.I. Minaeva

**Distributions of Influence of the Khazar Kaganate in the Middle Dnepr Basin
(to the question of existence of the «Jewish town» on the territory of Ancient Kyiv)**

Summary

According to the data of writing sources and present archaeological materials, the authors of this article do not deny the existence of Khazar colony in Ancient Kyiv. They think that on the Kyiv hills in VI-VIII centuries AD there is development of the administratively-political center of Polians tribes which carry out the «Customs duty». In VIII century AD the Khazar kaganate included in zone of its influence the Middle Dnepr Basin. In IX century AD in Kyiv the Khazar (Jewish) trading post was founded. The authors of this article consider that exactly this fortress was mentioned by Constantinus Porphyrogenitus as Sambatas in X century AD. According to their opinion, this name belongs not to all Kyiv, and only to its certain part related to the river Dnepr, - the fortress Sambatas was situated on one of hills near Podol district. The authors of this article suppose that after the stopping of payments of contribution to the Khazar kaganate the local Jewish community continues to exist on the territory of Kyiv called the «Jewish town», which could last to the time of destroying of Kyiv in 1240.

Keywords: Ancient Kyiv, Khazars, trade, Jews, «Jewish town».

В.В. Майко

ПРИПИСКИ НА ПОЛЯХ КРЫМСКИХ БИБЛИЙ. ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Так называемые приписки на полях Крымских Библий уже на протяжении трех столетий являются предметом острых дискуссий. Как известно, история их обнаружения непосредственно связана с политическими событиями. Это попытка созданного во второй половине 1830-х гг. Одесского общества истории и древностей при поддержке генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова получить сведения о происхождении крымских караимов. Таким образом, это изначально был государственный заказ, использованный караимским патриархом А. Фирковичем для решения животрепещущих проблем караимских общин. История обнаружения приписок, их источниковедческий, исторический и филологический анализ неоднократно становились предметом специальных рассмотрений [Хвольсон, 1866, с. 20–188], особенно во второй половине XIX в. Анализировались они как с критических позиций [Гаркави, 1876, с. 1–28], так и частично использовались в исторических построениях [Баранов, 1990, с. 153; Ачкинази, 1994, с. 83–84; Ачкинази, 1997, с. 17–18; Ачкинази, 2000, с. 46–53; Майко, 1999, с. 176–181]. Все это избавляет от повторений. В настоящее время, основываясь на безусловной фальсификации первой части т.н. «Манджлисского документа», который лег в основу «концепции» А. Фирковича, все приписки справедливо считаются незаурядным плодом его творчества. В последние годы была проделана огромная работа по копированию, атрибуции и публикации практически всех известных эпитафий Чуфут-Калинского и Мангупского кладбищ [Федорчук, 2007/2008]. Однозначно установлено, что старейшие сохранившиеся надписи датированы 1364 и 1387 гг. [Федорчук, 2007/2008, с. 9], проанализированы и методы подделки. Сходная картина наблюдается и на Мангупском кладбище, где из тысячи надгробий у 222 имеются эпитафии середины XV – конца XVIII вв. Несколько десятков из них были «состарены» Фирковичем на 600

лет посредством превращения буквы п в л [Федорчук, 2007/2008, с. 10]. В последнее время Н.В. Кашовской впервые проанализированы эпитафии на кавказских надгробных памятниках горских иудеев середины XIX в., послуживших прототипами для фальсификаций караимским патриархом надписей и дат [Кашовская, 2013, с. 26].

В данной связи хочется сказать следующее. К сожалению, нельзя достичь благих целей, пользуясь несправедливыми методами. Безусловная фальсификация А. Фирковичем надгробных эпитафий и «Манджлисского документа» ставит под сомнение огромный массив ценнейших источников по истории средневековой Таврики. Как известно, рукописная коллекция караимского исследователя насчитывает около 300 рукописей с приписками. Тем не менее, наиболее полно обработавшие их В.Л. Вихнович и В.В. Лебедев установили, что некоторые даты Приписок исправлены переписчиками за сотни лет до собиравшего их А. Фирковича [Вихнович, Лебедев, 1992, с. 138]. Интересно, что сходство приемов подделки дат отмечено именно у тех документов, которые не имеют отношения к истории Таврики. Эти документы могли быть куплены А. Фирковичем у владельца, подделавшего их с целью получить с покупателя как можно больше денег [Лебедев, 1974, с. 11]. Добавим ко всему вышеизложенному, что, по мнению специалистов, из всех рукописей, составивших два собрания А. Фирковича, только несколько десятков вызывают сомнения [Вихнович, Лебедев, 1992, с. 138-139].

Без вступления в эту сложную и запутанную дискуссию, целью настоящей небольшой историографической работы является сравнение «сведений» А. Фирковича относительно истории полуострова «хазарского» времени и объективных данных археологии, которые караимскому патриарху, в отличие от данных письменных, прежде всего византийских источников, известны, безусловно, не были.

Прежде всего, отметим, что на всех Крымских памятниках, упомянутых в т.н. Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, в том числе и на Мангупе, отмечены синхронные и однотипные археологические материалы середины-второй половины X в., не связанные с предшествующими салтовскими древностями. Таким образом, дискуссия о том, существовали они или нет во времена царя Иосифа, бесперспективна. Во-вторых, эти артефакты и объекты, в подавляющем большинстве

не позволяющие судить об этносе, не могут доказать или опровергнуть и политическую принадлежность указанных городов и поселений. При этом отметим, что если считать перечень крымских городов фальсификацией, необходимо согласиться с гипотетическим предположением о том, что большая часть Таврики контролировалась в середине X в. Византией, что также пока доказать археологически трудно.

Проанализируем две широко известные приписки и, конечно, т.н. «Манджлисский документ». Так, в Приписке №57 речь идет о подарке Пятикнижия с данной припиской хазарскому вельможе, во второй (№ 58) - о бегстве под покровительство обращенных в иудаизм «кадариев» части евреев из деревни Таш-Ярган. Этим припискам А. Фиркович присвоил соответственно даты 969 и 970 гг. [Хвольсон, 1866, с. 75]. В данном случае вопрос вызывает только наименование самой деревни¹. Существование хазарских вельмож во второй половине X в. в Крыму, находившихся на службе у Византии, - факт, подтверждаемый современными эпиграфическими и сфрагистическими данными. Прежде всего, следует вспомнить представителей рода Цул. Моливдовулы их достаточно подробно проанализированы Н.А. Алексеенко [1995, с. 81–87] и А.Ю. Виноградовым [2009, с. 267]. В настоящее время на территории Таврики известны печати восьми представителей этого семейства (Цула-бег, Игнатий, Феофилакт, Михаил, Лев, Георгий, Георгий, стратиг Боспора, не обязательно идентичный предыдущему, Мосик), занимавших важные должности: спафария, протоспафария и даже стратига фемы. Печать с изображением грифона, происходящая из Херсонесского архива, опубликована Н.А. Алексеенко и датируется первой половиной XI в. [2009, с. 270].

Совсем недавно в научный оборот введены еще две печати крымского семейства, неизвестного в перечне византийских фамилий. Обе они также с изображением грифона и принадлежат Анастасию Мосхулу [Алексеенко, 2009, с. 269–270]. Сфрагистический тип печатей и особенности шрифта предполагают их датировку концом X – рубежом X–XI вв., По мнению Н.А. Алексеенко, присутствие среди представителей этих родов личных имен негреческого происхождения лишний раз подтверждает тезис об их местном происхождении, и

1 Согласно подробным филологическим исследованиям В.А. Бушакова, это название образовалось из составных существительного Таş «место» и уағһап «колоть, раскалывать» (место, где кололи камень) и имеет тюркское происхождение [Бушаков, 2001, с. 15].

возможно даже о варварском хазарском патрониме. Исследователь предполагает активное участие представителей семейства Мосхулов в управленческом аппарате Таврики рубежа X – первой половины XI вв.

Безусловно, как показывают археологические исследования, степень влияния иудаизма на население Таврики во второй половине X–XII вв. была незначительной. Однако благодаря раскопкам Сугдеи мы все же располагаем небольшим комплексом источников. Так, среди выделенных плитовых погребений второй половины X–XI вв. некрополя Судак-II безусловного внимания заслуживает могила №227. Она неоднократно анализировалась в литературе [Могаричев 2001, с. 268–281; Фарбей 2005, с. 377–378; Майко, 2007, с. 78–79]. В последний раз она упомянута в монографии М.Б. Кизилова. Однако автор ошибочно говорит о двух плитах с семисвечником из Судака, на самом деле речь идет об одной и той же плите [Кизилев, 2011, с. 43].

Тем не менее, коротко напомним, что погребение представляло собой каменный ящик трапециевидной вытянутой формы, суженный в ногах. Сложена она была из блоков песчаника и сланца. Блок северной стены, примыкающий к западной, является иудейским надгробием с прочерченной с внутренней стороны менорой и лулавом с правой от меноры стороны. Восточная стенка могилы не сохранилась. Для последующих захоронений поверх блоков обкладки были положены плитки сланца. Погребенные располагались двумя ярусами. Первый составлял погребенный, кисти рук которого были сложены на локтях. На обеих руках располагались стеклянные браслеты. Один из них декорирован двумя продольными бороздками по краям и расписан позолотой. По краю изделие имеет вертикальные царапины, а середина заполнена густыми вертикальными штрихами, с чередованием креста с четырьмя точками и завитком. Аналогичное изделие было зачищено в районе груди и в западной части могилы поверх скопления черепов от предшествующих захоронений. Здесь же обнаружена и бронзовая пуговица-подвеска. Кисти рук погребенного второго яруса были сложены на противоположных плечах. На правую руку были надеты 3 стеклянных браслета. В западной части могилы, возле черепа погребенного 2 яруса располагалось не менее пяти черепов и отдельные кости от предшествующих захоронений, здесь же обнаружена бронзовая проволочная серьга.

Типологически близкие могиле №227 «с менорой» погребения раскопаны А.Е. Люценко в 1867 г. в Керчи [КБН, 1965, N745, 746, 777] и на Фанагорийском городище [Люценко, 1880, с. 573–580]. На последнем некрополе обнаружено более 50 надгробий с семисвечниками, четыре из которых имели надписи на древнем иврите, а 26 – тамгообразные знаки на оборотной стороне плит. В.В. Григорьев и В.Г. Тизенгаузен, а следом за ними М.И. Артамонов и И.А. Баранов атрибутировали знаки на Таманских надгробьях как тюркские родовые тамги, и на этом основании связали надгробья с менорой и тамгами с хазарами, принявшими иудаизм. Кроме Керчи и Фанагории, аналогичные надгробья известны на Мангупе, Алустоне, Партенитах, в Херсонесе. Существует и противоположная точка зрения, высказанная в монографии М.Б. Кизилова. Исследователь считает, что плиты с иудейской символикой связаны исключительно с этническими евреями, а не хазарами, даже те, которые датируются VIII–IX вв. Тамги на плитах, по мнению автора, также необязательно принадлежат хазарам и типичны для многих народов [Кизилев, 2011, с. 47]. Последняя, наиболее полная сводка погребений с использованием в обкладке могил блоков камней с вырезанными семисвечниками приведена в работе В.Н. Чхаидзе [2006, с. 53–86]. Там же разобраны и все известные находки, сделанные на Таманском полуострове и в Керчи. Автор констатирует отсутствие, в большинстве случаев, возможности датировать могилы с использованием иудейских надгробий [2006, с. 66].

В этой связи необходимо упомянуть еще одну уникальную для Сугдеи плитовую могилу. Это пока единственное погребение, образующее некрополь Судак-IV. Могила ориентирована по оси северо-запад — юго-восток с небольшим сезонным отклонением в сторону севера и юга [Фронджуло, 1968, с. 13]. Она также неоднократно рассматривалась в литературе [Могаричев, 2001, с. 268–281; Фарбей, 2005, с. 377; Майко, 2007, с. 146–148]. С внутренней стороны сланцевой плиты, являющейся западной длинной стенкой захоронения, квадратным письмом прочерчено слово на иврите ל'ח'י. К сожалению, это слово практически не поддается переводу, т.к. написано человеком, не знавшим грамматику иврита, и не исключено, что вверх ногами. Такая ситуация может быть характерна для тюрков (хазар), принявших иудаизм. Однако аналогии подобным надписям в Крыму пока остаются неизвестными.

Описывая крайне незначительные иудейские элементы в

материальной культуре жителей восточного Крыма, необходимо упомянуть фрагмент прямоугольного сланцевого изделия со скошенной гранью. На верхней стороне тонкой линией процарапана звезда Давида и тюркская тамга [Майко, 2004, с. 214, рис. 6, 3]. Обнаружен он на участке куртины XV Судакской крепости в слое X–XI вв. На нижней стороне имеется неровный паз. Как уже указывалось, объяснить назначение подобного изделия в настоящее время трудно.

При этом не стоит забывать, что при современной методике археологических раскопок зафиксировать иудейские элементы в стандартизированном городском погребальном обряде достаточно сложно.

Не противоречит исторической и археологической ситуации Приписка №59, уже упоминавшаяся в литературе [Баранов, 1990, с. 152]. В ней говорится, что Иосиф, учитель иудаизма и переписчик Библий из Сугдеи, закончил переписывать эту Библию в 977 г. в Сугдее «под владычеством печенегов, которые покорили [это место] наших братьев кадариев» [Хвольсон, 1866, с. 66–67]. С вероятным контролем печенегами в середине – второй половине X в. практически всех степных районов Таврики согласно большинство специалистов. Об этом совершенно определенно в середине X в. говорит Константин Багрянородный. В какой форме осуществлялся этот контроль, сказать сложно, возможно, в течение какого-то промежутка времени Сугдея выплачивала печенегам дань или контрибуцию. Ни доказать, ни опровергнуть данное предположение, исходя из сведений письменных источников и археологической ситуации нельзя, однако логически оно приемлемо.

За время раскопок средневековой Сугдеи получены чрезвычайно интересные материалы, свидетельствующие о проживании в городе кочевников. Во-первых, это наиболее ранняя группа грунтовых подбойных погребений с использованием деревянных конструкций на участке раскопа 3 некрополя Судак-IX, расположенного в северо-восточной части посада средневекового города [Майко, Джанов, Фарбей, 2010, с. 274–277]. Аналогичные по конструкции захоронения были исследованы и А.И. Айбабиным на площади раскопа 3, расположенного к югу от упомянутого [Майко, 2007, с. 194, рис. 126, 8,9].

Обряд погребения, отмеченный на этом участке некрополя, совершенно не характерен для населения Крымского полуострова

хазарского времени. Не известен он и на территории христианских некрополей Таврики средневизантийского времени второй половины X – XII вв. и эпохи позднего средневековья. В кочевнических погребальных сооружениях Причерноморья разнообразные деревянные конструкции использовались достаточно часто. Однако полных аналогий нам найти пока не удалось. Совершенно очевидно, что эта группа погребений оставлена кочевническим населением, проживавшим в средневековой Сугдее. Датировать их достаточно сложно, однако не исключено, что появляются они еще во второй половине X в. Археологические свидетельства проживания в Сугдее кочевников, возможно печенегов, в виде кочевнической керамики, элементов конского снаряжения и украшений, датированных второй половиной X–XII вв., в настоящее время хорошо известны благодаря раскопкам в портовой части города [Майко, 2008, с. 20–28].

В какой степени А. Фиркович воспользовался данными Константина Багрянородного, и вообще, был ли он с ними знаком, сказать невозможно. О принадлежности Сугдеи хазарам или византийцам до покорения города печенегами на основании археологического материала судить нельзя. Однако, исходя из данных Кембриджского документа, неизвестного А. Фирковичу, хазарская принадлежность Сугдеи в середине X в. более обоснована.

Наиболее сложная ситуация с т.н. «Манджлисским документом». Как уже отмечалось, это безусловная фальсификация. Однако не исключено, что во всем этом запутанном документе есть рациональное зерно. Речь идет не обо всем документе, а о событиях середины X в. Фальсификацией считается принадлежность Боспора хазарам, наличие хазарского царя и посольство Владимира². Рассмотрим по порядку каждое из этих сведений. О принадлежности Боспора в 986 г. хазарам судить сложно. Однако

2. Коротко напомним, что резкая критика документа А.Я. Гаркави построена в основном на признании фальсификацией первой составной части этого сложного источника, логически и хронологически не связанной с рассказом о посольстве к Владимиру. Во-вторых, при анализе Свитка автор основывается на умозрительном заключении о низком уровне развития Хазарии и ее политической слабости в X в., о невозможности контроля над Матархой, о несоответствии города Сафарад Боспору и некоторых названий, не современных дате источника [Гаркави 1876, с. 26–28]. Что касается основных посылок, то они слабо подкреплены как письменными источниками, так и анализом исторической ситуации. Относительно последних замечаний можно отметить, что они являются, по мнению А.Я. Гаркави, второстепенными и следуют как дополнение к основному.

в документе события, повествующие о проживании на Боспоре автора документа и посольстве Владимира, разделены по времени. О последнем событии говорится только то, что оно произошло во время проживания на Боспоре автора письма. Таким образом, речь может идти и о принадлежности Боспора хазарам в середине X в., что вполне вероятно. Нет четкого указания на то, что упоминаемый хазарский царь Давид находится на Боспоре. С другой стороны, версия о существовании автономной Тмутаракани со своим правителем до похода Владимира 985–986 гг. имеет право на существование [Гадло, 1990, с. 21; Новосельцев, 1990, с. 133]. Не исключено, что именно о нем и идет речь в документе. Не исключен и вариант наличия на Боспоре чиновника, происходившего из хазарской знати, и только номинально подчиненного Византийской империи³. О посольстве Владимира к хазарам для знакомства с иудейской религией помимо этого сообщения неизвестно ничего. Однако, если согласиться с тем, что территория Тамани с центром в Тмутаракани только при Владимире вошла в состав Руси, не исключен интерес киевского князя к этим новым землям. Кроме того, известно, что посольства были посланы во все государства, представлявшие на выбор религии. Конечно, большое сомнение вызывает употребление названия Сафарад (Боспор).

В заключение отметим, что, конечно, использовать сведения Приписок в качестве исторического источника нельзя, это безусловная фальсификация. Однако приведенный в работе анализ археологической ситуации свидетельствует о том, что если бы приписки действительно существовали в том виде, в котором они были сделаны А. Фирковичем, они не сильно бы расходились с действительностью.

Литература

Алексеевко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // *Древности* 1995. Харьков, 1995.

3. Эти сведения о наличии на Боспоре хазарского «царя», если признать их достоверными, находят своеобразное подтверждение и в армянской редакции Жития Св. Стефана Сурожского, где, как известно, дважды упоминается хазарский царь Вирхор, проживавший в Керчи [Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009, с. 64]. Сведения о нем относятся к более раннему времени и не в одном другом источнике не упоминаются. Однако, даже сторонниками византийской принадлежности Боспора, он интерпретируется, в том числе, и как хазарский представитель на Боспоре [Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009, с. 210].

Алексеев Н.А. Печати с родовыми именами из Херсонского архива // ТГЭ. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2009.

Ачкинази И.В. Об иудейских памятниках конца IX-начала X в. из Крыма // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994.

Ачкинази И.В. Условия формирования иудейских общин на территории Крыма в хазарский и послехазарский периоды // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь, 1997.

Ачкинази И.В. Крымчаки. Историко – этнографический очерк. Симферополь, 2000.

Бушаков В. Дієслівні топоніми в тюркській топонімії Криму // Наукові записки. Вип. 37. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка. Кіровоград., 2001.

Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург, 2009.

Вихнович В.Л., Лебедев В.В. Загадка 15000 древних рукописей // МАИЭТ. Т. II. Симферополь, 1992.

Гадло А.В. Тматороканские этюды. III // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1990.

Гаркави А.Я. По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам // Известия русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1876.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.

Кашовская Н.В. Мангуп и Маджалис (по Дагестанским дорогам А.С. Фирковича) // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. Симферополь, 2013,

Кизилов М.Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.

Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича. Доклад, прочитанный в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина 11 марта 1974 г. Ф. 2. Рукописи. Л.65.

Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в С-Петербурге в 1876 г. СПб., 1880.

Майко В.В. Приписки на полях Крымских Библий как источник по истории юго-восточной Таврики второй половины X в. (Археологический аспект проблемы) // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь, 1999.

Майко В.В. Сугдея во второй половине X-XI вв. // Сугдейский сборник. К., 2004.

Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской Долины. К., 2007.

Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X-XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. II. Коростень, 2008.

Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Археологические исследования некрополей Сугдеи в 2007–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009. К.–Луцьк, 2010.

Могаричев Ю.М. К вопросу о “Хазарском наследстве” (Хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. Вып. X. М. –Магнитогорск, 2001.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Фарбей О.М. Іудаїзм на тлі релігійної ситуації у південно-східній Тавриці VIII—X ст. // Сугдейский сборник. Вып. II. К.–Судак, 2005.

Федорчук А.М. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Еврейские кладбища на территории бывшего Советского Союза. Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 [2007/2008]. // <http://library.eajc.org/>

Фронджуло М.А. Отчет о работе Судакского отряда КЭ ИА АН УССР в 1968 г. Инв. кн. 3, инв. № 115, папка № 185.

Хвольсон Д.А. Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма... . СПб., 1866.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. М. –Йошкар-Ола, 2006.

Сокращения:

АДСВ - Античная древность и средние века

МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИАП - Материалы по истории и археологии Причорномор'я

ПИФК - Проблемы истории, филологии, культуры

ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа

В.В. Майко

**ПРИПИСКИ НА ПОЛЯХ КРЫМСКИХ БИБЛИЙ.
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РЕАЛИИ**

Резюме

В статье проанализирован один из самых спорных письменных источников по истории Хазарии. Это т. н. Приписки на полях Крымских Библий. В настоящее время установлено, что все Приписки являются плодом творчества А. Фирковича и не могут рассматриваться в качестве исторических источников. Тем не менее, приведенный в работе анализ археологической ситуации в восточной Таврике в середине X века свидетельствует о том, что многие сведения Приписок подтверждаются археологическим материалом. Естественно, А. Фирковичу он известен не был. Если бы не сочинительский дар караимского патриарха, их вполне можно было бы использовать для исторических построений.

В.В. Майко

**ПРИПИСКИ НА БЕРЕГАХ КРИМСЬКИХ БІБЛІЙ.
ФАЛЬСИФІКОВАНЕ ДЖЕРЕЛО ТА АРХЕОЛОГІЧНІ РЕАЛІЇ**

Резюме

В статті проаналізовано одне з найбільш спірних писемних джерел з історії Хозарії. Це т.з. Приписки на берегах Кримських Біблій. На теперішній час встановлено, що всі Приписки є плодом творчості А. Фірковича й не можуть розглядатися в якості історичних джерел. Проте, наведений в роботі аналіз археологічної ситуації у східній Тавриці в середині X ст. свідчить про те, що багато відомостей Приписок підтверджуються археологічним матеріалом. Природно, що А. Фірковичу він відомий не був. Коли б не творчий

дар караїмського патріарха, їх цілком можна було б використати для історичних побудов.

V.V. Maiko

**POSTSCRIPTS ON THE FIELDS OF CRIMEAN BIBLES.
FALSIFIED SOURCE AND ARCHAEOLOGICAL REALITIES**

Summary

In the article one of the most debatable writing sources on history of Khazaria is analyzed. It so-called Postscripts on the fields of Crimean Bibles. It is presently set that all Postscripts are the fruit of work of A. Firkovich and can not be examined as historical sources. Nevertheless, analysis of archaeological situation in east Taurica in the middle of X century driven to work testifies that much information of Postscripts is confirmed by archaeological material. Naturally A. Firkovich it was not known. If it were not the gift of writing of karaim patriarch, they fully can be used for historical constructions.

Могаричев Ю.М., Шапошников А.К.

ЖИТИЕ ИОАННА ГОТСКОГО ИЗ МИНОЛОГИЯ ВАСИЛИЯ II

Житие Иоанна Готского – один из ключевых источников для изучения истории Крымского полуострова «хазарского периода». Его первоначальной версии не сохранилось. Наиболее полная из дошедших до нас редакций – вероятно, сокращенный вариант Жития, состоящий из десяти небольших отрывков (глав) [Лопарев, 1913, с.15; Ševčenko, 1975, p.115; Huxley, 1978, p.161]¹.

Как мы попытались обосновать ранее, древнейшая версия рассматриваемого агиографического произведения была составлена в период правления Никифора I Геника (802–811) и патриаршества Никифора I (806–815), то есть 806–811 гг. В период патриаршества Мефодия (843–847 гг.) оно было переработано в новой, уже известной нам редакции [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 20 – 26].

Текст Жития сохранился в трех рукописях: Ватиканская № 1667 (Cod. Vaticanus 1667) – X в., Ватиканская № 655 (Cod. Vaticanus 655) – копия XVI в. с №1667 и рукопись афонского монастыря Филофея № 8 (mss 8 du monastère athonite Philothéou) – XI в. Разночтения их незначительны и объясняются ошибками переписчиков.

Житие Иоанна Готского по Ватиканским рукописям (за 26 июня) неоднократно публиковалось в «Деяниях Святых» [Papebrochio, 1709, p. 190 – 194; Acta Sanctorum, 1744, p. 151; 1867, p. 162 – 172; Halkin, 1948, p. 82. Об издании см Афиногенов, 2008]. Рукопись афонского монастыря Филофея, в которой Житие святого из Крыма приурочено к 22 июня, издана Эрхардом [Ehrhard, 1937, p. 642 – 647]. В 2006 г сводный текст Жития (с переводом на французский язык) был переиздан М.-Ф. Озепи [Auzéry, 2006, p. 78 – 85. Здесь же и сведения о сохранившихся рукописях (p. 76)].

На русский язык источник впервые был переведен в 1878 г. В.Г. Васильевским, который посвятил ему обстоятельное исследование [1878; переиздано 1912]. В 1885 г. А. Никитский

1. А.Ю. Виноградов сомневается, в существовании более полного первоначального варианта [Виноградов, 2010, с. 243 – 246]. Правда, его аргументы убедительными не выглядят.

опубликовал свой вариант русского перевода параллельно с греческим оригиналом по Ватиканским рукописям [1885]. В 2005 г. С. Б. Сорочан в приложении к монографии, посвященной средневековому Херсону, переиздал русский текст Жития, снабдив его обстоятельными комментариями [2005, с. 1345-1370]. Греческий текст и русский перевод также представлены в нашей (совместно с А. В. Сазановым) работе, посвященной истории Крыма «хазарского периода» [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 8-14].

В научный оборот введены и различные синаксарные версии Жития. Среди них можно выделить две традиции. Одна представлена в Синаксаре Константинопольской церкви. Текст источника был опубликован И. Делейе по рукописям de Sirmond (S – вероятно конец X в.) и Парижскому кодексу 1587 г. (D), которые во многом сходны (за 26 июня, № 2) [Delehayе, 1902, col. 771-774]. Его русский перевод вместе с греческим оригиналом в 2007 г. был помещен в упоминавшейся нашей монографии [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 14-15]. Статьи об Иоанне Готском в Синаксаре Константинопольской церкви выполнены на основе дошедшей до нас редакции Жития.

Иная традиция представлена, по крайней мере, тремя рукописными вариантами: синаксарями из Труа (Trecenci 1204), Парижа (Coislin 223) и Оксфорда (рукопись №2). Лучше всего сохранился текст из так называемого греческого синаксаря Оксфордской церкви Христа (СОЦХ). Данный синаксарь был описан еще в 1867 г. Г. Китчином [Kitchin, 1867, p. 1-7], затем, в 1902 г. И. Делейе [Delehayе, 1902, col. XLI-XLII. Под обозначением Md].

23 текста из него опубликованы Ф. Алкеном [Halkin, 1848, p. 59 – 83]. Г. Китчин и И. Делейе датировали синаксарь XIII в. М. Лефор относил его к XII в. [Lefort, 1932]. Ф. Алкен датировал текст согласно палеографическим критериям второй половиной XII в. По его мнению, это самый старый из синаксарей класса М*, которые дошли до нас. Он отличается чистотой текста и лучше всего доносит содержание и структурный принцип прототипа. Ф. Алкен издал Житие Иоанна Готского из греческого синаксаря Оксфордской церкви Христа в сопоставлении с двумя другими упоминавшимися текстами (Mt=Trecensi 1204, Mc=Coislin 223) [Halkin, 1848, p. 80 – 81]. Проанализировав эту версию Жития Иоанна Готского и представив ее русский перевод, мы предположили, что она несет в себе следы более раннего извода Жития (скорее всего прототипа),

чем сохранившиеся [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 16 – 21].

Несмотря на широкую известность Жития Иоанна Готского, неоднократное переиздание текстов источника и внушительную историографию, ему посвященную [Васильевский, 1912; Брун, 1880. С. 51 – 52; Браун, 1890, с. 11-13; Кеппен, 1837, с. 65 – 67; Кулаковский, 1898; 2002, с. 147 – 149; Шестаков, 1908, с. 36; Васильев, 1927, с. 201 – 210; Бабенчиков, 1935; Якобсон, 1959, с. 41 – 43; 1964, с. 31 – 32; 1973, с. 33; Артамонов, 2001, с. 349 – 358; Баранов, 1974; Герцен, Могаричев, 1991; 1999; 2002; Айбабин, 1999, с. 208 – 210; 2006, с. 618 – 619; Байер, 2001, с. 47 – 54; Могаричев, 2003; 2005, с. 30 – 32; Могаричев, Шапошников, 2005; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007; Сорочан, 2004а; 2004б; 2005, ч. 1, с. 504-537; Ч. 2, с.1345-1370; Науменко, 2004, с. 12; 2005; Виноградов, 2010; Виноградов, Комар, 2005; Цукерман, 2010, с. 409 – 418; Vasiliev, 1936, р. 89 – 96; Huxley, 1978; Auzéry, 2000, р. 324; 2006; Zuckerman, 2006, р. 214 – 218; и др], исследователями осталось практически незамеченным синаксарное сокращение, находящееся в Минологии Василия II (MB).

Этот синаксарь являлся сводом сокращенных Житий святых, включенных в общий текст в соответствии с церковным календарем. Кроме того, произведение содержало 430 иллюстраций – миниатюр, изображавших библейские сюжеты и лики святых. Синаксарь, как явствует из посвятительного стихотворения, был составлен для императора Василия II Болгаробойцы (976–1025), вероятно в 1001–1016 гг. [Ševčenko, 1991, р. 1341 – 1342; Виноградов, Захарова, 2009, с. 225 – 229].

Отметим, что ряд статей в этом сборнике житий святых в толковании и датировке событий и повествовательной линии отличаются от близкого по времени Синаксаря Константинопольской церкви (рукопись de Sirmond) и других подобных сочинений. Например, епископ Ефрем Житий св. Херсонских епископов был сослан по MB в «Туркию», а по S – «в Скифию» [См. подр: Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников, 2012, с. 315 – 316]. Житие Климента Римского в Синаксаре Константинопольской церкви отражает традиционную версию, ставшую официальной после обретения мощей Константином Философом зимой 861 гг. [Уханова, 1998, с. 57 – 63; 2000, с. 120]: опальный понтифик был сослан и принял мученическую смерть в некоем пустынном полисе,

«расположенном на Херсонесе» [Delehayе, 1902, col. 255-256].

В МВ же утверждается, что Климент был сослан в Анкиру Галатскую, где и умер в тюрьме². И только впоследствии «его почитаемые останки были взяты какими-то верующими и переправлены в Херсон» [Migne, 1894, col. 177-178; Франко, 1981, с. 145 – 147].

В. Г. Васильевский, несомненно, был знаком со статьей об Иоанне Готском в данном Минологии. Правда, особого внимания он ей не придал, ограничившись замечанием, что это «кратчайший из синаксарей» [1912, с. 420]. Архимандрит Сергей, составляя свод православных святых, также упомянул присутствие в МВ раздела об Иоанне Готском [Сергий. 1867, с. 168].

Очевидно, под воздействием авторитета В. Г. Васильевского в последующих работах ссылки на этот вариант Жития святого из Крыма отсутствуют.

Отметим, что о наличии Жития Иоанна Готского в Синаксаре Василия II сведений нет и в библиографических указателях различных версий источника [Vasiliev, 1936, p. 89; Bibliotheca Hagiographica Graeca, 1957, p. 20-21; Bibliotheca Sanctorum, 1965, coll. 814-815; Halkin, 1968; Ševčenko, 1975, p. 115; Auzépy, 2000, p. 324; 2006, p. 76; Huxley, 1978; Виноградов, 2010]. Мы также не обратили внимание на этот текст при подготовке монографии «Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»» (Симферополь, 2007). Только в последующей работе, посвященной Житию Стефана Сурожского, упомянули о присутствии в Минологии Василия II раздела об Иоанне Готском [Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 204]

Текст источника:

Μῆνι τῷ αὐτῷ.

Κζ'

2. Конечно, здесь можно видеть и «смешение священномучеников Климента Римского и Климента Анкирского» [Виноградов, Захарова, 2009]. Однако заметим, что в синаксаре, кроме данной статьи, приуроченной к 25 ноября, присутствует повествование под 23 января (№ 133): «подвиг святого и великомученика Климента, епископа Анкиры провинции Галатия. Жил и пострадал при Диоклетиане, Максимиане, Агриппине, происходил от отца эллина и христианки, был епископом Анкиры, после заключения в нескольких городах Анатолии и в Риме, опять был взят под стражу в Анкире, где и был заколот вместе с дьяконами Христофором и Харитоном архонтом Александром». В силу изложенного, вероятно, раздел, МВ о Клименте Римском является следствием не столько механической путаницы в отношении двух святых с одним именем, а попытки совместить сюжет ранних повествований о Клименте Римском с его «биографией», ставшей канонической после отыскания Константином Философом мощей святого близ Херсонеса Таврического.

Μνήμη τοῦ ὁσίου Πατρός ἡμῶν Ἰωάννου ἐπισκόπου Γότθων.

Ἰωάννης ὁ ἐν ἀγίοις Πατήρ ἡμῶν, ὡς ὁ μέγας προφήτης Ἱερεμίας, ἐκ βρέφους ἀγιασθεὶς ἐγεννήθη ἐξ ἐπαγγελίας παρὰ γονέων εὐλαβῶν καὶ πιστῶν· καὶ ἐδόθη παρ' αὐτῶν ἅμα τῷ γεννηθῆναι δῶρον τῷ Θεῷ, ἀφιερωθεὶς τῇ ἐκκλησίᾳ τῆς ἐπισκοπῆς Γοθθίας ἐπὶ τῆς βασιλείας Κεόντος³ τοῦ Ἰσαύρου. Ἐπεὶ δὲ εἰς μέτρον καὶ τῆς πνευματικῆς καὶ σωματικῆς ἔφθασεν ἡλικίας, καὶ ἔδει αὐτὸν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀνελθεῖν, ψηφισθεὶς ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ ἐπέμφθη εἰς Ἰβηρίαν, καὶ ἐχειρωτομήθη ὑπὸ τοῦ ἐκεῖσε ὄντος ἀρχιερέως. διὰ τὸ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπικρατεῖν τὴν τῶν εἰκονομάχων αἵρεσιν. Καὶ ὑποστρέψας, καὶ καλῶς τὴν ποίμνην αὐτοῦ ποιμάνας, ἀπεδήμησε καὶ τῇ Κωνσταντινουπόλει μετὰ τελευτὴν τοῦ Ἰσαύρου. Καὶ δεξιωθείς παρὰ τῆς βασιλέως⁴ Εἰρήνης, ὑπέστρεψε. Καὶ διωχθεὶς παρὰ τοῦ οἰκείου λαοῦ, καὶ φυγὼν ἐν Ἀμάστριδι, ἐτελεύτησεν.

Месяца того же (июня)

26 (числа)

Память преподобного (святого) отца нашего Иоанна, епископа готфов.

Этот святой отец наш Иоанн, подобно великому пророку Иеремии, от рождения был посвящен, ибо был рожден по обету, данному родителями благочестивыми и благоверными: и отдан был ими сразу после рождения в дар Богу. Он был посвящен церкви епископства Готфии в царствование Кеонта (Льва – авт.) Исавра. Когда же он, достигнув зрелого возраста, соразмерно телесного и духовного, должен был взойти на архиерейский престол, избранный своим собственным народом, он был направлен в Иверию и рукоположен тамошним архиереем из-за ереси иконоборцев, возобладавшей тогда в Константинополе. И, возвратившись, он хорошо пас свою паству. Он прибыл в Константинополь после смерти Исавра, был удостоен аудиенции царицы Ирины, вернулся обратно к своей церкви. Но преследуемый (изгнанный?) собственным народом, в Амастриде скончался.

В целом рассматриваемая редакция хотя и является «кратчайшей», все же позволяет сделать определенные выводы.

Редактором полностью были изъяты «таврические подробности», а именно: рассказы о месте рождения святого, его родителях и,

3. Скорее всего, здесь описка переписчиков или недосмотр редактора. В оригинале, вероятно, стояло Λέοντος.

4. Должно быть βασιλίσσης.

что самое важное, об антихазарском восстании. Это позволяет предположить, что компилятор начала XI в. практически ничего не знал ни о Таврике, ни о хазарах. Видимо, тогда «хазарская тема» для значительной части византийского церковного сообщества была уже неактуальной. При этом составитель сохранил в тексте упоминания о вероятно знакомых ему Иверии и, естественно, Амастриде. Отметим, что в рассматриваемом источнике отсутствует важная с точки зрения развития сюжета линия о поездке святого в Иерусалим.

Обращает на себя внимание фраза о том, что Иоанна с детских лет сравнивали с пророком Иеремией. В Житии этот сюжет изложен так: «Этот преподобный Иоанн, посвященный с детства подобно Иеремии и Самуилу, всецело был предан Богу. Ибо Фотина, мать преподобного, зачала его только после того, как в молитве к Богу ради дарования ей плода (дала обет) привести его на служение Господу. Родившись же и возросши, он придерживался подвижнического образа жизни почти с пеленок, подвизаясь словом и делом во всяческой добродетели» [Здесь и в дальнейшем цитирование различных вариантов Жития Иоанна Готского по: Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007]. В S сказано «Он был посвящен еще с детства, подобно Иеремии и Самуилу Великому, рожденному по молитве, (поэтому после рождения) тотчас был посвящен Богу». В СОЦХ – «Сын, рожденный по молитве, как в древности Самуил и воспитанный в подвижничестве от нежного возраста, превратился в пристанище Христа». Как видим, редактор сохранил сравнение Иоанна только с пророком Иеремией, изъяс Самуила.

МВ относит епископство Иоанна ко времени правления Льва Исавра. При этом пространные редакции Жития указывают, что тот «был епископом Готфии при царях Константине и Льве»⁵, причем епископом он стал именно при Константине. Это же повторяет и Синаксарь Константинопольской церкви. А СОЦХ прямо говорит «В дни царя Константина Старшего (Взрослого) был в полном цвете преподобный отец наш Иоанн (между святыми) в стране готфов».

Несмотря на отсутствие в МВ сюжета об антихазарском восстании в Готии, там подчеркивается, что по возвращении из столицы готский епископ оказался в Амастриде «преследуемый (гонимый, изгнанный?) собственным народом». Естественно, данный отрывок

5. Несомненно, речь идет о Константине V Копрониме и Льве IV Хазарине [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 192].

непонятен, если не быть знакомым с иными версиями Жития. Указания на «преследование (выделено нами – Авт.) собственным народом» нет в других вариантах. В пространной редакции говорится, что святой «своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар», при этом далее поясняется: «выдан одним местечком (селением)». В Чудесах присутствует сюжет, что некто порицал Иоанна «как если бы тот являлся причиной того, что крепость Готфии была передана кагану». В S сообщается, что епископ «был предан собственным народом начальникам хазар». В СОЦХ данный момент обойден вниманием, а событие освещается так: «Когда же случилось в его стране восстание против хаганов, и многие невинные и не из-за Христа были преданы мечу (и многие невинные были преданы мечу и не из-за Христа враждовавшие друг с другом), ему удалось бежать».

Таким образом, из возможных вариантов Жития Иоанна Готского, ставших основой для синаксарного текста в МВ, следует исключить СОЦХ и, соответственно, предполагаемый протограф. Там отсутствуют читающиеся в МВ упоминания о пророке Иеремии, императоре Льве Исавре, поездке Иоанна в Константинополь. Прямо не говорится и о предательстве Иоанна «собственным народом».

Гораздо ближе текст из МВ к пространной и, особенно, к краткой редакции из Синаксаря Константинопольской церкви. Однако и здесь, как видим, имеются отличия. Большинство несоответствий не существенны, и их можно отнести на счет особенностей стилистики авторов. Однако в МВ указывается только на аналогию Иоанна с пророком Иеремией, при этом не фигурирует в этой связи Самуил; епископство Иоанна связывается исключительно с периодом правления Льва Исавра, а император Константин не упомянут; подчеркнуто, что епископа преследовал именно «собственный народ». Напомним и об отсутствии упоминаний о восстании готов против хазар.

Из вышесказанного теоретически возможны два вывода. Составитель Жития Иоанна Готского в МВ во-первых, имел перед собой, иную, не дошедшую до нас, редакцию Жития; во-вторых, подошел к своей работе поверхностно. При этом, стремясь в итоге представить как можно менее объемный текст, он не сумел до конца сохранить повествовательную линию имеющегося у него варианта Жития.

По нашему мнению, учитывая, что между рассматриваемыми версиями все же отмечается принципиальное сходство, более вероятным представляется вариант, что перед нами не совсем удачное сокращение, скорее всего, текста из Синаксаря Константинопольской церкви. Текстологический анализ позволяет однозначно определить источник для сокращения. Полужирным выделены лексические и синтаксические дословные совпадения:

1. Сюжет о посвящении Иоанна Богу.

1.1. Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«καὶ Σαμουὴλ ὀλίκῳς ἀφιερῶθη τῷ θεῷ. Φωτεινῆς γὰρ, τῆς μητρὸς τοῦ ὁσίου, εὐξαμένης τῷ θεῷ δοθῆναι αὐτῇ καρπὸν, εἰς τὸ προσάξει αὐτὸν λειτουργὸν, Κυρίῳ (Κυρίου), ὅπως συνέλαβεν αὐτόν».

1.2 Синаксарь Константинопольской церкви:

«Οὗτος ἦν ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου, ὁρμώμενος ἐκ τῆς τῶν Ταυροσκυθῶν χώρας, τῆς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν (ομ. D) Γότθων τελοῦσης, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς (Φωτινῆς D) υἱὸς γεγονώς. Ἀγιασθεῖς δὲ ἐκ βρέφους ὡς Ἱερεμίας καὶ (ὡς add. D) Σαμουὴλ ὁ μέγας κατ' ἐπαγγελίαν γεννηθεῖς, εὐθὺς τῷ Θεῷ ἀνετέθη».

1.3 Минологий Василия II:

«ὡς ὁ μέγας προφήτης Ἱερεμίας, ἐκ βρέφους ἀγιασθεῖς ἐγεννήθη ἐξ ἐπαγγελίας παρὰ γονέων εὐλαβῶν καὶ πιστῶν· καὶ ἐδόθη παρ' αὐτῶν ἅμα τῷ γεννηθῆναι δῶρον τῷ Θεῷ, ἀφιερωθεῖς τῇ ἐκκλησίᾳ τῆς ἐπισκοπῆς Γοτθίας ἐπὶ τῆς βασιλείας Κεόντος* τοῦ Ἰσαύρου».

2. Сюжет о рукоположении Иоанна в епископы.

2.1 Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«εἰθ' οὕτως ἐπὶ Ἰβηρίαν οἱ τῆς Γοτθίας πρὸς τὸν καθολικὸν θρόνον ἐξέπαμψαν (ἐξέπεμψαν)· κακεῖ χειροτονηθεῖς ἐπίσκοπος, τὰ δόγματα τῆς καθολικῆς Ἐκκλησίας καὶ τὴν ὀρθὴν πίστιν ἄτρωτον διεφύλαξε».

2.2. Синаксарь Константинопольской церкви:

«Ἐπεὶ δὲ εἰς μέτρον καὶ τῆς πνευματικῆς καὶ (τῆς add. D) σωματικῆς ἔφθασεν ἡλικίας καὶ ἔδει αὐτὸν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀνελθεῖν, ὑπὸ τοῦ οἰκείου λαοῦ πρὸς τὸν καθολικὸν τῆς Ἰβηρίας (Ἰμηνρίας S) ἐπέμφθη, κακεῖθεν τὴν χειροτονίαν ἐδέξατο· ἐπεκράτει γὰρ ἐν τοῖς ῥωμαϊκοῖς μέρεσι ἡ τῶν εἰκονομάχων αἵρεσις».

2.3. Минологий Василия II:

«Ἐπεὶ δὲ εἰς μέτρον καὶ τῆς πνευματικῆς καὶ σωματικῆς ἔφθασεν ἡλικίας, καὶ ἔδει αὐτὸν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀνελθεῖν, ψηφισθεῖς ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ ἐπέμφθη εἰς Ἰβηρίαν, καὶ ἐχειρωτονήθ

η ὑπὸ τοῦ ἐκεῖσε ὄντος ἀρχιερέως. διὰ τὸ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπικρατεῖν τὴν τῶν εἰκονομάχων αἵρεσιν».

3. Сюжет о поездке Иоанна в Константинополь.

3.1 Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«Μετὰ δὲ τὴν τελευτὴν Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, Εἰρήνης καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτῆς βασιλευσάντων, ἀπέστειλε τὸν αὐτόν τομον Παῦλῳ, τῷ ἀγιωτάτῳ τῷ τηρικαῦτα πατριάρχῃ· καὶ λαβὼν λόγον παρὰ Εἰρήνης τῆς Αὐγουστῆς, εἰσῆλθεν εἰς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν· καὶ παρῥησίᾳ λαλήσας πᾶσι περὶ τῆς ἀποδοχῆς τῶν ἱερῶν εἰκόνων ἐν τῇ ἀγίᾳ καθολικῇ Ἐκκλησίᾳ, αὐτῆς ὑπέστρεψε. Μέλλων δὲ τελευτᾶν Παῦλος, ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης, τὸν σκοπὸν ἔχων τοῦ ὁσίου, κατῆλθεν ἐκ τοῦ πατριαρχείου, γέγονε μοναχὸς εἰς τὴν μονὴν τῆς ἀγίας Θεοτόκου τῶν Φλόρου, καὶ καθώρκισεν τὴν Αὐγουῤῥστην ἀποποιῆσαι τὸ σφάλμα.

Ταράσιος δὲ ὁ πρωτοασηκρήτης, εὐλαβὴς ὢν καὶ ἐνάρετος, προβλήθεις μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ πατριάρχου, ὃς καὶ ὑπ' αὐτοῦ ἐμαρτυρήθη, γενέσθαι πατριάρχης, οὐκ εἵλατο (εἴλετο) δὲ βαρῆναι, ἕως ἂν ὑπέσχετο οἱ βασιλεῖς ποιῆσαι τὴν εἰρημένην σύνοδον. Καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ τῶν τεσσάρων θρόνων ἀνδρῶν εὐλαβῶν καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ προσώπου τῶν πατριαρχῶν συναθροισθέντων δὲ καὶ τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων (ἤδη χειροτονηθέντος τοῦ μακαρίου Ταρασίου) πρῶτον μὲν ἐκαθέσθησαν ἐν τοῖς ἀγίοις Ἀποστόλοις καὶ κηρυττόντων αὐτῶν τὰ δόγματα τῆς ὀρθοδοξίας, ἐπελθοῦσα ἡ τῶν Σχολαρίων πληθὺς, μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων, διέλυσαν ταύτην, ὑβρίσαντες καὶ τὴν βασιλείαν· καὶ ἐξορίζονται σὺν γυναικῶν καὶ τέκνων περὶ τὰς ἑξ χιλιάδας, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ τινες τῶν αἰρετικῶν ἐπισκόπων. Καὶ τῷ ἐπερχομένῳ χρόνῳ οἱ αὐτοὶ ἐπίσκοποι καὶ οἱ ἀποστολικοῦ θρόνου τόπον ἐπέχοντες, συνελθόντες ἐν Νικαίᾳ, ἐξέθεντο τὸ τῆς ὀρθοδοξίας ὄρον».

3.2. Синаксарь Константинопольской церкви: «Μετὰ δὲ τὴν τελευτὴν Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος, παραγένετο πρὸς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν· καὶ πολλὰ περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως πρὸς τὴν βασίλισσαν Εἰρήνην διελέχθη (διελέγχθη S), καὶ (bis.scriptum.in.D) πάλιν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν ὑπέστρεψε».

3.3. Минологий Василия II:

«Καὶ ὑποστρέψας, καὶ καλῶς τὴν ποίμνην αὐτοῦ ποιμένας, ἀπεδήμησε καὶ τῇ Κωνσταντινουπόλει μετὰ τελευτὴν τοῦ Ἰσαύρου. Καὶ δεξιῶθεις παρὰ τῆς βασιλέσσης Εἰρήνης, ὑπέστρεψε».

4. Сюжет о бегстве Иоанна в Амастриду и его кончине там.

4.1. Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«Ο δὲ ὁσιος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα μετὰ (ὑπὸ) τοῦ ἰδίου λαοῦ, τοῖς ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ, καὶ παντὶ τῷ λαῷ, πρὸς τὸ μὴ κατακυριοῦσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους... Ὁ δὲ ὁσιος παραφυλαχθεὶς ἠδυνήθη διαδράς ἀντιπερᾶσαι εἰς Ἀμαστριν, τὴν φιλόχριστον πόλιν· κακεῖ ἐπὶ τετραετῇ χρόνον περιηγόμενος, ἀκούσας τὴν τελευτὴν τοῦ χαγάνου, ἔφη· Κάγω, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετὰ τοῦ διώκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κριτοῦ καὶ Θεοῦ».

4.2 Синаксарь Константинопольской церкви: «Καὶ πολλοὺς (πολλὰς θλίψεις καὶ D) κινδύνους ὑποστὰς διὰ τὸ ἐκδοθῆναι ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ τοῖς τῶν Χαζάρων ἄρχουσιν, ἐν Ἀμάστριδι τῇ κατὰ τὸν Πόντον φυγὰς (φυγῇ D) παραγενόμενος τὸν βίον μετήλλαξε καὶ πρὸς Κύριον ἐξεδήμησεν (καὶ add.D)».

4.3. Минологий Василия II:

«Καὶ διωχθεὶς παρὰ τοῦ οἰκείου λαοῦ, καὶ φυγὼν ἐν Ἀμάστριδι, ἐτ ἐλεύτησεν».

Таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что текст Жития Иоанна Готского из Минология Василия II есть сокращение Жития готского епископа из Синаксаря Константинопольской церкви. Редактор Минология работал «в спешке» и пытался «подогнать» исходные тексты под заданный формат (Виноградов, Захарова, 2009). При этом он, вероятно, весьма смутно представлял географическое расположение далекой Готии. Неинтересной для него была и Хазария. При этом «херсонская тема», очевидно, после еще свежего тогда в памяти недавнего похода Владимира Киевского и истории замужества императорской сестры оставалась актуальной. По крайней мере, две статьи, посвященные первым Херсонским епископам, выполнены логически безупречно и относительно подробно [Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников, 2012, с. 40 – 42]. В результате, Житие Иоанна Готского получилось кратким, с выборочным набором персонажей (вероятно, редактору показалось достаточным для понимания читателями повествовательной линии упоминание только пророка Иеремии и Льва Исавра), неадекватно отражающим перипетии судьбы готского епископа.

В целом следует отметить: рассматриваемый текст является

одним из наиболее ранних из дошедших до нас рассказов об Иоанне Готском. Если верен наш вывод о том, что он является сокращением из Синаксаря Константинопольской церкви (а тот, в свою очередь, есть сокращение Пространной редакции), то источником самостоятельной достоверной информации он все же не является.

Литература

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2006. Вып. XII / 2.

Артамонов М. И. История хазар. Спб., 2001.

Афиногенов Д.Е. АСТА SANCTORUM // Православная энциклопедия. – М., 2009. Т.1. <http://www.pravenc.ru/text/63952.html> (5 июня 2013 г.).

Бабенчиков В. П. Из истории Крымской Готии // Известия института Истории материальной культуры. М.-Л., 1935. Вып. 117.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. К., 1974.

Браун Ф. А. О крымских готах. Спб, 1890.

Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II.

Васильев А. А. Готы в Крыму // Известия государственной академии Истории материальной культуры. М.-Л., 1927. Вып. 5.

Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. 2; Переиздано: Труды. Спб., 1912. Т. 2. Вып.2

Виноградов А.Ю. Иоанн // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. <http://www.pravenc.ru/text/468987.html> (20 мая 2013г.).

Виноградов А.Ю., Захарова А.В. Василия II Минологий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 7. (<http://www.pravenc.ru/text/149805.html>).

Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. К.- Судак, 2005. Вып. II.

Герцен А.Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Герцен А.Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.

Герцен А.Г., Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. IX.

Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Спб., 1837.

Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. № 2.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. К., 1914; Переиздано: К., 2002.

Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII - IX вв. (продолжение) // Византийский Временник. Спб., 1913. Т. XVIII. Вып. 1 – 4 (1911).

Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. Магнитогорск, 2003. Вып. XIII.

Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Могаричев Ю. М., Шапошников А. К. К вопросу о времени создания «Жития Иоанна Готского» // Sacrum et profanum. Севастополь, 2005. Т. 1.

Могаричев Ю. М., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника // Проблемы истории, филологии,

культуры. Вып. XVI/2. М.- Магнитогорск, 2006.

Науменко В.Е. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. - Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2004.

Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. // *Sacrum et profanum*. Севастополь, 2005. Вып. 1.

Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // Записки Одесского общества Истории древностей. 1885. Т. 13.

Сергий Архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Святой восток. М., 1876. Т. 2.

Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино - хазарских отношений в Таврике // *Хазарский альманах*. К.-Харьков-М., 2004а.

Сорочан С. Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII-IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.- Магнитогорск, 2004б. № 1.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.1; 2.

Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998.

Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // *Византийский Временник*. 2000. Т. 59.

Франко І. Святий Климент у Корсуні // Франко І. Зібрання творів у п'ятидесяти томах. К., 1981. Т. 34.

Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatuum* // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2010. Вып.XVI.

Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI – X веках. Памятники Христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 63.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964.

Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.

Acta sanctorum. T. V. Sub die 26. Veneziana, 1744.

Acta sanctorum. Iunii, VII, 3.ed. Parisiis 1867.

Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. VIII.

Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.

Bibliotheca Hagiographica Graeca, troisième édition mise a jour et considérablement augmentée par François Halkin Bollandiste. T. I. Bruxelles, 1957 (Subsidia Hagiographica, n. 8a).

Bibliotheca Sanctorum. Tome VI. Roma. Lateranense, 1965.

Delehaye H. Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. Brussel, 1902.

Ehrhard H. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Leipzig, 1937. T. I.

Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford // Analectae Bollandiana. Bruxelles, 1948. T.66.

Halkin F. Inventaire. Cod. Paris. Goislin 309, fol. 330rv // Manuscrits grecs de Paris: Inventaire hagiographique. Bruxelles, 1968 (Subsidia hagiographica, 44).

Huxley G. On the Vita of John Gotthia // Greek, Roman and Byzantine studies. Durham, 1978. V. 19. № 2.

Kitchin G.W. Catalogus codicum mss. qui in bibliotheca Aedis Christi apud Oxonienses adservantur. 1867.

Lefort M. Album palaeographicum codicum graecorum. Louvain, 1932.

Migne J. P. Menologii pars III Martius VIII // Patrologiae cursus completus Series Graeca. Parisiis, 1894. Vol. 67.

Papebrochio D. De sancto Joanne, Episcopo Gotthiae. Vita e codice Vaticano nunc primum Latine versa // Acta Sanctorum. Iunii. T. V. Antverpiae MDCCIX (1709).

Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham. 1975.

Ševčenko N. P. Menologion of Basil II // The Oxford dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. V. 2.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge-Massachusetts, 1936.

Yu. M. Mogarichev, A.K. Shaposhnikov
Vita of John of Gothia from the Menologion of Basil II.

Vita of John of Gothia is one of the key source for studying history of Crimean peninsula in "Khazar Period". Synaxarium abridge of his Life that is situated in Menologion of Basil II remained mainly unheeded by scholars. In this article being analyzed this source. The authors concluded that this text is one of the earliest narratives about John of Gothia. It also is abridge from Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Because of that fact, it can't be independent source of trustworthy information.

В.Е. Науменко

К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАВРИКИ X В.: РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 935–941 ГГ. И ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ПОХОД ПЕСАХА»

В сохранившихся письменных источниках, как прямой объект конфликта геополитических интересов Византийской империи и формирующегося Древнерусского государства на юге Восточной Европы, территория Таврики впервые упоминается только при описании «Корсунской страны» в известной летописной статье, содержащей русско-византийский договор 944 г. В тексте договора подчеркивается принадлежность в это время полуострова Византии и запрет русским вести здесь военные действия [Повесть временных лет, 1950, с. 37, 234].¹

Определить статус и территорию «Корсунской страны» в целом несложно. Очевидно, что в данном случае топоним является своеобразной древнерусской калькой официального названия византийской провинции в Таврике – фемы Херсон, которая фиксируется, к примеру, в тактиконах Филофея (около 899 г.) и В.Н. Бенешевича (между 934 и 944 гг.) [Oikonomides, 1972, p. 138–139, 246–247]. Географически «Корсунская страна» совпадает или, по крайней мере, близка «области Климатов» Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1991, с. 36–37, 52–53, 156–157, 174–175], под которой, как мы попытались в свое время показать, подразумевались горные и прибрежные районы полуострова, расположенные между Херсоном и Боспором,

1. Статья является расширенным вариантом доклада, представленного в программе V Международного Византийского семинара (г. Севастополь, 27–31 мая 2013 г.) [Науменко, 2013а, с. 44–46]. Проблемы изучения основных этапов военно-политической истории взаимоотношений Византийской империи и Древней Руси в период 941–1016 гг., включая интересующий нас эпизод, рассмотрены также в специальной работе [Науменко, 2013б, с. 169–206].

включая эти важнейшие военно-стратегические крепости империи [Науменко, 1998, с. 696–698].² Труднее объяснить обстоятельства, из-за которых впервые за более чем столетний предшествующий период русско-византийских контактов Таврика стала объектом явной либо потенциальной, но, в любом случае, реальной угрозы со стороны Древней Руси, что потребовало включения этой статьи в межгосударственное соглашение.

Действительно, круг имеющихся в нашем распоряжении письменных источников, с момента первых рекогносцировочных акций «росов» – посольства в Константинополь, записанного под 839 г. в официальных Бертинских анналах Франкской империи [ДРСЗИ, Т.IV, 2010, с. 19–20], и, вероятно, близкого ему по времени набега на южное побережье Черного моря в Житии Георгия Амастридского [ДРСЗИ, Т.II, 2010, с. 129–130],³ и вплоть до договора 944 г. не дает оснований предполагать наличие жизненно важных интересов Руси в этот период в Таврике. Установление прямых политических отношений с Константинополем, в том числе в результате резонансного военного похода 860 г., первый опыт приобщения к ценностям христианской культуры около 867 г.,⁴ налаживание регулярных торговых связей по маршруту от среднего течения Днепра к его низовьям и далее вдоль северо-западного побережья Черного моря к столице империи⁵ – вот достаточно

2. Иной точки зрения в отношении географических пределов области Климатов придерживаются К. Цукерман и М.А. Никифоров. Первый полагает, что под ними следует понимать территорию Крымской Готии, то есть только горной части Крымского полуострова [Цукерман, 1997, с. 317–319], второй дополнительно включает в Климаты Херсон с ближайшей округой [Никифоров, 2011, с. 582].

3. О дате Жития, между 815 и 843 гг., ближе к последнему году, см.: Ševčenko, 1975, p. 121–122.

4. Современный обзор источников, посвященных походу 860 г. и отмеченному патриархом Фотием в его «Окружном послании к восточным архиереям» 867 г. первому крещению Руси, представлен в работе П.В. Кузенкова [Кузенков, 2003, с. 3–172].

5. Основные этапы плавания узнаваемы в трактате Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1991, с. 45–51, 170–173]. Из источников IX в. о существовании регулярной торговли «росов» в Константинополе, где они платили специальную пошлину («десятину»), сообщают только Ибн Хордадбех и ал-Факих, информация которых датируется не позднее 80-х гг. этого столетия [ДРСЗИ, Т.III, 2009, с. 30, 35]. Тот же ал-Факих, пожалуй, единственный среди авторов IX в., дает косвенное указание на известность «росам», по крайней мере, части морского пути вдоль южного побережья Крыма в направлении Самкуша (Самкерца, Таматархи) и далее по Дону во внутренние области Хазарского каганата. Этот маршрут из Константинополя к Синопе, транзитом через Черное море к берегам Таврики и далее к Керченскому проливу, Азовскому морю и Дону, фиксируется также в византийских источниках (Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана) при описании миссии Петроны

полный перечень характерных направлений южноевропейской политики первых древнерусских правителей в IX в.⁶

В начале X в., после похода «росов» в 907 г. на Константинополь, эти отношения были легитимизированы. Русско-византийский договор 911 г. содержит не только статьи относительно регулирования торговли Руси в Византии, обмена пленными, из области так называемого «берегового права», но и важную новацию – условия поступления и пребывания русских наемников на византийской военной службе [Повесть временных лет, 1950, с. 25–29, 222–226].⁷ Согласно этому соглашению, уже летом 911 г. отряд русов численностью 700 человек в составе императорского флота принял участие в военной экспедиции на Крит, информация о которой сохранилась в трактате Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» [Haldon, 2000, p. 202–205]. Этот же источник свидетельствует о 415 русских воинах в составе экспедиционного корпуса во время кампании 935 г. в Южной Италии (Лангобардии) [Haldon, 2000, p. 212–213].⁸

Приведенные свидетельства отмечают для периода 911–935 гг. стабильный и, самое важное, мирный характер русско-византийских взаимоотношений, в которых Таврика никоим образом не является предметом взаимных притязаний. Она, безусловно, принадлежит сфере византийского влияния.

Вероятно, именно этот период времени нашел отражение у Константина VII Багрянородного при описании северных соседей империи и в целом геополитической ситуации на юге Восточной Европы в трактате «Об управлении империей». Из его обзора ясно, что территориально образующим фактором для Древнерусского государства выступает днепровская водная магистраль, по которой

Каматира, предшествующей образованию фемы на полуострове в 841 г. [Константин Багрянородный, 1991, с. 170–173; Продолжатель Феофана, 1992, с. 56–57]. Его подробный анализ см.: Цукерман, 1997, с. 314–315.

6. Среди множества критических обзоров источников по истории русско-византийских отношений в IX в., вышедших в последнее время, см., на наш взгляд, наиболее информативные исследования К. Цукермана, А.В. Назаренко и П.В. Кузенкова [Цукерман, 2003а, с. 76–82; Назаренко, 2012, с. 13–35; Кузенков, 2012, с. 52–83].

7. Из недавних работ, в которых русско-византийские договоры X в., в том числе 911 г., подвергнуты разностороннему анализу, отметим: Каштанов, 1996, с. 4–57; Малингуди, 1995, с. 68–91; Малингуди, 1996, с. 61–67; Малингуди, 1997, с. 58–87; Литаврин, 2000, с. 61–153; Бибилов, 2005, с. 5–15; Мельникова, 2012, с. 143–183.

8. Среди множества других иностранных наемников отметим присутствие в составе византийской армии отряда хазар (47 человек).

проходил начальный отрезок уже регулярно функционирующего в первой половине X в. так называемого «пути из варяг в греки». Степные просторы Северного Причерноморья и Крыма занимали кочевья печенегов, непосредственных соседей населения византийской Таврики [Константин Багрянородный, 1991, с. 44–51]. Различного рода контакты между жителями полуострова, выходцами, главным образом, из Херсона, и «росами» были обычными для этого времени, однако они происходили либо на территории «Росии» [Константин Багрянородный, 1991, с. 48–49], либо в низовьях Днепра, как это отмечает, вслед за Константином Багрянородным, древнерусский летописец, где херсониты занимались соледобычей и рыболовством, а их северные соседи переоснащали на временных стоянках свои корабли для морского этапа пути в Византию [Константин Багрянородный, 1991, с. 174–175; Повесть временных лет, 1950, с. 37, 234].⁹

Таким образом, возвращаясь к интересующей нас статье договора 944 г. в «Повести временных лет», следует заключить, что обстоятельства ее появления, очевидно, следует искать в каких-то военно-политических событиях, происходивших в Северном Причерноморье в промежутке между 935 г., когда русские наемники еще находились на византийской службе, и 944 г.

Сразу хотим заметить, что они не связаны напрямую с предшествующим договору 944 г. походом на Константинополь князя Игоря в 941 г., о котором известно не только составителям древнерусской летописи [Повесть временных лет, 1950, с. 33, 229–230], но и ряду византийских (наибольший интерес представляют сведения Продолжателя Феофана и Жития Василия Нового) и западноевропейских (Лиутпранд Кремонский) авторов [Продолжатель Феофана, 1992, с. 175–176; Веселовский, 1889, с. 65–67, 90–97; Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 96–97]. Театр боевых действий, как и во время более ранних походов 860 и 907 гг., был

9. Безусловно, Константин Багрянородный дает обобщенную картину русско-византийских отношений для своего времени, в которой нельзя исключать возможности локальных конфликтов и кратковременных осложнений отношений между союзниками. Тем не менее, важно отметить, что еще один византийский автор, патриарх Николай I Мистик, достаточно хорошо знавший политическую расстановку сил на юге Восточной Европы, по крайней мере, в первой четверти X в., в одном из своих писем болгарскому «царю» Симеону (около 917 г.) среди потенциальных северных противников империи называет только болгар и печенегов [Nicholas I Patriarch, 1973, p. 58–59 (Let.9)].

ограничен округой столицы империи и прилегающими приморскими областями, но отнюдь не Таврикой. Упоминание последней для этих событий ограничено информацией стратига херсонской фемы о направляющейся к Константинополю флотилии Игоря [Повесть временных лет, 1950, с. 230–231; Веселовский, 1889, с. 96]. Сбор разведывательной информации, ее анализ и своевременное оповещение о возможных угрозах для Византии в Северном Причерноморье, как известно, являлось одной из важнейших задач, стоявших перед наместником фемы на полуострове.¹⁰ В свое время Г.Г. Литаврин, привлекая к анализу событий 941 г. современные им эпистолографические свидетельства (письма Константина VII Багрянородного митрополиту Феодору Кизикскому и никейского митрополита Александра главе церкви Никомидии Игнатию), пришел к заключению о том, что последствия поражения росов под Константинополем были менее тяжелыми, а масштабы нашествия Игоря более значительными, чем это обычно представляют историки [Литаврин, 1999, с. 138–144; Литаврин, 2000, с. 69–78, 365–367]. Однако, из этого совершенно не следует, что одной из целей князя Игоря была Таврика.

Пожалуй, в нашем распоряжении есть только один источник, который содержит возможную версию предыстории русско-византийского конфликта, имевшего место, как теперь ясно, во временном интервале 935–941 гг. Речь идет об анонимной записке, составленной около 949 г., вероятно, евреем хазарского происхождения и адресованной вельможе при дворе кордовского халифа Хасдаю Ибн Шапруту (так называемый «Кембриджский Аноним» или «текст Шехтера») [Коковцов, 1932, с. XXX–XXXVI, 113–123; Golb, Pritsak, 1982, p. 106–121; Голб, Прицак, 1997, с. 138–142].¹¹

Несмотря на ряд дискуссионных моментов (относительно хронологии событий, возможности отождествления «царя росов» Хельгу (Хельго, HLGW) с древнерусским князем Олегом (Игорем), представителями княжеского рода либо кем-то из их ближайшего

10. О регулярных донесениях херсонского стратига (Иоанна Воги) в Константинополь о военно-политической ситуации в регионе сообщает, к примеру, Николай Мистик [Nicholas I Patriarch, 1973, p. 58–59 (Let.9)].

11. В современной историографии «Кембриджский Аноним» (в переводе П.К. Коковцова) неоднократно переиздавался в сопровождении полезных комментариев (С.Б. Сорочан, В.Я. Петрухин) [Сорочан, 2005, с. 1535–1552; ДРСЗИ, т. III, 2009, с. 177–184].

окружения), документ постоянно привлекает к себе внимание, правда, в основном в контексте русско-хазарских отношений середины X в. либо похода «булшци» Песаха в Таврику [Мошин, 1929, с. 324–327; Mošin, 1931, р. 309–325; Dunlop, 1954, 156–169; Половой, 1961, с. 96–101; Артамонов, 1962, с. 373–379; Новосельцев, 1990, с. 216–217; Баранов, 1990, с. 152; Айбабин, 1999, с. 224; Литаврин, 2000, с. 69–71; Франклин, Шепард, 2000, с. 172–175; Петрухин, 2000, с. 222–229; Горский, 2004, с. 70–74; Майко, 2005, с. 96–104; Семенов 2005, с. 326–335; Сорочан, 2005, с. 1187–1192; Тортика, 2006, с. 189–200].

При этом нужно сказать, что наряду с исследованиями, рассматривающими Кембриджский Аноним в качестве подлинного исторического источника, в историографии присутствует точка зрения о сомнительном и компилятивном характере этого документа, не позволяющем его использовать для реконструкции событий истории Крыма и Таманского полуострова середины – второй половины X в. [Коковцов, 1932, с. XXX–XXXVI; Князький, 2002, с. 51–53; Чхаидзе, 2008, с. 278–280; Кизилов, 2011, с. 81–83; Сазанов, Могаричев, 2012, с. 141–147]. Этот скепсис, на наш взгляд, излишен и к тому же слабо обоснован. На аутентичность и историческую состоятельность Кембриджского документа указывают не только дата его создания (около 949 г.), максимально близкая к упоминаемым событиям, но и сходство описания в нем русских походов против Византии и на Каспий с походами «росов» на Константинополь 941 г. и Бердаа 944–945 гг., которое видно при сравнении текста Анонима с иными греческими, латинскими и восточными сочинениями.

В последнее время среди исследователей все чаще присутствуют попытки найти подтверждения сведениям Кембриджского документа в археологических источниках. Наиболее последователен в этом смысле В.В. Майко, который «поход Песаха» рассматривает как рубежное событие для «хазарского периода» в истории Крымского полуострова и последнюю попытку каганата вмешаться в ситуацию в регионе. Ему же принадлежит гипотеза о существовании в восточных областях Таврики на протяжении середины X – начала XI вв. так называемой «Крымской Хазарии», «реликта» Хазарского государства, своеобразного политического образования, номинально подчинявшегося до 965 г. хазарскому наместнику, а в период 965–1016 гг. находившегося уже в зависимости от Византии.

Окончательное утверждение господства империи на территории полуострова происходит, по его мнению, только после подавления восстания Георгия Цулы в Хазарии в 1016 г. [Майко, 1999, с. 40–45; Майко, 2005, с. 96–104; Майко, 2010, с. 39–44]. Данная гипотеза носит, на наш взгляд, несколько искусственный характер, особенно при попытках ее автора обосновать исторические конструкции данными археологии. Тем не менее, с определенными оговорками, с походом Песаха соотносят верхнюю дату существования в Крыму сельских поселений салтово-маяцкой археологической культуры, связанной с населением Хазарского каганата, и ряд других современных исследователей [Айбабин, 1999, с. 222, 227; Науменко, 2001, с. 354; Пономарев, 2003, с. 273; Зинько, Пономарев, 2005, с. 417].¹²

Перейдем непосредственно к интересующему нас отрывку Кембриджского Анонима. Благодаря его недавнему переизданию, выполненному Н. Голбом [Голб, Прицак, 1997, с. 138–142], и текстологическому анализу, содержащемуся в работах К. Цукермана [Zuckerman, 1995, р. 237–270; Цукерман, 1996, с. 68–77; Цукерман, 2003б, с. 53–84], есть возможность довольно уверенно представить последовательность происходивших событий, акцентируя внимание на русско-византийской стороне данного конфликта.

Отправным моментом в военно-политическом кризисе 30-х гг. X в. на юге Восточной Европы, в который были вовлечены Русь, Хазария и Византия, по мнению К. Цукермана, является поражение алан в войне с хазарами на Северном Кавказе, за которым последовали установление между недавними противниками союза, скрепленного династическим браком, провал христианской миссии и изгнание византийского духовенства из Алании. Описание алано-хазарского конфликта в «Кембриджском Анониме» дополняют сведения ал-Масуди (около 956 г.) с точной датой событий – около 931–932 гг. [Цукерман, 2003б, с. 70].¹³

Неудача подтолкнула Романа I Лакапина (920–944) вернуться к традиционной политике насильственного крещения иудеев в

12. Еще одна искусственная гипотеза представлена в недавней работе Ю.М. Могаричева, который попытался отождествить поход Песаха с нападениями русского князя Бравлина на Сурож (Судак) в славянской редакции Жития Стефана Сурожского либо некоего «Пролиса, из злого и неверного народа», на Керчь в армянской редакции этого же агиографического источника [Могаричев, 2007, с. 181–189].

13. Об активной миссионерской политике Византии в Алании в первой трети X в., особенно в патриаршество Николая I Мистика см.: Иванов, 2003, с. 178–190.

империи, на что сразу последовала ответная реакция хазарского «царя» Иосифа, выразившаяся в преследовании христиан на территории каганата. Указание на хронологию начального этапа византийско-хазарского конфликта содержится в письме венецианского дожа Петра II к германскому королю Генриху I (919–936), озвученном на Эрфуртском соборе летом 932 г., в котором приветствуется недавний указ Романа I о крещении евреев [Цукерман, 2003б, с. 70–71].

Византии удалось спровоцировать «царя» росов Хельгу на взятие хазарского города С-м-к-рай (Самкерц, Таматарха), что стало причиной ответного похода «булшци» Песаха на города и деревни византийской Таврики (дословно «города Романа», то есть императора Романа I Лакапина), в том числе Херсон [Голб, Прицак, 1997, с. 141].¹⁴ Если следовать дополнениям К. Цукермана к переводу интересующего нас отрывка, то осада последнего завершилась выдачей херсонитами Песаху денежной контрибуции, всех пленных жителей Самкерца и укрывшихся в крепости русов [Цукерман, 2003б, с. 72]. Наконец, анонимный автор свидетельствует о дальнейшей многомесячной успешной войне Хазарского каганата против Руси, заключении союза между ними, за которым последовал поход «росов» на Константинополь [Голб, Прицак, 1997, с. 142].

Комментируя данные Кембриджского Анонима, отметим вначале ту информацию источника, интерпретация которой не вызывает особых трудностей. Прежде всего, в контексте разрыва византийско-хазарских отношений обращение Романа I Лакапина к правителю «росов» с просьбой организовать набег на пограничный укрепленный пункт Хазарии выглядит вполне логичным, учитывая давние знания русскими торговцами и воинами этой местности,¹⁵ еще действующий союз между империей и Русью и постоянное присутствие «северных» наемников на византийской службе. В этом случае нет ничего невероятного в том, чтобы предполагать даже

14. О титуле «булшци», который, вероятно, был тождественен «начальнику, военному вождю» Самкерца (в переводе Н. Голба), возглавлявшему военную и гражданскую администрацию Хазарского каганата в Приазовье с центром в Таматархе, см.: Науменко, 2001, с. 347–348.

15. Как отмечалось, о торговом маршруте русских купцов в конце IX в., одним из этапов которого являлся Самкуш (Самкерц, Таматарха), известно уже ал-Факиху [ДРСЗИ, Т.III, 2009, с. 35]. Скорее всего, таким же путем около 912 г. двигались русы, совершившие согласованное с хазарами нападение на прибрежные каспийские области, на что указывает контекст рассказа ал-Масуди [ДРСЗИ, Т.III, 2009, с. 114–116]. Подробный анализ данного похода см.: Новосельцев, 1990, с. 212–215.

использование Византией такого наемного контингента в походе на Самкерц, конечно, после согласования своих действий с Киевом. Данная версия, как нам кажется, лучше всего объясняет, почему по крайней мере часть нападавших нашла укрытие в Херсоне, столице византийских владений на полуострове, а не ушла после похода на север, в Поднепровье, что было бы понятно в случае формирования экспедиции на древнерусской территории.¹⁶

Также не вызывает сомнений отождествление нападения Руси на Константинополь с походом князя Игоря 941 г. Иначе трудно объяснить совпадение важных деталей у анонимного хазарского автора при описании этого события с другими имеющимися в нашем распоряжении источниками, к примеру, длительности похода (около четырех месяцев) и решающего фактора «греческого огня» в поражении нападавших в ходе морских сражений.

В то же время ряд сведений источника остаются в историографии без окончательного решения. Прежде всего, по-прежнему не ясно, как соотносятся между собой «царь росов» Хельгу Кембриджского документа и князь Игорь древнерусской летописи, Льва Диакона и Лиутпранда Кремонского, возглавлявшие поход 941 г. на Константинополь [Лев Диакон, 1988, с. 57; Повесть временных лет, 1950, с. 33, 229–230; Голб, Прицак, 1997, с. 142; Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 97]. В случае признания в «Хельгу» скандинавской формы имени Олег, что филологически оправдано, возникают сложности установления хронологии правления первых летописных русских князей – Олега и Игоря. К. Цукерман, стараясь близко следовать тексту нашего источника, попытался найти выход из этого затруднения, признав диархию правления Олега и Игоря на момент похода 941 г., за которой следует новая датировка времени их княжения – около 911–941 гг. для Олега и 941–945 для единоличного пребывания на престоле Игоря [Цукерман, 2003б, с. 74–84]. Одновременно он полагает, что после поражения под Константинополем Олег со своей личной дружиной не возвратился в Киев, а отправился в поход на Бердаа (около 944–945 гг.), завершившийся его гибелью под стенами крепости, о чем сохранились смутные свидетельства в Кембриджском

16. Нужно иметь в виду, что это вообще хронологически первый случай упоминания в нарративных источниках пребывания в Херсоне древних росов.

документе и более определенные у Ибн Мискавайха (ум. 1034 г.) [Голб, Прицак, 1997, с. 142; ДРСЗИ, Т.III, 2009, с. 101–105]. В историографии концепция французского исследователя вызывает осторожную критику, за исключением, пожалуй, работ В.Я. Петрухина [Петрухин, 2000, с. 222–229; Петрухин, 2013, с. 139–144], однако, следует признать, что все иные попытки объяснить данную источниковедческую коллизию выглядят пока еще более гипотетичными [см. их обзор: Половой, 1961, с. 96–104; Новосельцев, 1990, с. 216–217; Горский, 2004, с. 71–72; Майко, 2004б, с. 35–36].

Еще одним нерешенным вопросом остается точная хронология похода Песаха в Таврику, которая варьируется в историографии от 932 до 943 гг. [обзор см.: Майко, 2004, с. 37–38]. Мы полагаем, что с учетом значительной динамики событий в начальный период византийско-хазарского кризиса, а также союзнического характера в это время отношений Руси и Византии, походы Хельгу и Песаха должны быть не сильно отдалены от 935 г. (возможно, 936–937 гг.), когда контингент русских наемников, согласно условиям договора 911 г., еще находился на службе империи.

Наконец, совершенно неясным в Кембриджском документе является география и хронология войны между Хельгу и Песахом, разразившейся после похода последнего в Таврику [Голб, Прицак, 1997, с. 142]. Как нам представляется, масштаб этого события сильно преувеличен автором хазарской записки, если вообще оно имело место в конце 30-х гг. X в. Трудно себе представить наличие у одного из территориальных хазарских наместников достаточных ресурсов для ведения продолжительной военной кампании против правителя отдельного государства. Скорее всего, этот сюжет оказался необходимым анонимному составителю Кембриджского документа для объяснения причин разрыва отношений между Русью и Византией и похода Хельгу (Олега/ Игоря) на столицу империи в 941 г., в которых, как он пытался показать, Хазарский каганат сыграл первостепенную роль.

Русско-византийский кризис 935–941 гг. был исчерпан подписанием нового мирного договора в 944 г. На протяжении следующей четверти века (до конца 60-х гг. X в.) источники фиксируют в целом союзнический характер взаимоотношений Древней Руси и Византийского государства. Новый период их охлаждения был во многом спровоцирован «восточным походом» князя Святослава 965 г., максимально приблизившим Русь с востока к владениям

империи в Таврике, и его балканскими военными кампаниями 969–971 гг., ставшими проявлением территориальной экспансии в южной направлении. Общий прогерманский вектор внешней политики Древнерусского государства в период княжения Ярополка (972–978) и первое десятилетие правления Владимира (978–1015), носившие, безусловно, антивизантийский характер, завершились открытым военным конфликтом с империей на территории Таврики около 986–987 гг. и последующим официальным крещением Древней Руси в Киеве.¹⁷

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990

Бибиков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками в X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №1 (19). М., 2005.

Веселовский А.Н. Хождение Феодоры по мытарствам и несколько эпизодов из Жития Василия Нового // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5. Приложения. СПб., 1889.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иерусалим, 1997.

Горский А.А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004

ДРСЗИ. Т.II. Византийские источники. М., 2010

ДРСЗИ. Т.III. Восточные источники. М., 2009

ДРСЗИ. Т.IV. Западноевропейские источники. М., 2010

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005.

Иванов С.А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

Кизилов М. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней.

17. Более подробно об этом см.: Науменко, 2013б, с. 183–190.

Симферополь, 2011

Князький И.О. Русско-византийская война 941–944 гг. и Хазария // Хазары. II Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВБ. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003.

Кузенков П.В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. Вып. 1. Начало русской государственности. М., 2012.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Литаврин Г.Г. Малоизвестные свидетельства о походе князя Игоря на Византию в 941 году // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000.

Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.

Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. 1999. №2

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.

Майко В.В. Проблемы Салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним // Хазарский альманах. Т.4. Киев–Харьков, 2005.

Майко В.В. Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. 2010. Т. IX.

Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский Временник. 1995. Т. 56

Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров X в. // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее Новое время. М., 1996.

Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский Временник. 1997. Т. 57.

Мельникова Е.А. Заложники и клятвы. Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012.

Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана

Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-РАЯ?) // Хазарский Альманах. Т. 6. Киев–Харьков, 2007.

Мошин В. Рец. на кн.: Ю.Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин, 1924 г. // *Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. III. Прага, 1929.

Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. –Вологда, 2012.

Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения фемы в Таврике // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. 2001. Вып. 2

Науменко В.Е. К вопросу о так называемом «походе Песаха» в истории византийско-хазарских отношений // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений V Международного Византийского семинара. Севастополь, 2013а.

Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ «империя» и «полис». Сборник научных трудов. Севастополь, 2013б.

Никифоров М.А. Таврические Климаты византийских источников // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // ДГВЕ. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.

Петрухин В.Я. Русь в IX-X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

Повесть Временных лет. Ч.I. Текст и перевод. М.–Л., 1950.

Половой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // Византийский Временник. 1961. Т. XVIII.

Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь–Керчь, 2003.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом

походе Песаха в Крым: археологический аспект // Археологический альманах. № 28. Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященных 1800-летию города Судака. Донецк, 2012.

Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, «царя Руси» // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары. Иерусалим–Москва, 2005.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005.

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000.

Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее Новое время. М., 1996.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсон // БИАС. 1997. Вып. 1.

Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Археологія. 2003а. № 1.

Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // Ruthenica. 2003б. Вып. II.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton – New Jersey, 1954.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca–London, 1982.

Haldon J.F. Theory and practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // Travaux et Mémoires. T. 13. Paris, 2000.

Mošin V. Les Khazares et les Byzantines. D'après L'Anonyme de Cambridge // Byzantion. 1931. T.VI

Nicholas I Patriarch of Constantinople: Letters. Washington, 1973.

Oikonomides N. Les Listes des préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.

Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham, 1975.

Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Études byzantines. T. 53. Paris, 1995.

Сокращения

БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник, Симферополь

ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы

ДРСЗИ – Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь

В. Є. Науменко

ДО ВІЙСЬКОВО-ПОЛІТИЧНОЇ ІСТОРІЇ ТАВРИКИ X ст.: РУСЬКО-ВІЗАНТІЙСЬКИЙ КОНФЛІКТ 935–941 рр. І ТАК ЗВАНІЙ «ПОХІД ПЕСАХА»

Резюме

У статті розглядаються події військово-політичного конфлікту між Візантією і давньоруською державою на півдні Східної Європи, що відбувався в період 935–941 рр. Давньоруський літопис зберіг опис походу князя Ігоря на Константинополь в 941 р. та мирний договір 944 р., що підвів підсумки військово-політичної кризи. Основним же джерелом для реконструкції попереднього ходу подій є Кембріджський документ, анонімна хозарська записка, складена близько 949 р. З неї витікає, що російсько-візантійській війні передуює напад руських найманців на чолі з HLGW на володіння хозар на Таманському півострові та похід у відповідь хозарського полководця Песаха на візантійські області в Криму. Ці події датуються близько 936–937 рр.

В. Е. Науменко
**К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАВРИКИ X В.:
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 935–941 ГГ.
И ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ПОХОД ПЕСАХА»**

Резюме

В статье рассматриваются события военно-политического конфликта между Византией и Древнерусским государством на юге Восточной Европы, происходившего в период 935-941 гг. Древнерусская летопись сохранила описание похода князя Игоря на Константинополь в 941 г. и мирный договор 944 г., который подвел итоги военно-политического кризиса. Основным же источником для реконструкции предшествующего хода событий является Кембриджский документ, анонимная хазарская записка, составленная около 949 г. Из нее следует, что русско-византийской войне предшествует нападение русских наемников во главе с HLGW на владения хазар на Таманском полуострове и ответный поход хазарского полководца Песаха на византийские области в Крыму. Эти события датируются около 936-937 гг.

V. Ye. Naumenko
**TO THE MILITARY-POLITICAL HISTORY OF THAVRIC IN X
CETNTURY: RUSSIAN-BYZANTINE CONFLICT IN 935-941
AND THE SO-CALLED «HIKE OF PESAKH»**

SUMMARY

The article considers the event of military-political conflict between the Byzantine Empire and Old Russian state in the south part of Eastern Europe, which was in 935-941. Old Russian annals saved a description of the campaign of Prince Igor on Constantinople in 941, and the peace treaty 944, which summarized the results of political and military crisis. The main source for the reconstruction of the preceding events is the Cambridge document, anonymous khazar note, compiled about 949. From it follows the Russian-Byzantine war preceded the attack of Russian mercenaries headed by HLGW on the possession of the

Khazar on the Taman peninsula and the return expedition of the Khazar headed Pesah on the Byzantine areas in the Crimea. These events took place about 936-937 years.

Л.Ю. Пономарев

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (КРАТКИЙ ОБЗОР ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

В 1958 г. А. Л. Якобсон опубликовал статью, в которой впервые попытался суммировать результаты археологического изучения раннесредневековых памятников Восточного Крыма и Таманского полуострова. В ней же он справедливо обратил внимание на отсутствие интереса к ним со стороны исследователей и, в первую очередь, к салтово-маяцким поселениям Керченского полуострова [Якобсон, 1958а, с. 477]. Действительно, немногие нанесенные на археологическую карту и упоминающиеся в научных публикациях тех лет салтово-маяцкие памятники Керченского полуострова – поселения Тиритака, Мирмекий, Илурат, Алексеевка, были открыты случайно, в процессе разведок и раскопок античных городищ и некрополей, на территории которых они располагались¹. Вследствие этого исследовались они «в очень ограниченном масштабе и не систематично», а общие представления о них длительное время базировались на выборочной информации, полученной археологами-античниками [Якобсон, 1964, с. 36; Гадло, 2004, с. 72; Пономарев, 2008, с. 250–255]. В послевоенные годы попытку исправить это положение предприняли сотрудники Керченского историко-археологического музея. В 1949 г. дирекция музея обратилась к руководству историко-археологического сектора Крымской научно-исследовательской базы АН УССР с предложением проведения совместных археологических разведок побережья Азовского моря, основная цель которых предусматривала выявление остатков поселений «раннеславянского времени»². Одновременно, она выступила с предложением включения в состав работавших на

1 В полной мере представления тех лет относительно топографии салтово-маяцких поселений Керченского полуострова отражают схематические карты, опубликованные А. Л. Якобсоном в 1958 и 1964 гг. [Якобсон, 1958б, с. 544; Якобсон, 1964, с. 151].

2. Поставленная руководством музея задача, а также использованная в документе терминология не отвечали археологическим реалиям, но вполне соответствовали идеологическим установкам и официальной исторической доктрине тех лет [см.: Браичевский, 2002, с. 175–184].

Керченском полуострове экспедиций ГМИИ и ИИМК специалистов в области славянской археологии и палеолита [Баукова, 2008, с. 191]. Однако положительного отклика эта идея среди археологов-античников не получила и комплексных экспедиций так и не было создано.

В пятидесятые годы к исследованиям на полуострове приступил Восточно-Крымский отряд ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой. В рамках поставленных задач основное внимание исследовательница планировала уделить античным памятникам, но благодаря активному участию в работах отряда общественного инспектора по охране памятников культуры В. В. Веселова разведки приняли комплексный характер. С 1949 по 1964 гг. в числе прочих открытых им памятников на археологическую карту Керченского полуострова было нанесено около 170 салтово-маяцких поселений, а с учетом античных памятников, на территории которых были обнаружены немногочисленные фрагменты керамики VIII – первой половины X вв., таких пунктов стало насчитываться свыше 250. К сожалению, результаты его исследований вовремя практически не публиковались и поэтому остались неизвестными широкому кругу исследователей. И, только, совсем недавно Институтом археологии РАН были частично изданы полевые дневники В. В. Веселова, благодаря которым удалось установить местонахождение многих из открытых им салтовских поселений [Веселов, 2005].

Впервые целенаправленную попытку изучения раннесредневековых памятников на Керченском полуострове предпринял Д. Л. Талис [Талис, 1960; Гадло, 2004, с. 71]. В 1960 г. возглавляемая им Восточно-Крымская экспедиция Государственного исторического музея обследовала мыс Казантип, участок побережья Казантипского залива между с. Азовское и с. Верхнезаморское, а также окрестности с. Королево, с. Птичное, с. Калиновка, с. Марфовка, с. Новоселовка и с. Тамарино, расположенных в центральной, северо-западной и юго-западной части полуострова. В результате на археологическую карту было нанесено 23 салтово-маяцких поселения, но материалы разведок своевременно опубликованы не были и лишь недавно введены в научный оборот [Пономарев, 2012а, с. 479–511].

В 1962 г. разведки раннесредневековых поселений на Керченском полуострове продолжил Приазовский археологический

отряд Ленинградского Государственного университета под руководством А. В. Гадло. В процессе работ было обследовано девять поселений, датированных исследователем концом VII или началом VIII – рубежом IX–X вв. [Гадло, 1963; Гадло, 1968а, с. 59–60; Гадло, 1968б, с. 78; Гадло, 2004, с. 71; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435–449]. Спустя несколько лет А. В. Гадло опубликовал карту-схему «Южное Приазовье в период Хазарского каганата (конец VII – начала X вв.)», на которой, в пределах Керченского полуострова, обозначил 41 поселение [Гадло, 1968а, с. 60, № 45–85]. Именно она легла в основу всех составленных позднее мелкомасштабных археологических карт салтово-маяцких памятников Крыма.

К сожалению, едва оформившись, программа комплексного изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова была свернута уже к середине 60-х гг. и до конца столетия каких-либо положительных изменений в сложившейся ситуации наметить не удалось. В течение всего этого периода едва ли не единственным источником информации являлись изданные материалы раскопок В.Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова и А. В. Гадло на Тиритакке, Мирмекии, Илурате, поселениях Алексеевка, Пташкино и Героевка-3 [Якобсон, 1964, с. 38; Пономарев, 2008, с. 260–261]. Что особенно досадно, не были подробно опубликованы результаты разведок Д. Л. Талиса и А. В. Гадло, а многолетние исследования В. В. Веселова, за исключением античных памятников, вообще не нашли отражения на страницах научных изданий. Как следствие, опубликованные к настоящему времени археологические карты салтовских поселений Керченского полуострова не отразили реальной ситуации и нуждаются в существенных дополнениях и корректировке [Якобсон, 1970, с. 27–29, рис. 1, 68–82; Баранов, 1981, рис. 1; Баранов, 1990, рис. 1, 2–46; Айбабин, 1999, рис. 78; Плетнева, 2000, рис. 104]³. Составление такой карты следует рассматривать в качестве одной из приоритетных задач современной медиевистики Крыма, при этом реализация этого проекта нуждается в комплексной программе, которая включила бы в себя полную публикацию и ревизию архивных материалов, а также планомерные и широкомасштабные разведки с использованием современных методик и технологий.

Предварительная работа в этом направлении пока что частично

3. Впрочем, опубликованная в 1970 г. А. Л. Якобсоном археологическая карта раннесредневековых поселений Крыма, представляла собой по замыслу автора не более чем «предварительную картину распространения памятников в пространстве и времени» [Якобсон, 1970, с. 8].

проделана только для салтово-маяцких памятников южной части и восточной (между долиной р. Джерджавы и Тобечикским озером) оконечности Керченского полуострова [Пономарев, 2011а, с. 343–378; Пономарев, 2009, с. 499–514]. В рамках этого же проекта опубликованы материалы разведок Д. Л. Талиса и А. В. Гадло [Пономарев, 2012а, с. 479–511; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435–471].

Картографирование известных на сегодняшний день салтово-маяцких поселений Керченского полуострова позволило выявить ряд общих закономерностей в их размещении. Большинство из них располагалось в восточной его части, видимо, тяготея к Боспору и пролежавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Несколько десятков поселений обнаружено в северо-западной части полуострова, преимущественно на побережье Азовского моря и долинах степных рек. Юго-западная часть полуострова, включая побережье Черного моря от м. Чауда до Ак-Монайского перешейка, как и в античное время, оставалась практически незаселенной. Освоению этого обширного региона препятствовали неблагоприятные физико-географические условия, прежде всего, недостаток пресной воды и малопригодные для сельскохозяйственного использования солонцеватые черноземы и степные солонцы.

В зависимости от ландшафтно-топографических условий поселения можно разделить на две группы. Поселения первой группы располагались на побережье Керченского пролива, Черного и Азовского морей, при этом, прежде всего, осваивались берега заливов, бухт, пологие площадки мысов и морские террасы. К сожалению, реальную картину освоения приморских участков полуострова воссоздать уже вряд ли удастся, поскольку часть поселений безвозвратно утрачена в результате береговой абразии и эрозионных процессов.

Во вторую группу объединены поселения, обнаруженные в отдаленных от моря районах полуострова. Как правило, они занимали долины степных рек, балки с сезонными водотоками, южные склоны холмистых гряд и возвышенностей. Гораздо реже заселялись безводные вершины плато и останцевых холмов, причем, в большинстве своем, именно в том случае, если на них некогда располагались античные городища и поселения, руины которых были довольно привлекательны с утилитарной

точки зрения. Некоторые поселения размещались на территории позднеантичных могильников, практический интерес к которым обозначился благодаря склепам, повторно использовавшимся в качестве готовых жилищ или хозяйственных помещений. В наиболее пригодных для проживания и эффективной хозяйственной деятельности районах плотность населения резко возрастала. К их числу можно отнести окрестности горы Опук, балку Чикграл-Джилга в юго-восточной части полуострова, участок побережья Керченского пролива у пос. Эльтиген и некоторые участки Азовского побережья от мыса Казантип до мыса Зюк. Не менее плотно, видимо, была заселена ближайшая округа Боспора, включая прилегающие к нему с севера долины рек Мелек-Чесме, Катерлез и Булганак. К сожалению, в настоящее время этот район едва ли не полностью поглощен городской застройкой Керчи и практически недоступен для археологических разведок [Зинько, Пономарев, 2005а, с. 408–410].

Прежде чем продолжить краткий обзор поселений, следует отметить, что лишь немногие из них подвергались планомерным и широкомасштабным раскопкам. К тому же исследованные участки располагались на большом расстоянии друг от друга, препятствуя, таким образом, целостному восприятию памятника. Вследствие этого с большими допущениями определяются не только размеры поселений, но и реконструируется их планировка и инфраструктура. В достаточной степени уверенно можно лишь полагать, что подавляющее их большинство представляло собой неукрепленные селища с обособленными и хаотично расположенными жилыми постройками, сооружавшимися на расстоянии от нескольких метров до 150 м друг от друга.

В качестве одного из примеров можно привести поселение Пташкино. Его размеры по обмерам А. В. Гадло составляли 300 × 500 м, занимаемая площадь не менее 15 га. В пределах поселения исследователь зафиксировал порядка десяти построек, остатки которых хорошо прослеживались в виде невысоких всхолмлений с развалами необработанных камней. В свою очередь, В. В. Веселов их насчитал не менее двадцати. Располагались постройки двумя вытянутыми с севера на юг рядами, расстояние между которыми варьировалось в пределах 70–100 м. К юго-востоку от них находились зольники, диаметром от 15 до 30 м и высотой до 0,5 м [Гадло, 1963, с. 7–9; Гадло, 1971, с. 62–63; Гадло, 1980, рис. 1;

Гадло, 2004, с. 73].

Примерно такая же планировка была зафиксирована А. В. Гадло на поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное. Их протяженность в направлении север – юг достигала 1,5 км, а в направлении запад – восток варьировалась в пределах 0,2–0,8 км [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 49–52; Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 1, 6]. На этой территории А. В. Гадло выявил 12 зольников диаметром до 30 м и 40 построек, прослеженных в виде скоплений необработанного камня, диаметром до 50–70 м. Постройки находились на расстоянии до 100–200 м друг от друга, при этом некоторые из них вместе с зольниками группировались в «гнезда», располагавшиеся с севера на юг, параллельно берегу моря. В промежутках между ними подъемный материал был представлен немногочисленными, а порою единичными фрагментами керамики. Характер расположения остатков построек и тяготевших к ним зольников позволил исследователю прийти к выводу, что каждый из этих комплексов представлял собой отдельную усадьбу или «хозяйственную бытовую единицу» [Гадло, 1964, с. 5; Гадло, 1968б, с. 78; Пономарев, 2011б, с. 294, рис. 1; Пономарев, 2011в, с. 226].

Среди других поселений, планировку которых удалось частично реконструировать, благодаря сохранившимся на дневной поверхности остаткам построек, следует упомянуть поселение «над источником», занимавшее небольшую, обращенную к морю, котловину на южном склоне г. Опук. В центральной части поселения, площадь которого составляла не менее 14 га, В. К. Голенко зафиксировал остатки 25 «усадоб», состоящих из нескольких примыкавших друг к другу жилых и хозяйственных помещений. Прилегающие к постройкам небольшие приусадебные участки ограждались невысокими каменными стенами. На склонах террас в северной и южной части поселения прослежено не менее 20 округлых в плане сооружений в виде каменных оград, представлявших собой открытые загоны для мелкого рогатого скота. К некоторым из них были пристроены прямоугольные постройки площадью до 99 кв. м, вероятно, стойла-зимники, функционально связанные с загонами в один комплекс [Голенко, 2007, с. 236, рис. 103].

Более детально изучена планировка отдельных участков поселений на городище Тиритака и Героевка-3, раскопки на которых проводились широкими площадями. Так, на раскопе II–IV площадью 304 кв. м, заложенном А. В. Гадло в центральной части поселения

Героевка-3, были открыты пять индивидуальных жилых построек относящихся к двум строительным периодам. Располагались они на расстоянии нескольких метров друг от друга, а между ними находились хозяйственные ямы и зольник размерами 7,3 × 6,8 м [Гадло, 1969, рис. 1; Гадло, 1968б, рис. 21]. Южнее, на раскопе VIII были открыты еще два жилища с прилегающим к одному из них участком двора и небольшой зольник [Гадло, 1969, с. 160–164, рис. 2].

В свою очередь в центральной части городища Тиритака в пределах раскопа XXVI площадью 1025 кв. м. были исследованы остатки как минимум четырех построек, но, учитывая плохую сохранность культурного слоя, можно полагать, что их было больше. Как и на поселении Героевка-3, в единый хозяйственный комплекс с ними входили очаги, хозяйственные ямы и зольник [Зинько, Пономарев, 2009, рис. 13].

Отдельную группу составляют поселения, где, несмотря на большую исследованную площадь, постройки оказались столь малочисленными или располагались настолько далеко друг от друга, что говорить о какой-либо планировке вообще не приходится. В их числе особенно выделяется поселение на территории позднеантичной крепости Илурат, где помимо одного двухкамерного дома других построек и хозяйственных комплексов выявить не удалось [Гайдукевич, 1958, с. 134–137]. К этой же группе относится поселение на античном городище Мирмекий, на территории которого за все годы раскопок были открыты только две жилые салтово-маяцкие постройки [Гайдукевич, 1952а, с. 177–179; Гайдукевич, 1987, с. 148].

Таким образом, основная масса открытых на Керченском полуострове салтово-маяцких поселений представляла собой обычные неукрепленные селища площадью от 0,1 до 14–15 га с небольшой плотностью застройки. Каких-либо следов квартальной, связанной системой улиц и проулков, планировки проследить не удалось. К тому же достаточно низким оставался и уровень их благоустройства. Также нет никаких оснований полагать, что некоторые из наиболее крупных селищ, к примеру, поселение на городище Тиритака, могли представлять собой «образования полугородского» или «раннегородского» типа. Такое предположение в свое время выдвинул А. В. Гадло, сравнив его с Таматархой и Фанагорией, но убедительных аргументов не привел [Гадло, 2004, с. 75–76].

Ошибочность предложенной для Тиритакки урбанистической модели наглядно иллюстрирует стандартная для всех исследованных салтовских поселений инфраструктура, основные элементы которой представлены жилищами, жилищно-хозяйственными комплексами (постройками с двумя или несколькими помещениями, в том числе хозяйственного назначения), отдельными хозяйственными сооружениями, небольшими комплексами хозяйственных ям – зернохранилищ, очагами открытого типа и зольниками. Они, в свою очередь, формировали хозяйственные структуры, которые вслед за Л. И. Красильниковой и К. И. Красильниковым можно разделить на три типа – закрытые комплексы, дворы и подворья [Красильникова, Красильников, 2013, с. 161–162].

К закрытым комплексам относятся жилища, приспособленные не только для проживания, но и для хозяйственной деятельности одной семьи. Наиболее простой их вариант объединяет однокамерные постройки (полужемлянки или наземные дома), внутри которых были устроены хозяйственные ямы или каменные закрома. Более совершенный вариант представлен двухкамерными или многокамерными наземными домами, одно или два помещения в составе которых использовались в качестве амбара-зернохранилища, стойла для скота или других хозяйственных нужд.

Ко второму типу хозяйственных структур относятся дворы, представлявшие собой небольшой, в редких случаях огороженный или частично вымощенный камнями участок рядом с домом, на территории которого размещались отдельные хозяйственно-бытовые постройки, хозяйственные ямы и очаги открытого типа [Гадло, 1969, рис. 2; Федосеев, Пономарев, 2011, рис. 7; Винокуров, 2004, рис. 7; Новоселова, 2003, с. 170]. Однако на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова их обнаружено немного. К тому же не представляется возможным определить площадь такого рода структур, поскольку ни одна из них еще не исследована полностью.

Третий тип хозяйственных структур представлен подворьями, под которыми обычно подразумевают прилегающую к жилищу территорию, включая двор, с набором сооружений, обеспечивающих хозяйственную самостоятельность семьи. Одна из таких структур входила в состав усадьбы, открытой на поселении Героевка-2. В центральной ее части располагался двухкамерный дом и еще две разновременные постройки, планировку которых реконструировать

не удалось. К северу и югу от них раскопаны остатки каменных изгородей. В пределах подворья, в 10 м к северо-западу от дома располагались пять хозяйственных ям. К югу от жилой постройки, вероятно, находился двор, на территории которого были устроены еще две хозяйственные ямы и небольшой зольник [Зинько, Пономарев, 2005б, с. 241–244, рис. 11, 15].

На остальных исследованных поселениях такие крупные хозяйственные структуры, как подворья, пока еще не раскопаны. Хотя в отдельных случаях, когда на дневной поверхности прослеживаются остатки каменных оград, удается предположительно определить их границы [Голенко, 2007, с. 236].

Гораздо лучше изучены жилища и жилищно-хозяйственные комплексы, типология и эволюция которых были разработаны в работах А. В. Гадло и И. А. Баранова [Гадло, 1971, с. 65–74; Баранов, 1990, с. 41–53]. Однако в последние десятилетия на Керченском полуострове были открыты жилища, которые по своему характеру и планировке не вписывались в предложенные схемы, в связи с чем появилась необходимость их расширить и скорректировать. При разработке нового типологического ряда были учтены более трех десятков жилых комплексов, разделенных на восемь типов [Пономарев, 2012б, с. 191–204]. К первому типу относятся бесстолбовые и каркасно-столбовые полуземлянки с неукрепленными бортами, раскопанные на поселениях Героевка-3, Пташкино, Эльтиген-Западное и Тиритака. Именно этот тип жилищ первым получил распространение среди салтовского населения Керченского полуострова. К первой половине – середине IX в. большинство полуземлянок были заброшены, но к практике их использования изредка обращались и в более поздний период [Пономарев, 2012в, с. 67–72]. Второй тип жилищ представлен полуземлянкой на поселении Пташкино, котлован которой по периметру обложен камнем. К сожалению, ввиду отсутствия датирующего материала она не имеет узких хронологических рамок. В третий тип объединены наземные однокамерные дома поселений Тиритака, Мирмекий, Героевка-2 и Героевка-3. Наиболее ранние из них датируются второй половиной VIII в., а к первой половине IX в. они составляли один из наиболее многочисленных типов жилищ. К четвертому типу относятся однокамерные жилища с хозяйственной пристройкой, открытые на поселении Героевка-3. По-видимому, возводились они одновременно с обычными однокамерными

постройками и функционировали не позднее первой половины IX в. Возможно, в это же время появляются постройки пятого типа – двухкамерные дома-пятистенки, которые считают одним из наиболее характерных признаков византинизации салтово-маяцкой культуры в Крыму. Раскопаны они на поселениях Алексеевка, Мирмекий, Илурат, Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6 и Осовины-I [Пономарев, 2013, с. 440–461]. При этом один из них, открытый на поселении Героевка-2, входил в состав усадьбы с огороженным подворьем, появление которых на салтовских поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия [Баранов, 1990, с. 50, 52; Айбабин, 1999, с. 202].

Одновременно с домами-пятистенками на поселениях Героевка-3 и Героевка-6 функционировали однокамерные и двухкамерные дома с округлой в плане пристройкой, а на поселениях Тиритака, и «над источником» (г. Опук) – многокамерные дома со смежными помещениями, выделенные соответственно в типы шесть и семь. И, наконец, в восьмой тип объединены жилища, устроенные в античных склепах Кыз-аульского и Илуратского некрополей, однако некоторые из них все же следует трактовать как сезонные загонь для мелкого рогатого скота и убежища скотоводов [Федосеев, Пономарев, 2012, с. 519–520]. Аналогов за пределами Керченского полуострова найти им не удалось.

Таким образом, развитие салтовских жилищ Восточного Крыма прошло путь от традиционных для народов – носителей салтово-маяцкой культуры полуземлянок до домов-пятистенок и многокамерных построек, воплотивших в себе основные принципы византийского домостроительства. Однако представить их в виде эволюционного ряда с узкими, присущими только тому или иному типу построек хронологическими рамками, нельзя, поскольку в разные периоды одновременно функционировали жилища нескольких типов [Пономарев, 2012б, с. 204–205; Пономарев, 2012г, с. 65–98].

В отличие от жилищ отдельных хозяйственно-бытовых построек на салтовских поселениях Керченского полуострова обнаружено очень мало. К тому же в них отсутствовали какие-либо хозяйственные и бытовые устройства, поэтому установить функциональное назначение сооружений чаще всего не представлялось возможным. Среди немногих построек, назначение которых не вызывает сомнений, следует выделить группу округлых в плане замкнутых

оград диаметром от 4-5 до 40 м, обнаруженных на поселении «над источником». И хотя ни одно из них пока еще не раскопано, вполне можно согласиться с тем, что использовались они в качестве загонов для мелкого рогатого скота [Голенко, 2007, с. 236].

Кроме жилища и хозяйственно-бытовых построек в состав одного или нескольких жилищно-хозяйственных комплексов нередко входил зольник. В процессе разведок и раскопок на салтовомаяцких поселениях Керченского полуострова их выявлено уже свыше тридцати [Пономарев, 2012д, с. 52–53]. Предварительно зольники можно разделить на два типа. В первый тип объединены небольшие зольники, отсыпанные как на дневной поверхности, так и в заброшенных хозяйственных ямах, в накоплении и обслуживании которых, скорее всего, принимали участие члены одной семьи. Зольники второго типа занимали территорию до нескольких десятков кв. м, и, по сути, представляли собой «зольные холмы». В отдельных случаях их размеры можно объяснить длительным периодом функционирования. В то же время можно предположить, что некоторые из них отсыпались золой и бытовым мусором, поступавшим из нескольких близлежащих жилищ.

Подобного рода памятники характерны и для других регионов распространения салтово-маяцкой культуры, но их назначение до сих пор остается дискуссионным вопросом. Относительно их функционального назначения сформировались две точки зрения. С одной стороны, предполагается их санитарно-бытовой характер, с другой стороны, превалирует сакральная нагрузка [Ляпушкин, 1958, с. 127; Гадло, 1964, с. 5; Плетнева, 2003, с. 264–269; Плетнева, 2004, с. 64–66; Русанова, 1998, с. 169; Пономарев, 2003, с. 267–273; Сорочан, 2004, с. 169]. Однако обе точки зрения располагают пока что достаточно ненадежной доказательной базой. Действительно, среди многочисленного материала, обнаруженного в зольниках, преобладает бытовой и строительный мусор, но находки, которые можно было бы связать с отправлением культов, исчисляются единицами. С другой стороны, их размещение среди жилых построек, на дневной поверхности и чаще всего без какого-либо ограждения вряд ли можно признать удовлетворительной мерой, отвечающей даже самым заниженным санитарно-бытовым нормам [Пономарев, 2012д, с. 52–54].

Один из наиболее многочисленных типов хозяйственных сооружений на салтовских поселениях Керченского полуострова

составляют хозяйственные ямы, большая часть которых, видимо, предназначалась для хранения зерна. Изнутри их иногда подмазывали водоупорным слоем жидкой глины, а горловины перекрывались известняковыми крышками или жерновами. Часть ям, объемом от 0,7 до 2,2 м³, устраивали внутри помещений, другие во дворах или на территории подворья, на расстоянии от одного – двух до нескольких десятков метров от жилищ. При этом за пределами построек оборудовались как одиночные ямы объемом до 2,5 м³, так и амбарные комплексы, состоявшие из 3–5 ям примерно такого же объема. В отдельных случаях такой комплекс заменяло одно гораздо более вместительное зернохранилище. Наиболее показательна в этом отношении одна из ям на участке XIV городища Тиритака. Ее глубина достигала 3,7 м, диаметр дна составлял 2,5 м. Квадратная в плане горловина была выложена по периметру известняковыми плитами и перекрыта плитой диаметром 0,56 м [Гайдукевич, 1952б, с. 103].

Для хранения зерна или воды иногда использовали пифосы. Чаще всего их закапывали внутри хозяйственных помещений, иногда и за пределами построек, но *in situ* подобного рода находки встречаются не часто.

Помимо обычных для любого рядового селища жилых и хозяйственных сооружений на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова обнаружены немногочисленные культовые постройки и комплексы. Большая часть из них связана с отправлением языческих культов. К их числу, прежде всего, относятся ритуальные захоронения людей и животных (или их частей) в ямах, обнаруженные на поселениях Тиритака, Артезиан, Героевка-2 и Мирмекий [Зинько, Пономарев, 2009, с. 25; Винокуров, 2004, с. 63–73; Зинько, Пономарев, 2005а, с. 242–243; Гайдукевич, 1987, с. 165]. Определенную культовую роль, возможно, имели зольники, но, как уже упоминалось выше, этот вопрос пока остается дискуссионным.

Во второй половине VIII в. среди салтовского населения Крыма стало распространяться христианство, но, к сожалению, археологических материалов, свидетельствующих о массовом проникновении новой идеологии на поселениях Керченского полуострова найдено очень мало. К примеру, удалось обнаружить пока что только один христианский храм – трехнефную базилику, раскопанную близ с. Пташкино [Гадло, 1980, с. 137–139, рис. 4].

Возможно, еще один храм был возведен на поселении Героевка-3, где при расчистке завала одной из построек была найдена мраморная капитель византийско-коринфского ордера для колонны алтарной преграды и обломки двух керамических плиток облицовки пола [Гадло, 1964, с. 33; Гадло, 1980, с. 139, рис. 5].

Не найдено на салтовских поселениях Керченского полуострова и предметов личного христианского благочестия, а изделия с христианской символикой представлены единичными находками. Таким образом, единственным надежным свидетельством повсеместного распространения новой идеологии остаются пока что плитовые могильники.

Малочисленность индивидуальных находок, причем не только культового назначения, является одной из характерных черт салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, при этом, как и на любых других периферийных сельских памятниках, подавляющее большинство обнаруженных в процессе их раскопок изделий из глины, кости и металлов, связаны с повседневным обиходом и хозяйственным укладом. В совокупности с наиболее массовыми категориями археологических находок – керамикой и фаунистическим материалом они дают возможность судить об основных направлениях экономической деятельности салтовского населения.

На протяжении всего рассматриваемого периода основой экономики салтовских поселений Керченского полуострова оставались пашенное земледелие и приселищное животноводство. Главной растениеводческой отраслью являлось полеводство, ведущая роль в котором отводилась зерновым (в том числе фуражным) культурам – карликовой и мягкой пшенице, ячменю, просу и ржи. Выращивались также твердая пшеница и ее полбяная разновидность, овес, полба двузернянка, а из зернобобовых культивировался горох. Немаловажное значение сохраняло животноводство. Среди поголовья преобладал крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. По мнению И. А. Баранова, во второй половине VIII – X вв. животноводство салтовских поселений в Крыму носило приусадебный характер, с небольшим стадом у каждой семьи. Условия содержания скота позволяют классифицировать его как стойлово-выгонное. В течение дня скот выпасался на ближних пастбищах, а в ночное время размещался в кольцевых загонах, огороженных дворах и других приспособленных для этих целей

легких сооружениях [Пономарев, 2012е, с. 67–71].

Помимо земледелия и скотоводства жители салтово-маяцких поселений Керченского полуострова занимались домашними промыслами и ремеслами.

Развитию рыбного промысла в прибрежных районах способствовала мощнейшая сырьевая база, включавшая в себя биоресурс Азовского и Черного морей, а также запасы самосадочной поваренной соли, добывавшейся летом из рапы соленых озер Керченского полуострова. Охота в отличие от рыболовства играла второстепенную роль, но тем не менее служила одним из основных источников получения пушнины и позволяла разнообразить мясной рацион.

Одной из малоизученных сторон хозяйственной деятельности некоторых салтовских поселений Керченского полуострова остается нефтяной промысел, который заключался в сборе готового сырья из открытых источников Керченского нефтеносного района. Существование данного промысла в рассматриваемый период подтверждают находки в Крыму, на Таманском полуострове и в Подонье причерноморских амфор с остатками нефти и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, стенки которых были покрыты нефтяным налетом. Технология же добычи сырья, надо думать, мало чем отличалась от примитивных способов, описанных путешественниками XVII–XVIII вв. В связи с этим на археологическом материале следы промысла в районе действующих нефтяных источников зафиксировать не удалось [Пономарев, 2012е, с. 72–73].

Небольшая группа изделий и орудий труда свидетельствуют о развитии косторезного промысла, прядения и ткачества. Немаловажная роль отводилась добыче и обработке камня, преимущественно известняка, для бытовых и строительных нужд. Однако выделение раннесредневековых каменоломен среди немногих открытых на Керченском полуострове древних выработок представляет, как правило, неразрешимую задачу.

Особое место в экономике, вероятно, занимало железоделательное производство, но это предположение пока не находит подтверждения в археологических реалиях, поскольку металлургических производственных комплексов обнаружить на поселениях еще не удалось. Однако месторождения Керченского железорудного бассейна разрабатывались, на что указывают

находки шлаков и криц из керченской руды на городище Тепсень и Саркеле [Пономарев, 2012е, с. 71–74].

Не обнаружено на поселениях и гончарных мастерских, хотя, вне всяких сомнений, посуда салтово-маяцкого облика производилась на Керченском полуострове, о чем свидетельствует характерный только для этого региона состав формовочной массы, насыщенной разнообразными включениями из местного сырья. В глину добавляли карбонатные породы, морской песок, дробленую морскую ракушку, шамот, сухую глину, железистые частицы и крайне редко древесный уголь, солому и зерна злаковых культур. Местные гончары производили тарную, кухонную и столовую керамику. К тарным сосудам относятся массивные горшки-пифосы и корчаги, к кухонной посуде – разнообразные по форме и орнаментации горшки и котлы с внутренними ручками-ушками. Столовая керамика представлена немногочисленными находками небольших горшочков с ручкой и мисками. Среди керамических изделий специального назначения отметим маслбойки, крышки для горшков и светильники. Таким образом, местные гончары могли предложить широкий выбор керамических изделий для ведения хозяйства и других повседневных нужд [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 454–462]. Однако на внешний рынок их продукция не поступала, что можно сказать и о большей части продукции других ремесел и промыслов, имевших в основном потребительский характер. Исключение, пожалуй, составляли только нефть и крицы руды, находившие спрос в Крыму и за его пределами. Основным же товаром, который поступал с салтовских поселений Керченского полуострова на внешний рынок, являлась сельскохозяйственная продукция.

К сожалению, ввиду специфики и малочисленности археологического материала, проследить направления и характер их торговых связей можно лишь в общих чертах и в основном благодаря керамическим изделиям. Скорее всего, в роли основного торгового партнера для салтовского населения Восточного Крыма выступал Боспор, но через его порт необходимые товары поступали также из других регионов Таврики и Южного Причерноморья. Постоянные контакты, вероятно, также поддерживались с населением Нижнего Дона, Приазовья, Таманского полуострова и Северного Кавказа. Таким образом, салтово-маяцкое население Керченского полуострова находилось в сфере экономического

влияния не только Хазарского каганата, но и Византии, что неизбежно накладывало отпечаток на их политические, культурные и идеологические взаимоотношения.

И в заключение остановимся на актуальных и по нынешний день вопросах о времени и причинах массового переселения в Крым, в том числе и на Керченский полуостров, народов-носителей салтово-маяцкой культуры и «гибели» их поселений. Относительно нижней хронологической даты исследователи большей частью единодушны, полагая, что основная масса поселений появляется в середине – второй половине (или конце) VIII в. Однако динамика и механизмы этого процесса, а также причины, вызвавшие массовый приток нового населения, остаются до сих пор предметом дискуссий. Сомнению, пожалуй, не поддается лишь мирный характер освоения мигрантами опустевших к тому времени обширных территорий полуострова [Якобсон, 1958, с. 497–500; Якобсон, 1964, с. 35; Гадло, 1973, с. 275; Баранов, 1990, с. 9, 151, рис. 1; Айбабин, 1999, с. 200, 202, рис. 78; Плетнева, 2000, с. 154–155; Могаричев, 2004, с. 163–174; Могаричев, 2005, с. 238; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 142–145; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 204–206; Могаричев, 2010, с. 70–71; Виноградов, Комар, 2005, с. 46; Науменко, 2002, с. 545; Науменко, 2008, с. 333]⁴.

К числу актуальных проблем относится также выделение на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова комплексов конца VII – первой половины VIII вв. Ранее к ним, помимо «анонимных», не привязанных к археологической карте памятников, относили нижние горизонты поселений Пташкино и Героевка-3 (Героевское), при этом доказательная база сводилась, преимущественно, к историческим построениям авторов [Гадло, 1968а, с. 59, 62; Гадло, 1968б, с. 79; Гадло, 1971, с. 62; Гадло, 1980, с. 135; Гадло, 1991, с. 100; Талис, 1974, с. 92–93; Баранов, 1981, с. 61; Баранов, 1990, с. 45, табл. 1, рис. 1]. Иными словами, на Керченском полуострове надежно датированных археологическим материалом «ранних» комплексов обнаружить пока не удалось [ср.: Сазанов, Могаричев, 2006, с. 181–186; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 111–118; Могаричев, 2010, с. 69; Науменко, 2004, с. 102–103]. Однако, с другой стороны, принимая во внимание

4. Иную точку зрения разделяет В. К. Голенко. По его мнению, «пустующие земли восточной части полуострова» были освоены только в первой половине IX в., чему способствовало преодоление хазаро-византийских противоречий «на пограничных землях Таврики» [Голенко, 2007, с. 264].

небольшое число исследованных к настоящему времени салтовских поселений, категорически отрицать такую возможность было бы также неверно.

Верхняя дата салтовских поселений Крыма, вслед за А. Л. Якобсоном, А. В. Гадло, С. А. Плетневой, Т. И. Макаровой и другими исследователями, длительное время ограничивалась рубежом IX–X вв. или началом X в. и недвусмысленно связывалась с вторжением на полуостров печенегов [Якобсон, 1958, с. 500–501; Якобсон, 1964, с. 53–54; Гадло, 1968б, с. 79; Талис, 1974, с. 92; Фронджуло, 1974, с. 145–146; Плетнева, 1976, с. 65; Романчук, Омелькова, 1979, с. 102; Макарова, 1991, с. 144]. Иной точки зрения придерживался В. В. Кропоткин, справедливо подметивший, что «следов насильственного внезапного разрушения, которое бы последовало в результате вторжения печенегов в конце IX в.» на салтовских поселениях Восточного Крыма обнаружено не было. По мнению исследователя, запустение региона, а также следы пожаров и разрушений в Херсоне, Партените и Таматархе, были связаны с усилением русской активности на Черном море в середине – второй половине X в. [Кропоткин, 1958, с. 217–218]. Позднее в дискуссию включился Д. Л. Талис, в представлении которого исторические реконструкции А. Л. Якобсона и В. В. Кропоткина выглядели не более чем рабочие гипотезы. Установление же точной даты гибели салтовских поселений Крыма он посчитал возможным лишь при условии их дальнейшего археологического изучения [Талис, 1961, с. 258]. Столь же осторожно к данному вопросу подошел И. И. Ляпушкин. Прекращение жизни на поселениях Восточного Крыма он отнес к X в., когда «произошли какие-то крупные политические события, повлекшие за собой перемещение значительных масс населения» [Ляпушкин, 1958, с. 148]. В свою очередь И. А. Баранов увидел в этом процессе следствие активизации византийской политики во второй половине X в. по восстановлению своей власти в Таврике [Баранов, 1990, с. 152–153; Баранов, 1993, с. 143]. В последние годы мнения вновь разделились. Одни исследователи видят причины катаклизма в обострении политических и экономических отношений Хазарии, Византии и Руси, причем особенно катастрофичным по своим последствиям для региона считают поход хазарского «бул-ш-ци» Песаха в Крым в 940–941 гг. [Айбабин, 1999, с. 227; Майко, 1999, с. 40–45; Майко, 2004, с. 24–45; Майко, 2005, с. 98–101; Голенко, 2007, с. 265]. Другие исследователи предлагают

ограничить верхнюю дату салтовских поселений второй половиной IX в. или второй половиной IX – началом X вв. [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 145–155; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 585; Могаричев, 2010, с. 74; Науменко, 2011, с. 175].

К сожалению, в пределах второй половины IX – первой половины X вв. разграничить керамический комплекс пока что не представляется возможным, поэтому в ближайшее время дискуссия вряд ли будет завершена. К тому же едва ли не все предложенные реконструкции событий, связанных с финальным этапом салтово-маяцкой культуры в Крыму, рассматривались и рассматриваются в русле внешнеполитических факторов или военной конфронтации. Однако следов не только разрушений и пожаров, но и поспешных сборов на поселениях Керченского полуострова проследить так и не удалось. Тем не менее, салтово-маяцкое население все же покинуло регион, и причины этого массового переселения, а также направление миграции еще предстоит выяснить [Науменко, 2007, с. 266; Науменко, 2011, с. 177].

Литература

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье IV–XIII века. М., 2003.

Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. Т. 2. София, 1981.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.

Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. III. Симферополь, 1993.

Брайчевський Ю. М. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica. Т. I. К., 1952.

Баукова А. Ю. Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – у 50-х рр. XX ст. // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008.

Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг.

// Древности Боспора (ДБ). Supplementum. II. М., 2005.

Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала X в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.

Гадло А. В. Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного Университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963 // Научный архив Института археологии НАН Украины (НА ИА НАНУ), № 1962/41.

Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения уд. Героевки на берегу Керченского пролива). Л., 1964 // НА ИА НАНУ, № 1963/32.

Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. № 14. Вып. 3. Июль. 1968а.

Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР (КСИА). Вып. 113. 1968б.

Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // Советская археология (СА). № 1. 1969.

Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971.

Гадло А. В. Рец. на кн.: [Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА, 1970, № 168] // Византийский временник (ВВ). Т. 34. 1973.

Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии / Античная древность и средние века (АДСВ). Вып. 17. Свердловск, 1980.

Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 25. 1952а.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952б.

Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.) // МИА. № 85. 1958.

Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь, 2000.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005а.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // Боспорские исследования (БИ). Вып. X. Симферополь-Керчь, 2005б.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. 1. Археологические комплексы VIII–X вв. / БИ. Supplementum. Т. II. Симферополь-Керчь, 2009.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013.

Красильникова Л. И., Красильников К. И. Хозяйственные системы и дань населения степной периферии Хазарского каганата // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Материалы конференции. М., 2013.

Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. Т. XVIII. 1958

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. / МИА. № 62. 1958.

Майко В. В. Хозари у Криму у другій половині Х ст. // Археологія. № 2. К., 1999.

Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004.

Майко В. В. Проблемы салтовской культуры Крыма и

Кембриджский аноним // Хазарский альманах (ХА). Т. 4. Киев-Харьков, 2005.

Макарова Т. И. Боспор–Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика: Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов). К., 1991.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины-второй половины VIII в. // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Могаричев Ю. М. Крым в VIII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. № 4. Казань, 2010.

Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). Вып. XII. Москва-Магнитогорск, 2002.

Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. Т. 3. Киев-Харьков, 2004.

Науменко В. Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. Вып. XVI. Симферополь-Керчь, 2007.

Науменко В. Е. К вопросу о титулах «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII – начала IX вв. // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь, 2008.

Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011.

Новоселова Н. Ю. Археологические памятники раннего средневековья. Приложение 4. // Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим, 2000.

Плетнева С. А. О значении зольников на поселениях хазарского времени // *Stratum plus* 2001–2002. № 5. Кишинев, 2003.

Плетнева С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // *Природа*. № 9. М., 2004.

Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // *БИ*. Вып. III. Симферополь-Керчь, 2003.

Пономарев Л. Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.) // *БИ*. Вып. XIX. Симферополь-Керчь, 2008.

Пономарев Л. Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // *БИ*. Вып. XXI. Симферополь-Керчь, 2009.

Пономарев Л. Ю., Пономарева И. А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // *Сугдейский сборник*. Вып. IV. Киев-Судак. 2010.

Пономарев Л. Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // *БИ*. Вып. XXV. Симферополь-Керчь, 2011а.

Пономарев Л. Ю. Плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения*. Вып. XII. Керчь, 2011б.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное (Керченский полуостров) // *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко*. Харьков, 2011в.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // *БИ*. Вып. XXVI. Симферополь-Керчь, 2012а.

Пономарев Л. Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // *Сугдейский сборник*. Вып. V. Киев-Судак, 2012б.

Пономарев Л. Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные

постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Т. V. Харків-Софія, 2012в.

Пономарев Л. Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк, 2012г.

Пономарев Л. Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. г. Бахчисарай, КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник 5–7 сентября 2012 г.». Тезисы докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012д.

Пономарев Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012е.

Пономарев Л. Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. Харьков, 2013.

Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии / АДСВ. Вып. 16. Свердловск, 1979.

Русанова И. П. Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Сазанов А. В. Могаричев Ю. М. Крым и Хазария в конце VII – VIII вв. // ПИФК. Вып. XVI/1. Москва-Магнитогорск, 2006.

Сазанов А. В. Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. Вып. XXI. Москва-Магнитогорск, 2008.

Сорочан С. Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // ХА. Т. 3. Киев-Харьков, 2004.

Талис Д. Л. Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. // НА ИА НАНУ, № 1960/42.

Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. Т. XIX. 1961.

Талис Д. Л. Росы в Крыму // СА. № 3. 1974.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный

сборник Керченского заповедника. Вып. III. Симферополь, 2011.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. Т. 16. М., 2012.

Фронджуло М. А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. К., 1974.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85. 1958а.

Якобсон А. Л. Города Северного Причерноморья в V–IX вв. // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М., 1958б.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. 1970.

Сокращения

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

БИ – Боспорские исследования

ДБ – Древности Боспора

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИАНАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины

ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры

СА – Советская археология

ХА – Хазарский альманах

Л. Ю. Пономарьов

Салтово-маяцькі поселення Керченського півострова (короткий огляд за археологічними даними)

Резюме

У статті наведений короткий огляд салтово-маяцьких поселень Керченського півострова, що датуються другою половиною VIII – першою половиною X ст. Оглянуті їхні топографічні особливості,

планування, основні елементи інфраструктури і економіка. Приділено увагу дискусії відносно нижньої та верхньої хронологічних дат поселень.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, салтово-маяцькі поселення, Керченській півостров.

Л. Ю. Пономарев

**Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова
(краткий обзор по археологическим данным)**

Резюме

В статье приведен краткий обзор салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, датирующихся второй половиной VIII – первой половиной X вв. Рассмотрены их топографические особенности, планировка, основные элементы инфраструктуры и экономика. Уделено внимание дискуссии относительно нижней и верхней хронологической даты поселений.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, салтово-маяцкие поселения, Керченский полуостров.

L. Ponomarev

**Saltovo-Majaki settlements of the Kerch Peninsula
(an overview of the archaeological data)**

Summary

The article gives a brief overview of Saltovo-Mayaki settlements of the Kerch Peninsula, dating from the second half of the VIIIth – the first half of the Xth century. Considered their topographical features, the layout, the main elements of the infrastructure and the economy. Paying attention to discussions on the bottom and the top of the chronological date of settlements.

Key words: Saltovo-Majaki culture, Saltovo-Majaki settlements, Kerch Peninsula.

Дискуссия

А.И. Айбабин

К ДИСКУССИИ О ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКОМ КОНДОМИНИУМЕ В КРЫМУ¹

В описании Феофана (The Chronicle of Theophanes Confessor, p. 519–523) и Никифора (Nikephoros, 1990, p. 106–109) высылки в Херсон в 695 г. Юстиниана II и связанных с ней событий охарактеризована политика Византии и Хазарии в Таврике в конце VII – в начале VIII вв. Бежавший в 704 г. из Херсона в крепость готов Дорос (Мангуп) Юстиниан II оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и дал ему в жены свою сестру.

В рассказе о попытке убить Юстиниана II упомянуты наместники кагана, управлявшие крупнейшими городами на берегах пролива – Боспором и Фанагорией. Феофан писал о наместнике в Фанагории-Папацеи архонте Боспора Балгице (Чичуров, 1980, с. 39/62,63). Никифор именовал наместника Фанагории «архонтом из единоплеменников» (кагана) (Чичуров, 1980, с. 155/163; Nikephoros, 1990, § 42,20). По словам компилировавшего в XI в. «Хронографию» Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II своим людям (Georgius Cedrinus, p. 779,7). А. А. Васильев считал термины «наместник» и «архонт Боспора» греческой интерпретацией тюркского титула *тудун* (Vasiliev, 1936, p. 84, 85; Чичуров, 1980, с. 129, 130). Имя Балгиц тюркское. Его этимологию возводят к тюркскому *Bulgi* (*Bolgi*)*tsi*, *Balgichi* – «управитель» (Pritsak, 1949, p. 99; Dunlop, 1954, p. 172; Minorsky, 1960, S. 130–137; Golb, Pritsak, 1982, p. 137, 138; Zuckerman, 1995, p. 256). В документе, хранящемся в Кембридже, упомянут управлявший Боспором наместник кагана «ха-пакид». В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона» (Golb, Pritsak, 1982, p. 116–117). Приведенные источники однозначно говорят об установлении с начала VIII в. хазарского контроля над Боспорским проливом – важнейшим участком пути из Византии в Приазовье и

1. Основой для данной статьи стал доклад, прочитанный 23 мая 2013 г. в г. Керчи на XIV Боспорских чтениях.

далее в Азию.

В 711 г. посланная в Херсон Юстинианом II карательная экспедиция захватила там хазарского тудуна. В составленном в X в. греческом словаре тудун назван «наместником у тюрок» (*Etymologicon Magnum*, 763,24). Титул *тудун* известен в древнетюркских и китайских источниках (*tu-tun* – на китайском) (Chavannes, 1903, с. 263; Moravcsik, 1958, S. 318, 319). По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии (Liu-Mau-Tsai, 1958, S. 8–9; Чичуров, 1980, с. 101, 129, 130). В 711 г. император для наказания жителей Херсона, Боспора «и других архонств (по Никифору) или «других климатов» (по Феофану) направил в Крым флот с 100000-м войском под командой патрикия Стефана (Nikephoros patriarch of Constantinople, 45, 1–10; Чичуров, 1980, с. 40/64). Упоминание городов и архонств дает основание говорить и о другой, быть может, главной задаче военной экспедиции – возвращении империи утраченных городов и крепостей.

По Феофану, овладевшие Херсоном византийцы пленили там хазарского «Тудуна - архонта Херсона, бывшего там от лица кагана и Зоилу, первого гражданина по роду и племени» и шестьдесят семь «знатных мужей, протевоноров Херсона» (Чичуров, 1980, с. 40/64). По Никифору, византийцы захватили «Тудуна архонта Херсона и Зоила, называемого протополитом, сорок семь протевоноров и до двадцати «управляющих другими городами» (Nikephoros patriarch of Constantinople, 45, 16–25). Издатель «Бревиария» патриарха Никифора К. де Боор сохранил почти без изменений содержащуюся в Ватиканском манускрипте неверную форму *тондун* тюркского слова *тудун* (Moravcsik, 1958, S. 317; Чичуров, 1980, с. 181). К. Манго при подготовке нового издания труда Никифора использовал Лондонский манускрипт, в котором *тудун* написан правильно (Nikephoros patriarch of Constantinople, 45, 16, 41). По предположению А. Л. Бертье-Делагарда, Протополит Зоила представлял в городе византийскую администрацию, тудун – хазарскую (Бертье-Делагард, 1893, с. 81). Однако согласно Никифору и Феофану, протополит Зоила возглавлял городское самоуправление, состоявшее из протевоноров (Nikephoros patriarch of Constantinople, 45, 16, 41; Чичуров, 1980, с. 40/64). Возможно, они, опасаясь мести Юстиниана II, и пригласили в город хазар. Присланный каганом тудун сохранил в городе самоуправление.

С войсками Стефана в Херсон прибыл назначенный

императором архонт спафарий дорифор Илья. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь. Император отправил их в сопровождении патрикия и министра финансов Георгия Сирийца, епарха города Иоанна и 300 стратиотов под командой турмарха Фракийцев Христофора. По Никифору, архонт Херсона Илья и архонты соседних областей, не доверяя императору, вновь призвали в хазарские войска. Согласно Феофану, архонт Илья, «херсониты и жители других крепостей отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Херсонцы убили Георгия и Иоанна, а тудуна и протополита Зоилу вместе с турмархом и стратиотами передали подступившим к городу хазарам. Разгневанный Юстиниан II отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбили тараном две городские башни. Подоспевшие войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Патрикий Мавр и его воины отреклись от Юстиниана II и провозгласили новым императором бежавшего к кагану Вардана, переименовав его в Филиппика. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить выкуп за каждого воина. Вардан с войском патрикия Мавра на кораблях отплыл к г. Византию, сверг и казнил Юстиниана II (Чичуров, 1980, с. 41/64,65; Nikephoros patriarch of Constantinople, 45, 32–65).

Описанные события красноречиво характеризуют реальные позиции Византии и каганата на полуострове после 712 г. После уничтожения карателями протевонков, Херсоном управлял перешедший на сторону Вардана архонт спафарий Илья. Примечательно, что херсонцы не позволили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Хазары признавали принадлежность Херсона империи, но установили свой протекторат над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне.

Опираясь на рассмотренные фрагменты сочинений Феофана и Никифора, С. П. Шестаков (1908, с. 12, 30–39), Ю. А. Кулаковский (1914, с. 65–66), А. А. Васильев (Vasiliev, 1936, р. 81–87), Д. М. Данлоп (Dunlop, 1954, р. 171–174), А. Л. Якобсон (1958, с. 468, 469; 1964, с. 27–29, 35), М. И. Артамонов (1962, 196–199, 200, 252–258), П. Голден (Golden, 1980, р. 60), А. П. Новосельцов (1990, с.

144), автор этой статьи (Айбабин, 1991, с. 46; 1999, с. 185, 187–189. Ajbabin, 2011, s. 170–183), К. Цукерман (1998, с. 675) и многие другие исследователи пришли к выводу о захвате хазарами в начале VIII в. почти всего Крыма.

Иная трактовка описанных Феофаном и Никифором событий предложена в серии публикаций С. Б. Сорочана. По его мнению, описание ссылки Юстиниана II и походов его войск в Херсон доказывает совместное византийско-хазарское управление территорией полуострова. В одной из статей он приписал А. А. Васильеву, П. Голдену, Д. М. Данлопу, А. П. Новосельцеву, К. Цукерману и другим историкам утверждение о том, что Византийская империя «тормозила нормальное развитие местной среды на полуострове» (Сорочан, 2007, с. 44, 58). Перечисленные авторы вообще ничего не писали о «развитии местной среды». В другой статье С. Б. Сорочан в подтверждение своего утверждения об установлении на полуострове кондоминантных отношений ссылается на А. А. Васильева и А. П. Новосельцева (Сорочан, 2007а, с. 211). Однако на процитированных страницах у А. А. Васильева сказано об утверждении хазарского господства в Восточном и степном Крыму, автономии Горного Крыма и сохранении византийского присутствия в Херсоне и в гавани Символа (Васильев, 1927, с. 191–196), а А. П. Новосельцев писал о закреплении хазар в Крыму (Новосельцев, 1990, с. 111). Отстаивая свою точку зрения, С. Б. Сорочан также свободно обходится как с текстами письменных источников, так и с археологическими материалами.

В рассуждениях С. Б. Сорочана о текстах Феофана и Никифора проигнорированы не только приводимые этими авторами однозначные свидетельства хазарского господства на полуострове, но и аргументы как перечисленных выше византийцев, так и востоковедов В. Ф. Минорского, Н. Голба и О. Й. Прицака, П. Голдена и других. Не найдя в текстах рассмотренных источников свидетельств кондоминиума в Крыму С. Б. Сорочан использует весьма сомнительный в данном случае метод исторической аналогии. Из многочисленных пограничных территорий Византии он выбрал для сравнения с Крымом Кипр, который якобы управлялся совместно Византией и арабами. Однако V. Christides привел веские аргументы, опровергающие кондоминиум на Кипре при Юстиниане II (Christides, 2006, p. 29–38). Еще более сомнительной является попытка назвать кондоминантными взаимоотношения

боспорских гуннов и Юстиниана I (Сорочан, 2007, с. 49). Согласно Малале, вождь кочевавших близ Боспора гуннов Горд, прибыл в Константинополь в первый год правления Юстиниана I. По словам Малалы, сам василевс стал восприемником Горда и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор. Император направил в город трибуна с отрядом римских солдат, которые были италийцами, называемыми испанцами (John Malalas, fr. 431–433, 250, 251). Как мы видим, гуннский правитель попросился в состав империи, крестился и был послан императором на Боспор с византийскими солдатами управлять регионом от имени императора (Ajbabin, 2011, s. 86).

Археологические раскопки подтверждают информацию письменных источников о захвате хазарами города Боспора. Т. И. Макарова в 1960–80-е гг. в Керчи в раскопе площадью около 400 кв. м, расположенном на примыкавшей к церкви Иоанна Предтечи бывшей Рыночной площади, выявила развалины городских кварталов и базилики с крещальней VI–VII вв., перекрытые слоем пожара. Она связала пожар с вторжением хазар в VII в. (Макарова, 1965, с. 76; Макарова, 1982, с. 98, 99, рис. 5; Макарова, 1998, с. 345, 356–358, 390, рис. 2). В залежавшем поверх слоя пожара слое VIII – третьей четверти IX в. ее экспедицией на протяжении 15,3 м была зачищена двухпанцирная стена шириной от 1 до 1,1 м. Она сооружена без фундамента на плитах вымостки разрушенного храма и на поверхности снесенных кварталов. Наружный и внутренний панцири сложены на глине из подтесанных камней ракушечника. Их отдельные участки возведены кладкой в ёлку. Пространство между панцирями заполнено мелкими необработанными камнями. С внешней стороны к стене примыкали два контрфорса. Вдоль южной стороны в 0,5–0,7 м от нее зачищена такая же стена. Т. И. Макарова аргументированно отождествила раскрытые руины с хазарской цитаделью (Макарова, 1998, с. 356, 357, рис. 9).

Terminus postquem для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье дает мощный слой пожара, который экспедиция под моим руководством выявила в 1990–1992 гг. в приморской части г. Боспора неподалеку от цитадели (в Керчи в Кооперативном переулке) в раскопе площадью около 1500 кв. м (Айбабин, 2000, с. 169; Aibabin, 2006, p. 33, 35, fig. 2; Ajbabin, 2011, s. 170–171, abb. 54–56). На всей площади раскопа прослежен слой

серо-коричневого суглинка Г, который перекрывал слой пожара В, уничтожившего дома VI–VII вв., сооруженные в слое Д (Aibabin 2006, fig. 2; Ajbabin, 2011, abb. 54). С. Б. Сорочан, игнорируя представленные в цитированных статьях планы, графические фиксации стратиграфии слоев и обоснования типологии хронологии извлеченных из каждого слоя керамических комплексов, просто обозвал результаты раскопок сомнительными.

В моей недавней статье благодаря новым исследованиям по типологии ранневизантийской керамики уточнены определения некоторых найденных в этих слоях хронологических индикаторов. Приведенный в статье исправленный список датированных фрагментов амфор и краснолаковой керамики, извлеченной из слоя пожара В и из перекрывающего его слоя (Айбабин, 2013, с. 283–285; рис. 2), повторен ниже. Пользуясь случаем, благодарю А. В. Смокотину за помощь в определении краснолаковой керамики.

В слое серо-коричневого суглинка Г обнаружены остатки сооружений двух строительных периодов: VIII – первой половины IX вв. и конца IX – X вв. У основания жилища раннего строительного периода (Ajbabin, 2011, s. 174) нашли определенный В. А. Сидоренко фоллис первого периода правления Юстиниана II (686/687 гг.) (Grierson, 1968, p. 584, pl. XXXVII, 18a).

В слое пожара В находились фрагменты горшков (Айбабин, 2013, рис. 2, 28), краснолаковых мисок формы LRC-10C первой половины VII в. (Айбабин, 2013, рис. 2, 32; Hayes, 1972, p. 345, 346, fig. 71, 15), фрагменты амфор типов Якобсон 7 (Айбабин, 2013, рис. 2, 29, 33; Якобсон, 1979, рис. 2, 3; 3, 1), Зеест 95 с веретенообразным туловом или LR-10 (Айбабин, 2013, рис. 2, 30; Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 20; Riley, 1979, fig. 48) и стенки амфор с зональным рифлением (Айбабин, 2013, рис. 2, 31). Найденные в том же слое фрагменты желобчатых стенок амфор из желтой и желтовато-розовой глины близки стенкам амфор типа LR-1 из комплексов конца VI – VII вв. из Херсона (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 24, 25, 31, 34, рис. 33, 34, 56, 65; Riley, 1979, p. 212–216, fig. 91, 337, 346, 347).

Из слоя Д, наряду с фрагментами амфор типа Sarachane 10 (Айбабин, 2013, рис. 2, 18), найденных в слоях VII–VIII вв. (Hayes, 1992, p. 66, fig. 23, 7) и типов Зеест 99 (Айбабин, 2013, рис. 2, 24) (Зеест, 1960, табл. XXIX, 99а,б), 103 или Якобсон 7 (Айбабин, 2013, рис. 2, 6, 13, 20) (Зеест, 1960, табл. XL, 103; Якобсон, 1979, с. 12, рис. 3, 1), фрагментами понтийских краснолаковых блюд второй

половины IV – первой половины V вв. PRS 1 (Айбабин, 2013, рис. 2, 3) (Domĭalski, 2007, p. 77), конца IV – первой половины V вв. форм PRS (Айбабин, 2013, рис. 2, 22), PRS 1A/B (Айбабин, 2013, рис. 2, 25, 26) (Domĭalski, 2007, p. 77) и PRS 4 (Айбабин, 2013, рис. 2, 11) (Arsen'eva, Domĭalski, 2002, p. 427, cat. no 568–574), извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный, по определению В. А. Сидоренко, между 654–659 гг. (Grierson, 1968, p. 38–39, 510), фрагменты краснолаковых блюд формы LRC со штампами вариантов 35/2 (Айбабин, 2013, рис. 2, 4) (Hayes, 1972, p. 357) и 71/III (Айбабин, 2013, рис. 2, 5) (Hayes, 1972, p. 367), фрагменты краснолаковых мисок формы ARS 82B (Айбабин, 2013, рис. 2, 2), известной в Средиземноморье с конца V – VI вв. (Hayes, 1972, p. 128–131, fig. 23, 7), формы 3 LRC (Айбабин, 2013, рис. 2, 1), обычной в Византии со второй половины V в. (Hayes, 1972, p. 333, 337, fig. 68, 10), блюда формы PRS 7 (Айбабин, 2013, рис. 2, 23), встреченной в Танаисе в слоях второй половины V – первой четверти VI вв. (Arsen'eva, Domĭalski, 2002, p. 427, fig. 13, 575–577), блюд формы LRC 3F (Айбабин, 2013, рис. 2, 21) (Hayes, 1972, p. 333–338, fig. 69, 17), формы LRC-10A (Айбабин, 2013, рис. 2, 7–10, 12, 15, 16, 17, 19; Hayes, 1972, p. 343, 346, fig. 71, 1, 2, 6) и LRC-10C (Айбабин, 2013, рис. 2, 14; Hayes, 1972, p. 343–346, fig. 71, 11–15). Дж. Хейс допустил возможность бытования отнесенных ко второй половине VI – первой половине VII вв. форм LRC 3F и LRC-10 на протяжении VII в. (Hayes, 1998, p. 13–15).

По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики и монете 654–659 гг. период существования слоя Д следует ограничить последней четвертью VI – 60-ми гг. VII вв. Перекрывающий его слой пожара В образовался не ранее 660 г. Судя по зафиксированной в раскопах в Кооперативном переулке и на бывшей Рыночной площади стратиграфии, большая часть византийского Боспора была уничтожена пожаром. Дата пожара согласуется с рассказом «Армянской Географии» о захвате хазарами до 665 г. Северного Причерноморья (Newsen, 1992, p. 55; Цукерман, 2001, с. 331–332). Очевидно, миграция хазар к Понту началась после дезинтеграции разгромленного китайцами в 659 г. Западного тюркского каганата (Golden, 2002, p. 50; Кляшторный, 2005, с. 98).

Поверх развалин византийского периода и слоя пожара без регулярной планировки сооружаются безфундаментная фактически наземная постройка и дома пятистенки с заглубленными полами

и огороженными дворами. Большой частью глинобитные стены домов сложены на каменном цоколе так называемой кладкой в елку. Земляной утоптаный пол одного из жилищ (№12) типичен для построек салтово-маяцкой культуры (Айбабин, 2000, с. 171–173, рис. 6; Ajbabin, 2011, abb. 80, s. 174, 176). Выявленные в жилищах тарелкообразные и костровидные очаги, а также небольшие хозяйственные постройки обычны для жилищ оседающих на землю кочевников (Харузин, 1896, с. 100; Плетнёва, 1967, с. 63).

Материалы раскопок свидетельствуют о расселении хазар и их союзников во всех городах и поселениях европейского и азиатского Боспора (Айбабин, 1999, с. 137, 190; Ajbabin, 2011, s. 124, 177). В Тиритаке экспедиция В. Ф. Гайдукевича на участке XIII раскопала руины базилики VI–VII вв., в северо-восточном нефе которой построили безфундаментное жилище VIII–IX вв. (Гайдукевич, 1940, с. 203–204, рис. 1; Гайдукевич, 1952, с. 67–72). Как установил А. В. Гадло, изучавший полевые материалы экспедиции В. Ф. Гайдукевича в архиве ИИМК, жилище возвели на остатках кладки стен и на полу базилики вскоре после ее разрушения (Гадло, 1980, с. 144–145). В Тиритаке (Гайдукевич, 1952, с. 49–55, 126–131, рис. 160, 161, 163, 164; Зинько, 2010, с. 221–223) еще в нескольких раскопах, а также в Илурате (Гайдукевич, 1958, с. 134–136) руины с вещами и керамикой VI–VII вв. перекрывали жилища VIII–IX вв. (Айбабин, 1999, с. 137, 190; Ajbabin, 2011, s. 124, 177). Подобная стратиграфия зафиксирована в Фанагории, Кепях, Гермонассе и Патрее, где поверх слоев с руинами построек V–VII вв. соорудили жилища VIII–IX вв. (Башкиров, 1957, с. 317–320, 344, рис. 1; Плетнева, 1963, с. 63, табл. 39; Паромов, 1993, с. 148, рис. 8; Плетнева, 1999, с. 132–150; Гадло, 2004, с. 74–77; Долгоруков, 1975, с. 56–58, рис. 3; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393–428). На всех названных городищах, так же, как и в городе Боспоре, поверх руин домов ранневизантийского периода и слоев пожара сооружаются дома с глинобитными стенами на сложенных кладкой в елку каменных цоколях и заглубленными полами. Подобные дома характерны для возникших в конце VII – первой половине VIII вв. поселениях Крымского и Приазовского вариантов салтово-маяцкой культуры (в Пташкино, Героевка, Кордон-Оба, Тау-Кипчак и многие другие) (Плетнева, 1999, с. 132–176; Ajbabin, 2011, s. 172–176, abb. 80). Эти жилища по планировке, конструкции и технике кладки стен сильно отличаются от более ранних боспоро-византийских.

Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Приём кладки в ёлку, видимо, привнесён хазарами из Приморского Дагестана (Плетнёва, 1967, с. 63; Плетнёва, 1991, с. 104; Магомедов, 1983, с. 150, рис. 58). Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства. Из местной боспоро-византийской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов – каменные цоколи и глинобитные стены. В связи с вышесказанным, анекдотичным представляется сравнение С. Б. Сорочаном салтовской кладки из необработанных камней на грязи «в елку» с римской кладкой из обработанных камней на цемянке. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Такими же жилищами застраивается и захваченные хазарами Фанагория и другие города на Таманском полуострове (Айбабин, 1999, с. 185, 187, 189, рис. 79; Ajbabin, 2011, s. 172–176, abb. 80; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393–428). В. Д. Кузнецов и Л. А. Голофаст убедительно показали бездоказательность попыток В. Н. Чхаидзе датировать подобные жилища в Таматархе V–VI вв. Выводы В. Н. Чхаидзе основаны на некритичном использовании старых отчетов о раскопках. Он даже не пытался разобраться как с реальной стратиграфией, так и применить современную датировку керамики (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 424; Чхаидзе, 2008, с. 117).

Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства. Из местной боспоро-византийской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов – каменные цоколи и глинобитные стены. Археологическая культура населявших город Боспор хазар по керамике и жилищам не отличается от созданного болгарами Батбаяна в Крыму и Приазовье крымского варианта салтово-маяцкой культуры (Гадло, 2004, с. 72–115; Зинько, 2010, с. 217–248; 63, s. 176–181).

Литература

Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 1991.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма.

Симферополь, 1999.

Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь, 2000.

Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Вып. XVIII. Симферополь, 2013.

Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.

Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Ученые записки Ярославского пединститута. Вып. XXII (XXXII). Ярославль, 1957.

Бертье-Делагард А. Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. Т. 16. Одесса, 1893.

Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч.2. // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. V. Ленинград, 1927.

Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // АДСВ. Свердловск, 1980.

Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. Санкт-Петербург, 2004.

Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. VI.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85.

Долгоруков В. С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. № 143.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.

Зинько В. Н. Восточный Крым в эпоху хазарского каганата // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.

Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005.

Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. Москва, 1983.

Макарова Т. И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. 1965. № 104.

Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви

Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.

Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва, 1990.

Паромов Я. А. Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. Вып. 3. Москва, 1993.

Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. Москва, 1963.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.

Плетнёва С. А. Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. №3.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, 1999.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 7. Київ, 2007.

Сорочан С. Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. Том 6. Киев–Харьков, 2007а.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Москва, 1896.

Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Москва, 1980.

Чхаидзе В. Н. Таматарха. Москва, 2008.

Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. Москва, 1908.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Москва–Ленинград, 1964.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград, 1979.

Aibabin A. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Ed. par C. Zuckerman. Paris, 2006.

Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // *Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums*. Band 98. Mainz, 2011.

Arsen'eva T. M., Domiński K. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua*. Band 8. Berlin, 2002.

Chavannes E. Documents sur les T'ou-Kiue occidentaux // *Сборник трудовъ Орхонской экспедиции*. VI. Санкт-Петербург, 1903.

Christides V. The Image of Cyprus in the Arabic Sources, Nicosia, 2006.

Domiński K. La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // *Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site*. BAR. IS 1721-II. Vol. 2. Oxford, 2007.

Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

Etymologicon Magnum / Ed. Th. Gaisford. Oxonii 1848. Reprint. Amsterdam, 1967.

Georgius Cedrinus, Ioannis Scylitzae. Compendium Historiarum / Ed. I. Bekkeri, B. G. Niebuhrii // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae, 1838.

Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Vol. II, 1. Washington, 1968.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982.

Golden P. B. Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.

Golden P. The Turkic peoples and Caucasia // *Nomads and their Neighbors in the Steppe. Variorum collected studies series CS752*. 2002.

Hayes J. W. Late Roman Pottery. London, 1972.

Hayes J. W. The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.

Hayes J. W. Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman Pottery // *Ceramica in Italia VI-VII secolo: atti del convegno in onore di John W. Hayes*, Roma, 11-13

maggio 1995. Firenze, 1998.

Hewsen R. H. The Geography of Ananias of Shirak. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, 1992.

Liu-Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue). Bd. I-II. Wiesbaden, 1958.

Malalae Joannis. Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

Minorsky V. Balgitz – "Lord of the Fishes" // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Band 56. Vienna, 1960.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. II. Berlin, 1958.

Nikephoros patriarch of Constantinople. Short history / Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.

Pritsak O. Review. Studies on the Khazar Problem, published by the Polish Academy // Der Islam. Band 29. Cracow, 1949.

Riley J. A. The coarse pottery from Berenice. Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Vol. II. Tripoli, 1979.

The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.

Vasiliev A. A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.

Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // Revue des études Byzantines. Tom 53. Paris, 1995.

Сокращения

АДСВ – Античная древность в средние века

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры

РА – Российская археология

СА – Советская археология

О. І. Айбабін

До дискусії про візантійсько-хазарський кондомініум у Криму

Резюме

У статті розглянуті свідчення письмових і археологічних джерел, що спростовують візантійсько-хазарський кондомініум у Криму.

А. И. Айбабин

К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму

Резюме

В статье рассмотрены свидетельства письменных и археологических источников, которые опровергают византийско-хазарский кондоминиум в Крыму.

A.I. Aibabin

**To the Discussion about the Byzantine-Khazar Condominium in
Crimea**

Summary

The evidences of writing and archaeological sources that refute the Byzantine-Khazar condominium in Crimea are considered in this article.

С.Б. Сорочан

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КРИТИКОЙ (К СТАТЬЕ А. И. АЙБАБИНА О ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКОМ КОНДОМИНИУМЕ В КРЫМУ)

Во второй половине 1990-х гг. я выдвинул концепцию византийско-хазарского кондоминатного статуса Таврики, который, по моему мнению, сложился в конце VII в. и с некоторыми изменениями формально просуществовал до времени создания фемы Климата на крымской земле в середине 30-х гг. IX в. Эта концепция с соответствующими аргументами, с пространной критикой всего комплекса источников и историографическим анализом была изложена в серии научных докладов, статей и в монографиях, вышедших в 1995-2013 гг. [Сорочан, 1995, с. 79-81; Сорочан, 1997, с. 58-60; Сорочан, 1998; Сорочан, 1998 а, с. 41-43, прим. 120; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 209-263; Сорочан, 2005, с. 322-581; Сорочан, 2006, с. 174-178; Сорочан, 2006 а, с. 57-73; Сорочан, Смычков, 2006 а, с. 133-144; Сорочан, Смычков, 2006 б, с. 207-216, 359, 361; Сорочан, 2006 б, с. 265-270; Сорочан, 2007, с. 36-45; Сорочан, 2007 а, с. 239-244; Сорочан, 2007 б, с. 201-222; Сорочан, 2008, с. 357-359; Сорочан, 2008 а, с. 108-124; Сорочан, 2011, с. 350-352; Дискуссия, 2011, с. 37-40; Сорочан, 2013, с. 235-239; Сорочан, 2013 а, с. 279-393, 427-506], привлекла внимание исследователей, которые стали в той или иной степени развивать ее дальше [Науменко, 2000, с. 96-105; Науменко, 2001, с. 336-361; Герцен, Науменко, 2001, с. 129-130; Науменко, 2002, с. 544-568; Храпунов, 2002, с. 570-571; Науменко, 2003, с. 69-73; Науменко, 2003 а, с. 427-440; Науменко, 2004, с. 94-116; Науменко, 2004; Науменко, 2005, с. 51-65; Науменко, 2007, с. 259-281; Науменко, 2008, с. 333-338; Чхаидзе, 2008, с. 264-269; Флёров, 2011, с. 140-172]. Излагая свою точку зрения, я полемизировал со многими авторами, включая А. И. Айбабина, известного, последовательного сторонника концепции господства хазар в раннесредневековом Крыму. Мы располагали одним комплексом материалов, но давали

им разные оценки, интерпретацию. Меня удивляло лишь то, что в своих работах, вышедших после издания его монографии в 1999 г. [Айбабин, 1999], А. И. Айбабин, излагая свои взгляды, ни разу не отметил иные точки зрения на возможный статус Таврики VIII в., в том числе и работы, содержавшие аргументированную и последовательную критику его концепции. Он ссылаясь только на сторонников той же точки зрения, предшественников, и своей персоной как бы замыкал сей «иконостасный ряд», ряд в самом лучшем смысле этого слова, ибо в нем были такие имена как А. А. Васильев, А. Л. Якобсон, П. Голден, А. П. Новосельцев, С. А. Плетнёва. Но при этом совершенно игнорировались мои взгляды, а затем и взгляды тех, кто стал так или иначе развивать выдвинутую мной концепцию – В. А. Науменко и пошедших еще дальше в своих заключениях Ю. М. Могаричева и А. В. Сазанова, которые вообще отказали хазарам во власти в Крыму до 70-80-х гг. VIII вв. и полагают его остающимся под контролем исключительно византийских властей [Сазанов, Могаричев, 2002, с. 469-509; Могаричев, 2004, с. 163-180; Сазанов, Могаричев, 2004, с. 88-92; Сазанов, Могаричев, 2005, с. 354-360; Могаричев, 2005, с. 237-247; Могаричев, 2006, с. 38-53.; Сазанов, Могаричев, 2006, с.179-207; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 253-264; Могаричев, 2008; Сазанов, Могаричев, 2008 а, с. 572-589; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009; Могаричев, 2010, с. 66-78; Могаричев, 2011, с. 166-175]. Частью империи считает возможным видеть оба берега Боспора в начале VIII в. и В. Н. Чхаидзе [Чхаидзе, 2008, с. 268]. Трудно предположить, что А. И. Айбабин был совершенно не знаком с упомянутыми работами, и, следовательно, он игнорировал их сознательно.

В таком же ключе игнорирования иных точек зрения были написаны последние статьи А. И. Айбабина, где автор «в свойственной ему манере» повторял свои прежние, ничуть не изменившиеся формулировки, не замечал иную трактовку источников и не вступал в полемику, предлагая оспорить вполне конкретные аргументы иных исследователей, или хотя бы выразить сомнения на их счет [см.: Айбабин, 2010, с. 214-239; Айбабин, 2013, с. 277-315]. Впрочем, как я заметил, это уже стало привычным для данного исследователя, который давно видит в науке лишь собственную точку зрения и даже в соответствующих разделах обобщающей академической работы, требующей

приведения разных точек зрения, оставлял избирательные лакуны в историографии и в списке литературы, на которую ссылался [см.: Археология, 2003, с. 10-52. 55-67]. И вот наконец, спустя девять лет после появления моей монографии «Византийский Херсон», где, по меньшей мере, три раздела были посвящены трактовке концепции о кондоминиуме, о совместном владении Таврикой хазарскими и византийскими властями, вышла небольшая, но предельно критически написанная статья А. И. Айбабина, которая была повторена в материалах международной конференции, посвященной 90-летию В.М. Бейлиса, и «камня на камне» не оставляла от моих взглядов, оцененных лишь как «многословные рассуждения... над текстами Феофана и Никифора» [Айбабин, 2013 а, с 11-17; Айбабин, 2013 б, с. 14-19]. Сразу удивляло, что только моих. Искушенный читатель, специалист напрасно искал бы в списке литературы имена В.А. Науменко, Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова, хотя первый защитил на близкую тему кандидатскую диссертацию, а последние двое опубликовали две монографии и более десятка статей, где давали свою оценку ситуации в Крыму в VIII-IX вв. Не было там ссылок и на новаторскую монографию В. С. Флёрова, в которой отдельный раздел красноречиво называется «Таманский полуостров и Крым: четыре не-хазарских города» [Флёров, 2011, с. 140-172].

Что мы видим в первой половине статьи А. И. Айбабина? Все тот же знакомый рефрен из письменных источников, предельно сжато и безоговорочно трактованных исключительно в духе безраздельного господства Хазарского каганата над Крымом.

Побег Юстиниана II в Дорос, наместники хагана, архонты, управлявшие Боспором и Фанагорией, карательные (именно карательные, а не отвоевывательные) экспедиции Юстиниана в Крым в 710-711 гг. против Херсона, Боспора и других местных византийских архонтий, пленение хазарского тудуна и ромейского протополита «самоуправляемого» Херсона, который хазары в то же время признали принадлежащим Византийской империи, «но установили свой протекторат над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне» [Айбабин, 2013 а, с. 134; Айбабин, 2013 б, с. 16]. Впрочем, и Херсон автор тоже считает полностью захваченным на какое-то время хазарами, хотя единственное основание для этого - кратковременное присутствие тудуна в городе, – в городе с наличием

византийской администрации, даже если эту администрацию называть «местным самоуправлением». Ни малейших сомнений в том, что Дорос в конце VII-VIII вв. хазарский, с хазарскими, а не византийскими властями, что «самоуправление» Херсона, мягко говоря, весьма призрачно¹; отсутствие объяснений, почему Валгиц, архонт Боспора Скифского, и некий Папац, «местный хазарин», бывший при Юстиниане Ринотмите в Фанагории «от лица» хагана, ведут себя с постоянной оглядкой и на хагана, и на Византию; почему василевс ромеев не мог без хагана в одностороннем порядке решать вопросы с ромейским архонтом Боспора и почему тот оказался в начале VIII в. в Фанагории²; почему мы часто сталкиваемся в источниках, связанных с «крымскими хазарами» и их тудуном, на указания о присутствии византийских властей, властей с имперскими титулами, имперскими моливдулами; почему хазары выступают в событиях 710-711 гг., по сути дела, как наемное войско, появляясь в Крыму по приглашению ромейских посланников, делегатов от протевоноров и простатевонтов; почему херсониты и представители других крымских городков-крепостей, полисмата, посылали за помощью «к хагану в Хазарию», то есть за пределы «готфской земли», если эти земли и сам город уже до этого были

1. Самоуправляемые, муниципальные, автономные города в императорской Византии после VI-VII вв. такой же нонсенс как автономные города в Российской империи; участие в гражданском управлении местных правителей, причем иногда с имперскими титулами и печатями, не может служить доказательством такого особого статуса византийского Херсона VII-VIII вв., еще недавно резиденции дуки [подр. см.: Сорочан, 2003, с. 21-46; Чореф, 2013, с. 273-277].

2. Его присутствие именно в Фанагории бесспорно. Проживавший там под хазарской «охраной» Юстиниан Ринотмет не мог расправиться с ним в Боспоре (для этого надо было избавиться от надзора, покинуть Фанагорию и переправиться через Керченский пролив). Он сперва умертвил приглядывавшего за ним «местного хазарина», находившегося в Фанагории «от лица» хагана, а вслед за ним покончил с ромейским архонтом Скифского Боспора [Чичуров, 1980, с. 62-63, 163]. Это обстоятельство рождает кардинально важный вопрос об эволюции административно-территориального статуса земель по обеим сторонам Керченского пролива: понимался ли под Боспором лишь Пантикапей-Боспор, или он включал в себя и восточный Крым, и Таманский полуостров, то есть азиатский Боспор. Перенос ставки ромейского архонта Боспора в Фанагорию мог быть обусловлен плачевным состоянием города Боспора. опустошенного, разоренного, как и весь восточный Крым, после тюркской оккупации в конце VI в. Между тем Таманский полуостров с Фанагорией на тот момент находились в лучшем положении. Здесь издавна наблюдалось византийское присутствие, пример чему дает Ильичевское городище с византийским гарнизоном, и даже то обстоятельство, что известная строительная надпись о кесарском здании Боспора при дуке Херсона Евпатерии, была обнаружена именно в Тамани, то есть рядом с Горгиппией (Таматархой), остававшейся крупным боспорским центром. Эту плиту считают перевезенной через пролив, тогда как она может служить указанием на упрочение византийских позиций именно на азиатском Боспоре до тех пор, пока здесь не появились хазары.

в руках тудуна; зачем этого тудуна и протополита Херсона надо было отдавать хазарам; почему, карая своих неверных подданных, изменников в Херсоне, Боспоре, Юстиниан II не озаботился наказанием фанаторийцев, среди которых он прожил в два раза больше лет, чем в Херсоне, и едва не расстался там с жизнью из-за происков византийских властей; зачем херсонитам и жителям других крепостей надо было отречься от Юстиниана и провозглашать василевсом другого, если они сами были самоуправляемыми, то есть автономными, а Крым от степей и гор до моря оккупировали создавшие здесь новую административную область хазары. К слову сказать, дружественные, союзные Византии «оккупанты», с которыми – единственными из неверных! – заключали престижные династические союзы: Юстиниан II после побега из Херсона женился на сестре хагана, в крещении Феодоре, а Константин V – на дочери хагана, родившей Льва IV Хазарина. По этому поводу А. Л. Якобсон в свое время верно заметил: «...политический союз Византии и хазарского кагана, подтвержденный в 732 г. браком сына императора Льва III с дочерью хазарского кагана (в крещении Ириной), исключал владычество хазар в Таврике» [Якобсон, 1977, с. 205].

И все это при отсутствии малейших сведений о серьезных вооруженных конфронтациях, подобных сражениям с персами, аварами, арабами-мусульманами, болгарами, с захватами, с разрушениями городов, массовым уводом в плен, вывозом добычи. Аксиомой для византинистов является то, что каганат оставался главным, очень ценным партнером Византии по борьбе со своим злейшим врагом - халифатом, более того, единственным государством в окружении империи, с которым у нее никогда не было серьезных столкновений даже на конфликтном Кавказе [Люттвак, 2010, с. 223-225]. Мирный, выгодный альянс с хазарами позволил ромеям получить доступ к торговым путям на восток, минуя контролируемую арабами территорию Ирана, что не могло не отразиться на активизации северочерноморской торговли и посреднической роли византийских центров в Таврике, которые получили в каганате громадный рынок сбыта [Флёров, 2011, с. 165]. Ни один византийский автор не назвал хазар врагами, захватывающими в начале VIII в. в безраздельное владение византийские территории, даже если понимать под византийской территорией такой сложный пограничный лимитроф, такую «прозрачную» контактную зону как

Крым с его системой предгорных византийских укреплений, фрур и кастра конца VI в., которая на некоторый период перестала действовать. К слову, последнее вполне объяснимо опять-таки кондоминатным статусом здешних территорий, подразумевавшим их демилитаризацию, а не отсутствием византийских отрядов ввиду «общей ослабленности имперской армии» [ср.: Катюшин, 2013, с. 228]. Даже если признать ее слабость (что, впрочем, никак не следует из мощных военно-морских экспедиций Стефана Асмикта и Мавра Веса с их парком осадных машин), то у хазар уж точно хватало сил. Поэтому не замечать в источниках отсутствие сообщений о серьезных столкновениях Византии с каганатом можно только преднамеренно. Всему этому, повторяю, нет объяснений, зато навязчиво звучит подтекстовый рефрен: «Хазары, хазары, кругом одни хазары...», который отбрасывает осмысление истории византийского Крыма на десятки лет назад.

Замечу моему критику, что я никогда не приписывал А. А. Васильеву, П. Голдену, Д. М. Данлопу, А. П. Новосельцеву, К. Цукерману утверждение о том, что Византийская империя «тормозила нормальное развитие местной среды на полуострове». Это утверждение раннего А. Л. Яковсона, указанное в сложносоставной сноске к предложению, на которое обратил внимание мой уважаемый оппонент. Что касается А. А. Васильева и А. П. Новосельцева, то они действительно «вообще не писали о кондоминиуме». Я ссылался на них совсем по иному поводу и подсказчиками мне были иные авторы.

Сама идея кондоминатного статуса крымских земель впервые намеками проскальзывала уже у А. Л. Бертье-Делагарда, который отметил, что в 710 г. правителями Херсона были «хазарский тудун или протополит Зоил, быть может оба вместе, один от хазар, другой от Византии» [Бертье-Делагард, 1893, с. 81]. Но пионером этой вполне определенно высказанной прогрессивной научной идеи, как мне кажется, был американский медиевист Арчибальд Льюис [Lewis, 1951, p. 91]. Разные исследователи, не сговариваясь, каждый самостоятельно приближались к осознанию такого объяснения. Из отечественных историков ближе всех к нему в свое время подошли А. Л. Яковсон и А. В. Гадло. По мнению первого из них, в VIII-IX вв. Юго-Западный Крым не зависел напрямую ни от Византии, ни от Хазарии и именно это обстоятельство привело к бурному экономическому расцвету Таврики [Яковсон, 1970, с. 190 сл.].

Другой уточнял, что «по существу в нагорье [Таврики] возникло в VIII в. буферное политическое объединение, от которого формально не отказывалась Византия и которое в то же время считала своим Хазария» [Гадло, 1973, с. 275]. Однако он не развил эту мысль, очевидно, потому, что, как и А. Л. Якобсон, считал Юго-Западную Таврику оторвавшейся от иконоборской Византии, оказавшейся во власти «реакционного монашества», «феодалов» и стремящейся к независимости, сепаратизму. Противореча себе, А. В. Гадло указывал, что причина несомненного экономического подъема края крылась в односторонней «зависимости именно от Хазарии». Своеобразную поправку к этому можно видеть в следующих словах О. И. Домбровского: «Вторжение хазаро-болгарских полчищ в Крым почти не затронуло Херсонеса, так как в его существовании как перевалочного пункта морской торговли были заинтересованы не только византийские, но и хазарские власти» [Домбровский, 1986, с. 536]. Здесь же он впервые упомянул о «длительном византийско-хазарском двоевластии» и его роли в поднятии значения Херсона. И. А. Баранов констатировал это вполне уверенно, отметив, что «...на Боспоре еще в начале VIII в. было двоевластие» в лице хазарского военачальника и византийского архонта, исполнявших одновременно указания хагана [Баранов, 1990, с. 54-55, 148]. Вскользь о том же почти одновременно обмолвилась Е. А. Паршина, которая видела в «двоевластии» причину экономического подъема Партенита в конце VIII в. [Паршина, 1991, с. 93]. Применительно к Боспору наличие кондоминиума усматривал А. В. Сазанов в своей докторской диссертации [Сазанов, 1999, с. 40]. Схожую мысль в отношении Херсона высказал, но тоже не развил Ж.-К. Шейне [Шене, 2000, с. 315]. Можно догадываться, что в некоторой степени к ней в свое время склонялся и К. Цукерман, не решившийся однако прямо об этом заявить [Цукерман, 2001, с. 332-333, прим. 80]. Она же присутствует в строках статьи В. Зайбта, когда он пишет о необходимости и полезности для Херсона как «вольного города» (als «freie Stadt») сохранять хорошие отношения и с Византией, и с хазарами и, может быть, платить «своего рода дань (Tribut) обоим» [Seibt, 2000, S. 304-305]. По сути дела, это весьма близко к заявлению Дана Шапира о совместном «византино-хазарском протекторате» над Крымом и Херсоном [Shapira, 2002, p. 217].

Мой оппонент полагает, что я использую «весьма сомнительный в данном случае метод исторической аналогии», когда обращаюсь

к статусу византийско-арабского Кипра в начале VIII в., и ссылается при этом на монографию проф. Василиса Христидеса, вышедшую в 2006 г., к слову сказать, не в Никосии, а в Левкосии, где есть пассажи, ставящие под сомнение параметры существовавшего здесь кондоминиума [Christides, 2006]. Между тем В. Христидес не был столь категоричен в своих исследованиях арабо-византийских отношений. Данные и византийских, и лангобардских, и арабских источников говорят о совместном сотрудничестве здесь двух властей, и эти данные не отметишь небрежным взмахом руки. Их показания на редкость единодушны. Положение арабского адмирала – эмира и хазарского тудуна здесь было очень близко. Разумеется, современникам был неведом сам термин кондоминиум, но суть и природу договорных, нейтральных арабо-византийских отношений на Кипре это не меняет.

Да и не только Кипр позволяет строить аналогии. Согласно данным Прокопия Кесарийского, похожий режим существовал в некоей стране Хорзане, лежавшей на переплетении границ византийских и иранских владений, на протяжении трех дней пути (около 100 км) из Кифаридзона по направлению к Феодосиюполю и II Армении: «...живущие там, были ли они подданными римлян или персов, не имели никакого страха друг к другу и не вызывали взаимных подозрений в злокозненных намерениях, но роднились между собою, заключая взаимные браки, сходились, торгуя предметами первой необходимости» [Прокопий, 1939, с. 244-245 (III. 3. 9-10)]. Кондоминатное владение можно подозревать на острове Иоатава, который в ранневизантийское время эксплуатировался арабами, евреями, ромеями и химьяритами [Малх, 1860, с. 228; Theophanis, 1883, р. 141; Пигулевская, 1964, с. 87-89]. В Неаполитанском дукате, владевшем землями в плодородной Либурии, тоже было достигнуто любопытное соглашение, по которому некоторое число земель и землевладельцев оставались в общем владении лангобардов и византийцев, которые делили доходы пополам [Гийу, 2005, с. 39-40]. В Ивирии и Армении кондоминиум вытекал из непростых отношений византийцев с арабами, а в Албании – с хазарами и арабами [см.: Ahrweiler, 1974, р. 216; Гадло, 1979, с. 154; Шагинян, 1998, с. 34; Арутюнова-Фиданян, 1999, с. 380-391; Арутюнова-Фиданян, 1997, с. 42-61; Науменко, 2003 а, с. 435]. Путь возникновения таких нейтральных, «пограничных зон» кондоминатного управления на «открытой» границе византийского государства представлялся

с точки зрения государственного регулирования внешней торговли достаточно простым и эффективным, чему можно найти немало примеров [подр. см.: Домановский, 2005, с. 127-138]. Встает сакраментальный вопрос: чем выгода от сотрудничества с хазарами, поддержания для них вынужденно нейтральных отношений в Таврике была для ромеев хуже других аналогичных случаев? Более того, даже если признать ситуацию отражением гипотетического вынужденного нейтралитета, вызванного целым рядом причин и при этом не оформленного договоренностями, от исторической концепции «господства хазар» на территории Крыма все равно придется отказаться.

И уж совсем невежливо в пылу полемики позорить, унижать оппонента. Иначе как оценить подобный «аргумент»: «...будучи не в состоянии понять стратиграфию слоев и типологию амфор и хронологию краснолаковой и другой керамики, он (С. Б. Сорочан) просто обозвал результаты раскопок сомнительными» [Айбабин, 2013 а, с. 14]. Как говорится, Бог с ней, с моей «археологической неграмотностью», а выходит, и не с одной моей (ср.: Сазанов, Могаричев, 2002, с. 469-509; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 39-102; Флёров, 2011, с. 141-164), но дело не только в оценках стратиграфии и артефактов, а опять-таки в выводах, которые на интерпретации этих материалов строятся. К слову, сам А. И. Айбабин пока никак не отреагировал на критику и замечания по его стратиграфии и интерпретации керченских «хазарских» материалов, которые мало что доказывают. Сомнение – это право любого исследователя, включая уважаемого Александра Ильича. Тем более, не я один выражал сомнения в существовании в Боспоре VIII в. хазарского гарнизона и «хазарской цитадели» с некими остатками, весьма подозрительными для фортификационного сооружения, контрфорсами и обрывками кладок толщиной около метра. Она не имеет ничего общего с известными памятниками хазарского крепостного строительства. Ранневизантийские боспорские дома из бутового камня на грязевом растворе, с отгороженными дворами и хозяйственными постройками - достаточно типичные провинциально-византийские сооружения, с соответствующим ромейским инвентарем, массовой тарой, керамикой, в которых тоже не обязательно видеть «новый тип жилищ» и тем более признаки «хазарского господства». Кладка «в елку» или «колосок» на этой же грязи, земляном растворе

визуально явно позаимствована от *opus spicatum*, которая в свою очередь уходит в глубину веков, едва ли не скифские времена и, важно подчеркнуть, встречалась в Таврике в дохазарский период [Вус, 2013, с. 102-115]. Со временем, с VIII в. она стала сравнительно распространенным провинциальным строительным приемом, строительной «модой» весьма продолжительной эпохи и вполне определенного региона, включавшего Крым и Тамань [подр. см.: Сорочан, 2004, с. 49-62; Сорочан, 2004 а, с. 117-159; Флёров, 2011, с. 173-177]. Но дело в том, что в этой полюбившейся им технике работали как тюркские, болгарские элементы, носители крымского варианта салтово-маяцкой культуры, так и ромейские византизированные обитатели региона, потомки крымских греков, тавров, скифо-сармат, готов и алан. В коренных хазарских землях, на территории собственно салтово-маяцкой культуры такая кладка не встречается, и это аксиома для любого хазароведа, а вовсе не «анекдотическое представление» [Айбабин, 2013 б, с.18]. Как верно отметил В. С. Флёров, если бы ее принесли с собой хазары из Приморского Дагестана, она должна была бы маркироваться и другими признаками собственно материальной культуры хазар, той же дагестанской керамикой, да и массово присутствовала бы на прочих их памятниках за пределами Крыма, в Подонье, на Северском Донце [Флёров, 2011, с. 159].

Само присутствие носителей салтово-маяцкой культуры в конце VII – первой половине VIII вв. в Крыму остается под вопросом. Дело в том, что пресловутая «первая волна» хазарского проникновения оставила здесь мизерное число захоронений кочевников. Состав традиционного местного населения по сравнению с VI – первой половиной VII вв., видимо, существенно не изменился. Долгое время, по крайней мере до 2005 г., исследователи вслед за А. В. Гадло, И. А. Барановым допускали, как само собой разумеющееся, наличие на Керченском полуострове, якобы главном месте хазарского присутствия, памятников конца VII – первой половины VIII вв., хотя и оговаривали, что массовое переселение в Крым носителей СМК относится не ранее чем ко второй половине VIII в. [см.: Пономарев, 2000, с. 116-124; Зинько, Пономарев, 2005, с. 406-429; Зинько, Пономарев, 2007, с. 233-254]. Однако в дальнейшем на салтовских поселениях Керченского полуострова слоев и комплексов конца VII – первой половины VIII вв. выделить так и не удалось. Поэтому во всех последующих исследованиях все публиковавшиеся

поселенческие комплексы стали датироваться не ранее второй половины VIII в., что подтверждается и совершенно идентичным массовым керамическим материалом. То же самое относится и к могильникам. Эти факты, конечно, не исключают возможности того, что в дальнейшем комплексы конца VII - первой половины VIII вв. на Керченском полуострове будут найдены, но их пока нет, как нет хазарских слоев и в остальном Крыму [подр. см.: Зинько, Пономарев, 2005 а, с. 236-268; Зинько, Пономарев, 2007 а, с. 183-196; Зинько, Пономарев, 2008, с. 420-440; Пономарев, 2008, с. 268-270; Тиритака, 2009; Пономарев, 2009, с. 490-520; Пономарев, 2011, с. 343-378; Пономарев, 2011 а, с. 287-295; Пономарев, Федосеев, 2011, с. 302-330; Пономарев, 2011 б, с. 225-231; Пономарев, 2012, с. 65-98; Пономарев, 2012 а, с. 479-511; Бейлин, Пономарев, 2012, с. 17-24; Пономарев, Федосеев, 2012, с. 491-525; Пономарев, 2012 б, с. 52-54; Пономарев, 2012 б, с. 65-78; Пономарев, 2012 в. Вып. 5, с. 186-209; Майко, Пономарев, 2013, с. 97-106, 182-185; Пономарев, 2013, с. 440-461; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435-471; Майко, Пономарев, 2013 а, с. 290-295; Пономарев, 2013 а].

При мощном политическом, экономическом, социальном, идеологическом, религиозном, культурном влиянии Византии, реальном присутствии византийских властей, всего материально ромейского, хазары оставались в Таврике в лучшем случае изредка появлявшимися, причем в основном вне местных городов, и уходившими пришельцами, пока к концу VIII в. ситуация не стала меняться в сторону усиления проникновения в здешние земли, особенно восточного и юго-восточного Крыма, носителей салтовомаяцкой культуры, чему есть многочисленные подтверждения источников. Но даже это могло происходить только при условии достаточно мирных отношений Византии и каганата, терпимого отношения к переселенцам со стороны византийских властей. На территории Византии всегда присутствовало большое число иноземцев – практика усвоенная от римлян и вполне привычная ситуация для ромеев. Такое присутствие иноземцев, терпимое к ним отношение при условии лояльности с их стороны – это неотъемлемый признак любой империи, включая и византийскую. Сами хазарские власти, судя по всему, долгое время лишь эпизодически обращали особое внимание на отдельные события истории византийского Крыма, но, заинтересованные в нем по материальным, торговым и политическим причинам, вынуждены

были соблюдать нейтралитет, который им обеспечивала ситуация договорного кондоминиума. Еще раз подчеркну, что общая обстановка объективно складывалась таким образом, что ни Византия, ни каганат не были заинтересованы в развязывании взаимных конфликтов в стабильной Таврике. Долгое отсутствие феми на здешних землях косвенно тоже подтверждает этот вывод.

И последнее. Я никогда не заявлял, что являюсь носителем истины в последней инстанции. Как мне кажется, я обосновал плодотворную гипотезу, одну из возможных, которая многое объясняет и устраняет неувязки в трактовке источников, как в их свидетельствах, так и в их умолчаниях. Недаром даже раздел о Хазарии и Византии в Таврике, их господстве или кондоминиуме, я снабдил в своей монографии «Византийский Херсон» знаком вопроса. Да и к самой книге не случайно были выбраны эпитафией слова Камю: «Нет Истины. Есть только истины». Исследование всегда поиск, поиск, который никогда не прекращается..., и спор. Дискуссия исследователей, которые с точки зрения научной этики должны быть внимательны и уважительны к своим оппонентам, как бы ни противились они тому, что входит в разрез с их представлениями. А. И. Айбабин, закончивший Ленинградский университет, относит себя к отечественной исторической школе. В связи с этим стоит напомнить, что одним из основных достижений русской (в широком смысле этого слова) исторической науки всегда было доскональное знание историографии вопроса и не умалчивание неудобных точек зрения. Именно поэтому русская историческая школа всегда находилась на переднем крае развития исторической науки. Игнорировать же без объяснений и, тем более, шельмовать чужие взгляды, - мягко говоря, не научный подход.

Литература

Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МИЭТ. 2013. Вып. 18.

Айбабин А. И. Горodiще на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. 16.

Айбабин А. И. К вопросу о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Керчь, 2013 г. Вып. 14.

Айбабин А. И. К вопросу о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Проблемы джерелознавства, історіографії та історії Сходу: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження професора В. М. Бейліса (1923-2001 рр.). Луганськ, 2013 б.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Доклады Института Российской истории РАН 1995 - 1996 гг. М., 1997.

Арутюнова-Фиданян В. А. Византия и Армения в X-XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.

Археология / Под ред. Б. А. Рыбакова. – Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнёва. М., 2003.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990.

Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал-восточное) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. 13.

Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16.

Вус О. В. Приморские castella tumultaria Судак в контексте военно-инженерной практики римлян в Крыму в IV веке // Ρωμαίος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ucrainensia. Харьков, 2013. Т. 2.

Гадло А. В. [Рец.] (Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168) // ВВ. 1973. Т. 37.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32.

Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

Дискуссия по статье Е. С. Галкиной / В. Н. Залеская, З. А. Львова, С. Б. Сорочан [и др.] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. №1. – Дискуссия по ст.: Галкина Е. С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские

исследования. 2011. №1.

Домановский А. Н. О зонах кондоминатного управления на границах Византии IV-IX вв. : аспект государственного регулирования внешней торговли // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2005. №701. Історія. Вип. 37.

Домбровский О. И. Средневековый Херсонес // Археология УССР: В 3 т. К., 1986. Т. 3.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. 2013. Вып. 28.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. 2005 а. Вып. 10.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., 2008.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007 а. Вып. 13.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. 11.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тюрко-болгарские памятники Восточного Крыма в конце VII-X вв. // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 4 / 1. Сборник в памет на Димитр Димитров. Доклади от V международна среща по прабългарската история и археология. Варна 22-24. 04. 2004 г. София, 2007.

Катюшин А. Е. К вопросу о византийско-хазарских отношениях в конце VII – начале VIII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Керчь, 2013. Вып. 14.

Люттвак Э. Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А. Н. Коваля. М., 2012.

Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие могильники как источник по христианизации Восточного Крыма «хазарского времени» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Керчь, 2013 а. Вып. 14.

Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие некрополи Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцка археологічна култура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3.

Малх Филадельфиец. Византийская история в семи книгах, отр. 1 // Византийские историки Дексипп, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос, Феофан Византиец. СПб., 1860.

Могаричев Ю. М. Византийский Крым (Крым в VI-XII вв.). Симферополь, 2008.

Могаричев Ю. М. Крым в «византийский период» (VI – начало XIII вв.) // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158).

Могаричев Ю. М. Крым в VIII-X вв. (Проблема хазарского присутствия) // Болгарский Форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19-21 июня 2010 г., Болгар). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 12. Казань, 2011.

Могаричев Ю. М. Крым в VIII-X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. Казань, 2010. №4.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории восточного Крыма VIII-IX вв. // С. сб. 2005. Вып. 2.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // X. сб. 2004. Вып. 13.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Науменко В. Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность - средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.

Науменко В. Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. 2007. Вып. 16.

Науменко В. Е. К вопросу о титуле «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII – начала IX вв. // Херсонесский колокол. Сб. науч. ст., посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь, 2008.

Науменко В. Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.

Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII - середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. 12.

Науменко В. Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.

Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. 2004. Т. 3.

Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, 2004 (рукопись).

Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. 2003 а. Вып. 10.

Науменко В. Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. 2005. Вып. 36.

Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991.

Пигулевская Н. В. Политика Византии на Эритрейском море // История и филология стран Ближнего Востока (ПС. Вып. 11 (74). Л., 1964.

Пономарев Л. Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // С. сб. 2012 в. Вып. 5.

Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения. Керчь, 2011 а. Вып. 12.

Пономарев Л. Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ρωμαϊός: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, 2013. Т. 2.

Пономарев Л. Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т. 9: Хазарское время.

Пономарев Л. Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. г. Бахчисарай, КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 5-7 сентября 2012 г. Тезисы докл.

и сообщ. Бахчисарай, 2012 б.

Пономарев Л. Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. 2011. Вып. 25.

Пономарев Л. Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. 2009. Вып. 21.

Пономарев Л. Ю. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова // Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров (античность и средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.

Пономарев Л. Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновский сборник. София; Харьков. 2012 в. Т. 5.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное (Керченский полуостров) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011 б.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // БИ. 2012 а. Вып. 26.

Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. 2. М., 2008.

Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники) // Таврійські студії. Культурологія. 2013 а. №4.

Пономарев Л. Ю., Федосеев Н. Ф. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Вып. 3.

Пономарев Л. Ю., Федосеев Н. Ф. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // Древности Боспора. 2012. Т. 16.

Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. № 4.

Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / МГУ. М., 1999.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. 1. Проблема «хазарских слоев» Керчи //

ПИФК. 2002. Вып. 12.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // Древности юга России. М., 2008.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. – 2008. – Вып. 21.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII) в. // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. 2006. Вып. 16 / 1.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия - Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.

Сорочан С. Б. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII-IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995.

Сорочан С. Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докл. II Международ. археолог. конф. Самара, 1997.

Сорочан С. Б. Торговля у Візантії IV-IX віків. Структура і організація механізмів обміну: автореф. дис. ... докт. іст. наук / Харківський державний університет. Харків, 1998.

Сорочан С. Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998 а.

Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62 (87).

Сорочан С. Б. Об opus spicatum как культуромаркирующем признаке // Български годишник. Болгарський щорічник. Болгарский ежегодник. К., 2004. Вып. 5.

Сорочан С. Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // ХА. 2004 а. Т. 3.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1-2.

Сорочан С. Б. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и

описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17-19 апреля 2006 г.). Материалы конференции. М., 2006.

Сорочан С. Б. К исторической географии Хазарии: пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. 2006 а. Т. 4.

Сорочан С. Б. Еще раз о кирах византийского Херсона // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos / Сборник материалов конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2006 б.

Сорочан С. Б. Кир Фул и «народ фульский» : к вопросу об этно-конфессиональном облике // Дриновски сборник. Харьков; София, 2007. Т. 1. С. 36-45

Сорочан С. Б. О политическом статусе Таврики во второй половине VI - первой половине VII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. (Москва, 16-18 апреля 2007 г.) Материалы конференции. М., 2007 а.

Сорочан С. Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // ХА. 2007 б. Т. 6.

Сорочан С. Б. О датировке времени борьбы Юстиниана II Ринотмета с византийским Херсоном // Древности Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 8.

Сорочан С.Б. О положении и статусе Сугдеи в VI-IX вв. // Древности 2006 - 2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2008 а.

Сорочан С. Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 350-352.

Сорочан С. Б. О торгово-экономических связях византийского Херсона с федератами Таврики в VI-VII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. Материалы конференции. М., 2013.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков; М., 2013 а. Ч. 1 (Myriobiblon. Византия и ее окружение. Исследования. Т. 2).

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель

Херсонеса. Харьков, 2000.

Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. 2006 а. Вып. 16 / 1.

Сорочан С. Б., Смычков К. Д. О статусе и времени бытования киров византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2006. №728. Історія. Вип. 38.

Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. / БИ. Supplementum. 5. Симферополь; Керчь, 2009.

Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011.

Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона в VIII - начале IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. 12.

Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. 8.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Чореф М. М. К истории ранневизантийской Таврики по данным сфрагистики // Византия и византийское наследие в России и мире. Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2013.

Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. СПб., 1998.

Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. 7.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

Якобсон А. Л. Рец.: Феодальная Таврика. Киев, 1974. 216 с. // ВВ. 1977. Т. 38.

Ahrweiler H. La frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congres international des etudes byzantines. Bucarest, 1974.

Christides V. The Image of Cyprus in the Arabic Sources. Leukosia, 2006.

Lewis A. R. Naval Power and Trade in the Mediterranean A. D. 500-1100. Princeton; N.J., 1951.

Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7.

Shapira D. Bulgar-Khazar Rivalry: Njnts on Etnical Historio-

Psychology (Judaco-Turkica VII) // XA. 2002. Т. 1.

Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.

С. Б. Сорочан
Размышления над критикой
(К статье А. И. Айбабина о византийско-хазарском
кондоминиуме в Крыму)

Резюме

Статья посвящена анализу критики А. И. Айбабиным научной концепции о византийско – хазарском кондоминиуме в Таврике. Автор этой концепции и статьи полемизирует с оппонентом, не соглашаясь с его взглядами об установлении господства хазар над византийской Таврикой в VIII в. Проблема далека от решения. Комплексное исследование письменных и археологических источников позволяет прийти и к иным вариантам ответа, вплоть до признания территории Крыма в «хазарскую эпоху» под полным контролем Византии. Одностороннее «господство хазар», как и «хазарские слои», здесь не фиксируются. Однако исследователям в своих построениях надо обязательно учитывать разные точки зрения и не сводить их к одной гипотезе, выдавая ее за единственно возможное решение.

Ключевые слова: хазары, Византия, Юстиниан II, Крым, кондоминиум, Боспор, Херсон, opus spicatum.

Сорочан С. Б.
Роздуми над критикою (До статті А. І. Айбабіна про
візантійсько-хазарський кондомініум в Криму)

Резюме

Стаття присвячена аналізу критики О. І. Айбабіним наукової концепції візантійсько-хазарського кондомініуму в Тавриці. Автор цієї історичної концепції та статті полемізує з опонентом, не погоджуючись з його поглядами про встановлення панування хозар

над Таврикою у VIII ст. Проблема далека від вирішення. Комплексне дослідження письмових і археологічних джерел дозволяє дійти інших варіантів відповіді, аж до визнання території Криму в «хазарську епоху» під повним контролем Візантії. Одностороннє «панування хозар», як і «хазарські шари» тут не фіксуються. Однак дослідникам у своїх побудовах треба обов'язково враховувати різні точки зору і не зводити їх до однієї гіпотези, видаючи її за єдино можливе рішення.

Ключевые слова: хозари, Візантія, Юстиніан II, Крим, кондомініум, Боспор, Херсон, opus spicatum.

Sorochan S.

Reflections on the Criticism (For the Paper by A. I. Aybabin about the Byzantine-Khazar Condominium in the Crimea)

Summary

The criticism of scientific concept about Byzantine-Khazar condominium in Tauris by A. I. Aybabin is analyzed in this paper. The author of this historical concept and article argues against an opponent and disagrees his views about the establishment of the Khazars rule in Tauris in the VIII century. The problem is far from solved. A comprehensive study of the written and archaeological sources allows to come other possible choices, until the recognition of the Crimea territory in the "Khazar era" under the full control of the Byzantine Empire. The unilateral "Khazar domination," as well as "Khazar layers" are not recorded. However, it is necessary for researchers to consider different points of view in their scientific constructions and not reduce them to one hypothesis, presenting it as the only possible solution.

Keywords: Khazars, Byzantium, Justinian II, Crimea, condominium, Bosphorus, Cherson, opus spicatum.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века.

БИ – Боспорские исследования.

ВВ – Византийский временник.

ВДИ – Вестник древней истории.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии
Таврии.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры.

ПС – Палестинский сборник.

С. сб. – Сугдейский сборник.

ХА – Хазарский альманах.

Х. сб. – Херсонесский сборник.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и публикации	4
В.С. Аксёнов НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ХАЗАРИИ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА	4
О.Б. Бубенок КАСОГИ НА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА	34
М.М. Иевлев, А.А. Козловский, Н.И. Минаева РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ (К ВОПРОСУ СУЩЕСТВОВАНИЯ «ЖИДОВСКОГО ГОРОДА» НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО КИЕВА)	69
В.В. Майко ПРИПИСКИ НА ПОЛЯХ КРЫМСКИХ БИБЛИЙ. ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	91
Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. ЖИТИЕ ИОАННА ГОТСКОГО ИЗ МИНОЛОГИЯ ВАСИЛИЯ II. ...	103
В.Е. Науменко К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАВРИКИ X В.: РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 935–941 ГГ. И ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ПОХОД ПЕСАХА»	118
Л.Ю. Пономарев САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (КРАТКИЙ ОБЗОР ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ)	135

Дискуссия	160
А.И. Айбабин К ДИСКУССИИ О ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКОМ КОНДОМИНИУМЕ В КРЫМУ	161
С.Б. Сорочан РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КРИТИКОЙ (К СТАТЬЕ А. И. АЙБАБИНА О ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКОМ КОНДОМИНИУМЕ В КРЫМУ)	175

Наукове видання

Хазарский альманах

Том 12

(Російською мовою)

Літературний та технічний редактор – К.В. Бондар

ISBN 978-617-7188-48-2

Редакційно-видавничий відділ МСУ

Адреса редколегії: 61057 Україна, м. Харків, вул. Громадянська, 22/26

Тел./факс: (057) 771-02-53, 771-02-54

www.msu-kharkov.edu.ua

e-mail: info@msu-kharkov.edu.ua

Формат 70x100/16

Папір офсетний. Друк лазерний. Друк. арк. 17,0

Підписано до друку 25.02.2014. Наклад 500 прим. Замовлення 25/02 - 118.

Віддруковано в друкарні ООО «Сучасний Друк» на цифровому лазерному видавничому комплексі Rank Xerox Docutech 135.

Телефон: (099) 777-39-13